

ХРАНИТЕЛИ РАВНОВЕСИЯ

ИСКРА. Чужая земля

Ирина Савицкая

18+

Ирина Савицкая

ИСКРА. ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ.

«Автор»

2026

Савицкая И.

ИСКРА. ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ. / И. Савицкая — «Автор», 2026

Она была шеф-поваром в Москве. Успешным, взрослым, никому не нужным. Он был господином в другом мире — жестоким, чужим. Ее разбудили в грязном фургоне со связанными руками, в теле молодой женщины, которую все считали слабой и забитой. Ее новый дом — разоренное поместье с гнилой крышей и голодными людьми. Ее муж — мертв. Ее ребенок — убит. Ее сосед — хочет ее смерти. Но они не знают одного: тридцать восемь лет жизни в ее мире не прошли даром. Она умеет готовить так, что пальчики оближешь. Она умеет договариваться с теми, с кем договориться нельзя. И она не собирается умирать в этой грязи. Но в мире, где магия угасает, а равновесие нарушено, ее появление — не случайность. За ней охотятся те, кто сильнее любого барона. И когда снег окрасится кровью, ей придется выбирать: остаться поваром или стать тем, кем ее создал этот мир.

© Савицкая И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: Пробуждение	5
Глава 1: Смотрины	11
Глава 2: Похлебка	14
Глава 3: Ночь	18
Глава 4: Печь	22
Глава 5: Велена	33
Глава 6: Климат и времена года в Эрдарии (Северный удел)	40
Глава 6 Часть 2: Визит Рутгера	41
Глава 7: Подвал и охота	45
Глава 8: Переселение	48
Глава 9: Вера	51
Глава 10: Первый снег	53
Глава 11: Весть	57
Глава 12: Гость	59
Глава 13: После гостя	62
Глава 14: Раненый	68
Глава 15: Ловушка	71
Глава 16: После боя	74
Глава 17: Гость	77
Глава 18: Совет	80
Глава 19: Последний день	82
Глава 19 Часть 2: Гость из прошлого	83
Глава 20: Сны	86
Глава 21: Дорога	90
Глава 22: Все еще дорога	95
Глава 23: Утро в лесу	100
Глава 24: Столица	103
Глава 25: Канцлер	108
Глава 26: Ночные гости	114
Глава 27: Храм	120
Глава 28: Канун	126
Глава 29: Сон	130
Глава 30: Под землей	133
Глава 31: Суд	138
Глава 32: Дорога домой	148
Глава 33: Возвращение	152
Глава 34: Болезнь	156
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Ирина Савицкая

ИСКРА. ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ.

ПРОЛОГ: Пробуждение

Она пришла в себя от тряски. Как будто земля под ногами вдруг зашевелилась и стала тормошить ее зубами, ломая сон на огромные щепки. Запах — липкий, неблагополучный, словно чем-то давно испорченным пропитана вся ткань воздуха. Господи, какой же запах. Так пахнет только то, что давно сдохло, и то, что никогда не стирали. В одном флаконе. С ногами прелых листьев, кислой капусты и, кажется, немытого тела.

«В детстве у бабушки в деревне пахло иначе, — подумала она, прежде чем открыть глаза. — Там пахло яблоками и сеном. А здесь... здесь пахнет безнадёгой».

Глаза открывать не хотелось. Во-первых, потому что голова раскалывалась так, будто по ней отплясывала рота солдат. Во-вторых, потому что где-то на периферии сознания уже поселился липкий страх: что-то не так. Совсем не так.

Она попыталась пошевелить рукой и поняла, что не может. Руки были связаны. Грубой веревкой, которая врезалась в запястья. И рот... во рту кляп. Тряпка, отдающая мылом и еще чем-то химическим.

«Так, — сказала она себе очень спокойно. — Ты Алиса Николаевна Ветрова. Тебе тридцать восемь лет. У тебя был ресторан, который сдох в ковид, бывший муж, который сдох морально еще раньше, и кредит, который до сих пор жив. Ты не пила вчера. Ты вообще не пьешь крепче martinis с 2019 года. Значит, это не похмелье. Значит, это что-то другое».

Она заставила себя открыть глаза.

Сверху было деревянное небо. То есть не небо, а крыша. Деревянная, грязная, с щелями, в которые пробивался тусклый свет. Она лежала на куче тряпья, которое пахло так, что слезились глаза. Рядом, ворочаясь, храпели какие-то тела. Мужики. Несколько.

Телега. Она в телеге. Которая куда-то едет.

Паника накатила мгновенно, как волна в шторм. Сердце заколотилось где-то в горле, руки дернулись, но веревки только глубже впились в кожу. Она замычала в кляп — бесполезно. Никто не проснулся.

«Спокойно, — приказала она себе. — Дыши. Раз, два, три. Ты шеф-повар, ты держала кухню, когда там горел соусник, повар-итальянец рыдал в углу, а на входе стояла очередь из ста человек. Ты справлялась с худшим. Справляйся и сейчас».

Она заставила себя дышать ровнее и начала собирать информацию.

Итак:

Телега, крытая, грязная.

Руки связаны, во рту кляп.

В телеге еще трое мужиков. Спят или делают вид.

Одежда на ней... Она опустила глаза. На ней было что-то серое, бесформенное, похожее на мешок из-под картошки. И это не ее тело.

Стоп.

Алиса устала на свои руки. Руки были молодые. Тонкие, бледные, в ссадинах и синяках. На запястьях — кровавые полосы от веревок. Ногти обломаны, под ними грязь.

— Мать моя женщина, — прошептала она в кляп (получилось «Ммм ффым мммыфф-фына»).

Это были не ее руки. У нее были руки шеф-повара — ухоженные, даже в мозолях, но ухоженные. С маникюром. А это... это руки крестьянки, которая работала на износ.

И тогда она вспомнила.

Вспышка. Слепящий свет. Боль в груди. Метро? Она была в метро? Да, она ехала в метро, возвращалась поздно вечером от подруги... И вдруг — удар. Сердце? Инсульт?

— Я умерла, — сказала она себе. И удивилась собственному спокойствию. — Я, кажется, действительно умерла.

Телега подпрыгнула на ухабе, и один из мужиков заворочался, матюгнулся сквозь сон и снова затих.

Алиса закрыла глаза.

— Хорошо. Допустим. Я умерла. И что теперь? Попала в ад? Судя по запаху — очень похоже. Но в аду, говорят, жарко. А здесь холодно. И пахнет не серой, а... навозом и сыростью.

Она попыталась вспомнить хоть что-то. Какие-то книги, фильмы, разговоры. Она читала фэнтези? Ну, пару раз в отпуске брала что-то про драконов. Смотрела «Игру престолов»? Первые сезоны, да. Но она никогда не думала, что это может случиться с ней. С Алисой Ветровой, реалисткой до мозга костей, которая верит только в деньги на счету и исправный холодильник.

— Ладно, — подумала она. — Если я попала в средневековье, то надо хотя бы понять, в чье тело. И где мои вещи. И почему меня связали. И куда везут.

Она снова открыла глаза и принялась изучать окружение. Мужики — местные. Одеты в грубое тряпье, сапоги стоптаны, рожи... ну, типичные крестьяне. Не похожи на бандитов. Скорее на конвоиров.

Значит, она не пленница разбойников. Она — под конвоем. Куда? За что?

И тут в голову хлынули образы. Чужие. Страшные.

Она (настоящая, чье тело) стояла на коленях перед мужчиной в богатой шубе. Мужчина бил ее по лицу. Она плакала и просила: «Ребенка, пощади ребенка...» Мужчина смеялся. Потом темнота. Потом боль внизу живота. Потом тишина. И холод. И женщина с корявыми руками, которая качала головой и шептала: «Не жилец, не жилец, Господь прибрал...»

Алиса дернулась так, что мужики заворочались. По щекам текли слезы. Чужие слезы. Чужая боль.

— У нее был ребенок, — поняла Алиса. — У этой женщины был ребенок. И его убили. И ее убили. А я теперь... я теперь это тело.

Ей стало страшно. Не за себя — за ту, настоящую. И за маленького, который даже не успел закричать.

Телега остановилась.

Мужики зашевелились, закричали, начали выбираться наружу. Один, самый молодой, с туповатым лицом, заглянул внутрь и ткнул Алису пальцем в бок:

— Эй, ты! Живая? Вылазь, приехали. Барон велел доставить, значит. Вот твое хозяйство, госпожа недоделанная.

Он заржал своей шутке.

Алиса посмотрела на него. В голове пронеслось: «Если я сейчас начну орать и вырываться, меня просто прирежут и закопают в лесу. Если буду покорной — закопают чуть позже. Значит, надо тянуть время. И собирать информацию».

Ей помогли выбраться - выдернули за шкуру и поставили на подкашивающиеся ноги. Вокруг был лес. Осенний, промозглый, серый. Дорога уходила куда-то вниз, к реке. А на пригорке стояло...

— Это что, поместье? — прошептала Алиса, забыв, что у нее во рту кляп, и снова промычала.

Это был не дом. Это были развалины. Огромные развалины.

Мрачно-выгнутые стены башни выглядели как зубы старого зверя: наполовину разобранная на дрова каменная башня, голодная кость строения. Пристройка с провалившейся крышей — как челюсть, которая сорвала челюстной сустав из уст домов. Когда-то высокий каменный

забор сейчас держался на честном слове и гнилых кольях. Бывшие ворота стонали на ветру и подрагивали, будто сами жалели, что живут здесь. Вокруг — грязь, лужи, тощие куры, роющиеся в навозе, как призрачные стражи этого места. Несколько баб в черном наблюдали за ней неподвижно, тупым любопытством, которое не требует слов, но звучит громче любого крика.

— Добро пожаловать, — хмыкнул мужик, разрезая веревки на ее руках. — Живи теперь тут. Если выживешь, конечно.

Он снова заржал, хлопнул себя по ляжкам и полез обратно в телегу.

Телега уехала. Алиса осталась стоять посреди грязи, в чужом рванье, с чужой болью в сердце и чужими слезами на щеках.

Мимо прошел мужик с вилами. Посмотрел на нее равнодушно и сплюнул под ноги.

— Еще одна, — сказал он кому-то невидимому. — Подохнет к зиме.

И пошел дальше.

Алиса выплюнула кляп. Тряпка упала в грязь. Вытерла рот рукавом и сказала в пустоту:

— Ну, спасибо за теплый прием. Я, конечно, не рассчитывала на красную дорожку, но это уже перебор.

Никто не ответил. Только ветер шуршал в голых ветках, да где-то заунывно скрипел журавль колодца.

И тут из-за поленницы показалось нечто.

Сначала Алиса подумала, что это крыса. Огромная, серая, с наглой мордой. Но потом «крыса» вышла на свет, и оказалось, что это кот. Большой, лохматый, драный. Левое ухо разорвано, хвост обрублен наполовину, но пушистый, как метелка для пыли. Грудь белая, лапы в белых носочках. Глазищи зеленые, наглые и очень голодные.

Кот сел в двух метрах от нее и уставился в упор. Он не просил. Он требовал. Требовал ответа: кто ты такая и что ты здесь забыла.

— Привет, — сказала Алиса хрипло. — Ты здесь главный? Или так, местный попрошайка?

Кот моргнул. Очень выразительно.

— Есть хочешь? Я тоже хочу. И я, знаешь ли, вообще не в себе. Я, может быть, умерла и попала в ад. А ты сидишь и смотришь, как на дуру.

Кот подошел ближе. Сел у ее ног. И... начал тереться о ее грязный сапог. Громко заурчал. Так урчат только очень голодные и очень наглые коты, которые знают, что от них никуда не денутся.

Алиса вдруг почувствовала, как от этого урчания внутри разливается тепло. Впервые с момента пробуждения. Живое существо. Которому плевать, кто она, откуда и в чьем теле. Ему просто нужно, чтобы ее накормили. И это было так... нормально.

— Ладно, — сказала она, наклоняясь и протягивая руку. Кот ткнулся мордой в ладонь, позволяя почесать за ухом. — Ладно, выживем. Я шеф-повар, между прочим. Из нас двоих только я знаю, как из этой грязи сделать конфетку. Правда, пока не представляю, как. Но что-нибудь придумаем.

Кот мурлыкнул, согласно.

И в этот момент из развалин вышел мужчина.

Алиса подняла глаза и... внутренне присвистнула. Высокий, худой, но видно, что под рубахой — плечи, которые помнят работу. Русые волосы падают на глаза, лицо осунувшееся, небритое, но не опухшее. И шрам через левую бровь и скулу — старый, но заметный. Хромает на правую ногу.

Остановился в двух шагах, глянул на нее тяжелым взглядом. Без злобы. Без жалости. С усталой обреченностью человека, который уже все видел и ничего хорошего не ждет.

Помолчал. Потом сказал:

— Я Михай. Смотрю тут за всем. Значит, не сдохли в дороге?

Она хотела ответить что-то резкое, но вдруг почувствовала, как внутри шевельнулось что-то чужое. Страх. Липкий, холодный, не ее. Перед глазами мелькнуло: мужское лицо, злое, с рыжей бородой, и голос: *«Уберите ее с глаз моих. В Каменный Лог. Там ей и место. Пока не сдохнет — как щенок еедохлый»*.

Алиса пошатнулась, схватилась за столб.

— Эй, — Михай шагнул к ней, на секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на беспокойство. — Плохо?

— Нормально, — выдавила она, проглатывая тошноту. — Голова закружилась. С дороги. Он смотрел внимательно. Слишком внимательно.

— Вы на лицо бледная. Может, присесть?

— Куда? — Алиса обвела рукой грязь и развалины. — На забор? Ничего, дойду.

Она выпрямилась, заставила себя дышать ровно. Обрывки чужой памяти все еще пульсировали где-то в затылке. Рыжая борода. Злые глаза. И слово «щенок» про ребенка. Это он? Тот, кто убил?

— Слушайте, Михай, — спросила она как можно равнодушнее. — А муж мой... покойный барон Кречет... у него же родственники остались?

Михай замер. На секунду его лицо стало совсем непроницаемым.

— Брат. Младший. Лютобором кличут. — Он помолчал. — Только его здесь давно нет. Еще при жизни барона уехал. Говорят, в столицу. Или за море. Кто ж его знает.

— А после смерти барона не появлялся?

— Нет. — Михай отвернулся, но Алиса успела заметить, как дернулась жилка у него на скуле. — Да и зачем ему? Наследство и так его. По закону. Если объявится, конечно.

— То есть, — медленно проговорила Алиса, — по закону это поместье и все, что к нему прилагается, принадлежит... брату моего покойного мужа?

— По закону — да. — Михай наконец посмотрел ей в глаза. — Но закон — он разный бывает. Пока Лютобора нет, вы — вдова. А вдовам положено где-то жить. Вот и живете.

— Пока не сдохну? — усмехнулась Алиса.

— Я этого не говорил, — сухо ответил Михай.

— А Рутгер? — вдруг спросила она, сама не зная, откуда взялось это имя. — Барон Рутгер фон Крюк. Он тут при чем?

Михай остановился так резко, что чуть не упал на больную ногу.

— Откуда вы знаете про Рутгера?

Алиса поняла, что ляпнула лишнее. Память тела? Слухи? Она и сама не знала.

— Люди говорят, — уклончиво ответила она.

— Люди, — Михай покачал головой. — Люди много чего говорят. А вы... вы вообще не похожи на ту, что была.

— На какую «ту»?

— На баронессу. Настоящую. Я ее видел один раз, проездом, еще при муже. Она другой была. Молчаливая. Забитая. В угол жалась. А вы... — он снова посмотрел на нее с этим странным любопытством. — Вы на нее не похожи.

Алиса почувствовала, как внутри все сжалось. Он заметил. Он уже заметил.

— Меня жизнь помотала, — сказала она жестко. — Знаешь, как бывает? Когда умирает ребенок — или характер ломается, или сталью становится. Я, видимо, стала сталью. Вопросы есть?

Михай молчал долго. Потом мотнул головой.

— Нет вопросов.

Алиса выдохнула. Пронесло. Пока.

Но имя — Лютобор, брат мужа — врезалось в память. Если он объявится и заявит права, ее отсюда выставят в два счета. Или убьют. Значит, нужно успеть стать здесь нужной. Незаменимой. Чтобы даже если явится законный наследник, крестьяне и Михай были на ее стороне.

Голос низкий, хрипловатый, равнодушный. Алиса даже растерялась на секунду. Она ожидала чего угодно — ненависти, любопытства, страха. А тут — ноль эмоций.

— Поместье дохода не приносит, земля тощая, мужики ленивые, барский дом развалился. Кормить вас нечем. Жить негде. Если хотите моего совета — садитесь обратно в телегу и уезжайте, пока не стемнело.

Он говорил это спокойно, деловито, как предлагают сходить за водой. Алиса слушала и чувствовала, как внутри закипает злость. Хорошее начало: ее только что списали со счетов, даже не дав шанса.

— Телега уехала, — коротко ответила она.

— Значит, пешком. До тракта верст пять. К ночи дойдете.

— Я никуда не пойду.

Михай посмотрел на нее внимательнее. Взгляд скользнул по грязному платью, по ссадинам на руках, по лицу. На секунду в глазах мелькнуло что-то похожее на... любопытство? Или жалость? Но тут же пропало.

— Дело ваше, — пожал он плечами. — Ночевать можете в старой башне. Крыша там еще держится. Топить нечем, дрова кончились еще в прошлом году, а в этом для барина не запасали. Еды тоже нет. Утром, если не околеее, поговорим.

Он развернулся и, прихрамывая, пошел обратно к развалинам.

Алиса смотрела ему в спину и чувствовала, как внутри закипает знакомая ярость. Та самая, которая помогала ей выживать, когда рушился бизнес, когда уходил муж, когда кредиторы звонили по ночам.

— Эй! — крикнула она.

Михай остановился, обернулся через плечо.

— Кухня где? Место, где готовят еду. Должно же здесь быть такое место?

Он посмотрел на нее как на сумасшедшую.

— Была кухня. Но, там печь развалилась два года назад. А что?

Алиса глубоко вздохнула. Кот под ногами требовательно мяукнул, словно напоминая: «Ты обещала!»

— Значит, так, Михай. Меня зовут Искра. Искра фон Эйден. Я теперь здесь хозяйка, нравится вам это или нет. Я жутко голодная, этот нахал (кивок на кота) тоже и, если вы не покажете мне, где тут можно развести огонь и сварить хоть что-то, я... я не знаю, что я сделаю. Но вам не понравится.

Она сама не ожидала, что голос прозвучит так твердо.

Михай замер. Секунду смотрел на нее, потом перевел взгляд на кота, который сидел у ее ног с таким видом, будто это он здесь главный, а все остальные так, обслуга.

И вдруг в его глазах мелькнуло что-то живое. Усталость никуда не делась, но добавилось... удивление? Интерес?

— Кот у вас, — сказал он невпопад. Белогрудый. Его Лешим кличут. Жил на мельнице, никого к себе не подпускал, злой был, как сто чертей. А к вам пошел. Впервые вижу, чтобы он к кому-то подошел.

Алиса опустила глаза. Кот сидел и нагло щурился, урча, как трактор.

— Значит, у него теперь новое имя, — сказала она. — Леопольд. Лева. И он хочет есть. И я хочу есть. Ведите уже, пока мы тут не рухнули.

Михай постоял еще секунду, качнул головой — то ли удивленно, то ли обреченно — и махнул рукой:

— Идемте, баронесса. Покажу ваше хозяйство. Только не говорите потом, что я не предупреждал.

И он пошел вперед, прихрамывая, но стараясь не замедляться.

Алиса подхватила кота на руки и шагнула следом. Лева возмущенно бухнул, но с рук не слез.

В грязь. В нищету. В чужую жизнь, полную боли и тайн.

Но первый шаг был сделан.

Глава 1: Смотровины

Михай резал сырой воздух своим стремительным шагом. Казалось, хромота была лишь обманкой, частью его неразгаданного образа. Алиса, спотыкаясь и чертыхаясь, скакала за ним, как жалкая блоха за гончей. Весь мир сейчас для нее сузился до чавкающей грязи, дырявой подошвы и тяжести кота Левы. Кот, подлец, урчал так, будто внутри него работал маленький, но очень довольный жизнью трактор.

— Долго еще топать? — выдохнула она, перемахнув через лужу, в которой, кажется, утонула чья-то цивилизация.

Михай замер. Алиса по инерции сделала еще шаг и остановилась рядом.

— У цели, — глухо произнес он и повел рукой, словно фокусник, показывая главный приз. — Полюбуйтесь на наследие предков.

Алиса подняла взгляд.

И мысленно высказалась любезно.

Наследие предков оказалось каменным кошмаром. Из серой мути неба в серую муть земли уходила корявая башня. Стены ее, казалось, впитали в себя всю сырость и тоску этого края, почернели и оплавились от времени. Окна-бойницы напоминали пустые глазницы черепа. Приземистая пристройка, притулившаяся сбоку, и вовсе разинула пасть: крыша, с одной стороны, провалилась и наружу, точно гнилые зубы или сломанные кости, торчали стропила.

Тощий плетень, окружавший это великолепие, висел на честном слове и соплях из веревок. За ним, во дворе, кипела жизнь: куры самозабвенно терзали навозную кучу, а лохматый сторожевой пес, взглянув на пришельцев, с чувством выполненного долга рявкнул и уполз досматривать сны. Его конура выглядела надежнее господского дома.

— Красота — выдохнула Алиса, чувствуя, как внутри закипает истерический смех. — Прямо как я мечтала. С видом на курятник и перспективой рухнуть мне на голову. — Уютненько, — одними губами произнесла я, чувствуя, как грязь засасывает последнюю надежду на нормальную жизнь.

— Это... дом? — уточнила Алиса на всякий случай.

— Бывший, — равнодушно подтвердил Михай. — Последний барон, предпочитал жить в тепле. А здесь топить нечем, стены промерзают насквозь. Он здесь и не ночевал ни разу. Приезжал раз в год — дань собирать.

— А где он жил?

— У соседа. У барона Рутгера. Друзья они были закадычные. Вместе пили, вместе охотились, вместе... — он запнулся. — В общем, неважно.

Алиса почувствовала, как внутри кольнуло. «Вместе» — это вместе с тем мужчиной, который убил ребенка? С тем, от кого тело Искры получило эти синяки на запястьях?

— Здесь была кухня. — Голос Михая гулко стукнулся о стены и погас. — Была.

Они шагнули внутрь, и Алису накрыло.

Снаружи было просто уныло. А здесь, внутри, сама реальность, кажется, пошла ко дну. Она замерла на пороге, втягивая запах прелой земли и мертвого камня.

Печь. Огромная, сложенная из дикого булыжника, она не просто треснула — ее словно разорвало изнутри. Груда камней расплзлась по центру помещения, точно внутренности каменного зверя. Свод не выдержал тяжести лет, рухнул вниз, проломив заодно и крышу. Теперь в этой дыре, как в глазу циклопа, плавало серое небо, и оттуда, с монотонным «кап-кап», сочились вода.

По углам, где когда-то стояли столы и лавки, теперь рос мох. Ядовито-зеленый, неестественно яркий на фоне всеобщего тлена. Пахло так, будто здесь похоронили саму надежду на горячий ужин — сыростью, мышами и вечностью.

— Давно? — Голос Алисы сел до шепота.

— Два года. Третий пошел. — Михай говорил буднично, словно перечислял цены на рынке. — Крыша сдалась первой, протекла. А за ней и печь не выдержала. — Он хрустнул шеей, оглядывая разгром. — Варить негде. Топить нечем. Еду готовим на кострах, зимой в избах.

Алиса молча опустила Леву на пол. Кот брезгливо отряхнул лапы, словно приземлился не в руины, а в лужу помоев. Но любопытство взяло верх — он деловито затрусил вдоль стен, изучающе поводя усами и тыкаясь носом в камни. Инспектор хренов.

Она подошла к остову печи. Присела на корточки, тронула ближайший булыжник. Холодный. Мертвый. От пальцев не шло ни единого слабого отклика тепла. Она уже хотела встать, как взгляд зацепился за кладку.

Стоп.

Она присмотрелась. Камни были старые, грубые, но не рассыпались в труху. Лежали плотно, без пустот. Хорошие камни. Добротные. Рука сама скользнула по шву — кто-то когда-то сложил это на совесть.

Алиса подняла глаза на Михая, потом снова перевела взгляд на грудку обломков.

Печь можно сложить заново.

Она вдруг отчетливо это поняла. Можно разобрать завал, очистить камни, выложить новый свод. Она представила, как встает здесь, по колено в мусоре, и укладывает ряд за рядом. Если знать как.

Если есть кому.

Она пока не знала, есть ли у нее это «как». И захочет ли она вообще мारаться. Но мысль уже зацепилась когтями, как Лева за старую мешковину.

— Ладно, — сказала она вслух, скорее себе, чем Михая. — Хрен с ним. Посмотрим.

— А где все? — спросила она, оборачиваясь. — Люди? Крестьяне?

— В поле, — Михай пожал плечами. — Клубни копают, пока не сгнили. До снега надо успеть. Урожай в этом году... — он махнул рукой. — Хуже некуда. Дожди залили. Половина в земле сгнила. До весны не дотянем.

Он говорил это так спокойно, будто обсуждал погоду. И Алиса вдруг поняла: он уже смирился. Люди здесь привыкли умирать. Голод, холод, болезни — это норма. А она, со своими ресторанными амбициями, со своим «мы что-нибудь придумаем», выглядит, наверное, как сумасшедшая.

— Покажите клубни, — сказала она. — Урожай, что там у вас? Хочу посмотреть.

Михай посмотрел на нее долгим взглядом. В этом взгляде читалось: «Ты дура или при-творяешься?» Но вслух он ничего не сказал, только кивнул и вышел наружу.

Алиса шагнула было за Михаем, но на пороге ее остановила тишина. Не та тишина, что бывает в пустых домах, — другая, настороженная. Она обернулась.

Лева не шел.

Он сидел в самом темном углу кухни, у стены, превратившись в напряженный серый комок шерсти. Лапа его ритмично скребла по камню — не по-кошачьи, не играючи, а с какой-то одержимой целеустремленностью.

— Лева, — позвала она тихо, но кот даже ухом не повел.

Алиса вздохнула, вернулась. Присела на корточки рядом, и только тогда увидела: под его когтями не просто камень, а край чего-то металлического. Темного, старого, почти утонувшего в земляном полу. Крышка. Или ручка.

— Клад, что ли? — шепнула она скорее себе, чем коту, и осторожно отодвинула его в сторону.

Лева возмущенно фыркнул, но остался рядом, уселся, обернув хвост лапами, и уставился на ее руки с видом строгого прораба.

Алиса подцепила край пальцами. Крышка поддалась не сразу, со скрежетом, словно нехотя отпуская то, что прятала годы. Потянула сильнее — и в лицо пахнуло холодом и землей. Под крышкой оказалась яма. Неглубокая, аккуратно выложенная камнем. Старый погребок. Забытый. Потерянный.

Она сунула руку внутрь, пошарила в темноте. Пальцы наткнулись на что-то твердое, шершавое, завернутое в тряпку. Потянула.

Тряпка рассыпалась в прах, едва коснувшись воздуха, — и в ладонях Алисы остался горшок. Глиняный, темный, с плотной крышкой, залитой по краям воском. Запечатанный так, будто его прятали от самого времени.

— Ничего себе, — выдохнула она, и звук собственного голоса показался чужим.

Сверху, с лестницы, донеслись шаги. Хромые, торопливые. Михай.

— Вы там живы? — Голос его отразился от стен, и в нем впервые проскользнуло что-то похожее на беспокойство.

— Идите сюда, — негромко сказала Алиса, не оборачиваясь. — Быстро.

Он появился в проеме через несколько секунд, замер, разглядывая картину: она сидит на корточках, в руках — горшок, рядом довольно жмурится кот.

Михай шагнул ближе, присел рядом, молча взял горшок, повертел в руках. Ноготь скребнул по воску. Поднес к лицу, принюхался. Брови его дрогнули, разглаживая морщины усталости.

— Мед, — сказал он негромко, и в голосе прорезалось удивление. — Старый. Еще бабка прошлого барона ставила меды. Говорят, до ста лет хранятся. И не портятся. Целый погребок с медовыми горшками — это нужная находка.

Внутри Алисы что-то дрогнуло. Маленький, теплый огонек, которого она не чувствовала с того самого момента, как ступила на эту разбитую дорогу.

— Открывай, — сказала она тихо, но твердо.

Он поднял на нее глаза. Взгляд уже не тот — не усталый, не отстраненный. В нем проступило живое, острое любопытство.

— Мед — это сахар. А сахар — это сила. Брага, лепешки, или просто так, чтобы чувствовать, что мы не сдохли. — Она кивнула на горшок. — Открывай, Михай.

Он смотрел на нее еще мгновение, словно видел впервые. Потом коротко хмыкнул — и принялся ломать воск.

Алиса перевела дух и погладила Леву. Кот терся о ногу, довольно шурясь, — требовал законную долю за находку.

Глава 2: Похлебка

Вечер опустился на Каменный Лог быстро и неприветливо. Серые сумерки выползли из леса, затянули небо, и сразу стало холодно. Алиса сидела на бревне у костра, который Михай развел посреди двора, и с ужасом смотрела на то, что местные называли «ужином».

В котле, подвешенном над костром, булькало нечто. Серо-бурое, бесформенное, оно пузырилось и плевалось, наполняя вечерний воздух ароматом, от которого Лева, присевший рядом с Алисой, демонстративно отвернулся. Кот задрал морду к небу и принялся вылизывать лапу с таким выражением, будто его, потомственного аристократа, оскорбили до глубины души. Пахло мокрой землей, прелой травой и безысходностью.

Алиса заглянула в котел. Вариво булькнуло в ответ.

— Это — Она подбирала слово осторожно, будто шла по минному полю. — Что?

Михай пожал плечами, палкой помешивая содержимое. В серых сумерках его лицо казалось вырезанным из камня.

— Рукень. Вода. Соль. Трава — для запаху.

— Для запаху, — эхом отозвалась Алиса, глядя, как в мутной жиже всплывает и тонет что-то, чему лучше бы оставаться на дне. — А мясо?

— Мясо? — Он усмехнулся, обнажив желтоватые зубы. — По праздникам. Если курица сохнет. Или соседская собака забежит.

Алиса моргнула.

Собака. Та самая, тощая, что лениво гавкнула при их появлении. Она представила ее в этом котле. Представила — и тут же пожалела, что у нее вообще есть воображение.

— Соседская — Она сглотнула. — Вы серьезно?

— А чего ей зря пропадать? — Михай смотрел на нее с недоумением, будто она спросила, зачем солнце встает по утрам. — Жрать-то охота.

Алиса закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула. В голове пронеслось: *«Средневековье. Ты в средневековье. Здесь едят собак. Смирись»*. Но внутренний голос, воспитанный на ресторанных меню и органической еде, истерично взвизгнул и забился в угол.

— Ладно, — сказала она вслух, открывая глаза. Решительно. Почти зло. — Давай палку. Палку, говорю. Буду учить тебя готовить. Варить. Создавать шедевры кулинарного искусства из того, что есть. — Она окинула взглядом его мешок. — Что там?

Он порылся, выкладывая на траву скудные трофеи. Репа — ведро, мелкая, мытая кое-как. Соль в тряпице. Лук — три сморщенные головки. Что-то напоминающее морковь — несколько штук, старая, дряблая, с темными ходами, оставленными червями.

— А мед? — Она вспомнила горшок, найденный в погребке. — Тот мед. Неси.

Он принес. Алиса скovyрнула воск, понюхала. Темный, густой, с запахом трав и смолы — настоящий, старый, дикий. Такой мед мог храниться веками. И вытащить их из задницы — тоже мог.

— Грибы? — спросила она, запечатывая горшок обратно.

— В лесу есть. — Михай кивнул в сторону чернеющей стены деревьев. — Темно уже. Не пойдем.

— Завтра пойдем. — Алиса поднялась, отряхнула колени. — А пока чисти репу.

Он хмыкнул, но подчинился. Алиса наблюдала, как его нож неуклюже срезает кожуру толстыми ломтями, и молчала. Потом взяла лук. Чистила сама, мелко, почти прозрачно, чувствуя, как щиплет глаза. Михай рядом шмыгал носом, и она не удержалась:

— Что, неженка, слезы? Репку чистил — молодец, а лук — слабо?

Он только фыркнул, вытирая глаза рукавом.

Морковь Алиса осмотрела придирчиво. Червяков — в сторону, морковь — в воду. Потом решительно сняла котел с огня, выплеснула мутное варево прямо в грязь.

Михай охнул, будто она вылила его кровь. Лева, напротив, одобрительно муркнул, проводив взглядом исчезающую в земле баланду.

— Воды, — коротко бросила Алиса. — Чистой. Из родника тащи.

Он таскал, она командовала. Вода, котел на огонь, лук — на сухое дно, поджариться без масла, пока не запахнет. Морковь следом, потом репа. Залить водой. Посолить.

Михай стоял рядом, замороженно глядя на то, что происходило в котле. Пахло уже не безысходностью. Пахло едой.

— А мясо? — спросил он с надеждой.

— Нет мяса. — Алиса не обернулась. — Но будет вкусно.

Она сунула руку за пазуху и вытащила пучок травы, сорванный по дороге — незаметно, на всякий случай. Чабрец. Дикий, пахучий, цепкий. Бросила в котел, помешала.

— Это что? — Михай смотрел на нее подозрительно, даже испуганно.

— Это чтобы вкусно пахло. — Алиса подняла на него взгляд. В отблесках костра ее глаза блестели странным, чужим светом. — Не бойся. Не ядовито.

Он молчал. Смотрел, как она колдует над котлом, как тонкие пальцы ловко управляют с палкой-мешалкой, как тени пляшут на ее лице. И в этом взгляде было что-то новое. Не усталость, не недоверие. Почти благоговение.

Алиса поймала этот взгляд и усмехнулась про себя. Пятнадцать лет ресторанной кухни. Пятнадцать лет, когда она могла превратить горсть мусора в конфетку. Кто ж знал, что это умение станет единственным, что у нее останется? Что вместо звезд Мишлен теперь будет костер и котел, а вместо благодарных гостей — хромой мужик и странный кот?

Она помешала варево. Оно дышало паром, пахло луком и чабрецом, и в этом запахе ей вдруг почудилось что-то родное. Домашнее.

— Скоро поспеет, — сказала она негромко. — Садись. И ложку найди.

Михай сел. Рядом, на траву, не сводя с нее глаз. Лева, устав презирать все вокруг, подобрался ближе и уставился в котел с неожиданным интересом.

Ночь обступила их плотной стеной, но костер горел ярко, и в круге его света было почти уютно. Через полчаса по двору поплыл такой запах, что сначала прибежал Лева и уселся у костра с видом оскорбленного достоинства, который сменился настороженным любопытством, а потом из темноты начали выходить люди.

Первым появился тот самый мужик с вилами, что плевал под ноги днем, — он остановился поодаль, приняв позу, точно дикий зверь, вышедший к воде. За ним вышла баба с ребенком на руках: мальчишка хныкал, мать его укачивала, а сама не сводила глаз с котла. Потом потянулись еще двое, потом еще — тени сгустились вокруг костра, но никто не решался подойти ближе.

Алиса делала вид, что не замечает их. Она помешивала варево, пробовала, добавляла щепотку меда, снова пробовала, и каждый раз внутри нее вспыхивало маленькое торжество: она еще не забыла, она еще умеет. Пальцы помнили, глаза помнили, даже нюх — и тот работал как в лучшие годы, вылавливая тонкие оттенки, которые надо было поправить щепоткой соли или каплей меда.

— Готово, — сказала она наконец, отставляя палку. — Черпак есть?

Михай молча протянул деревянную поварешку — темную от времени, но чистую, выскобленную добела.

Алиса зачерпнула, подула, попробовала и закрыла глаза. Господи, как же этого не хватало. Горячей еды. Настоящей. Вкусной. Даже без мяса, даже на одной воде и репе — это было нечто иное, чем то, что они ели до сих пор. Это было возвращение к себе.

— Попробуй, — она протянула черпак Михаилу.

Он взял его с какой-то странной осторожностью, будто в руках у него оказалась не похлебка, а нечто хрупкое и драгоценное. Дунул, отхлебнул — и замер. Алиса видела, как дернулся кадык, как нахмурились брови, словно он пытался понять, не обманывают ли его вкусовые рецепторы.

— Ну? — не выдержала она.

Михай поднял на нее глаза. В свете костра они казались почти черными, и в них было что-то новое — не усталость, не привычная отстраненность, а растерянность пополам с изумлением.

— Я такого не ел никогда, — сказал он негромко. — Это что, руkenь? Тот самый, который мы жрем третий год?

— Руkenь – репка. Да, — Алиса позволила себе улыбнуться. — Только приготовленная правильно.

Она обернулась к тем, кто жался в темноте, и повысила голос:

— Подходите по одному. Бабы с детьми — первые. Мужики — потом. Всем достанется, не толкаться.

Толпа колыхнулась, но с места никто не двинулся. Слишком непривычно. Чтобы барыня — и кормила? Чтобы та, что должна сидеть в башне и пальцем не шевелить, стояла у котла и раздавала еду?

— Я сказала — подходите! — рявкнула Алиса голосом, от которого в ее ресторане разбегались официанты и выстраивались в струнку повара. — Живо!

И люди пошли.

Первая — та самая баба с ребенком. Получила полный черпак, осторожно отлила в свою миску, подула на варево. Ребенок, учуяв запах, перестал хныкать и вцепился в материнскую руку, нетерпеливо подпрыгивая. За ней потянулись остальные: мужики, бабы, подростки — все, кто жил при баронской усадьбе и кто не спрятался по углам, боясь поверить в чудо.

Алиса черпала и черпала, пока руки не начали ныть, а котел не опустел ровно наполовину. Люди расходились по своим углам, неся в плосках парящее тепло, и в их спинах, в осторожных взглядах, которые они бросали на нее, уже не было прежней настороженности. Было другое — робкое, еще недоверчивое, но живое.

Посмотрела на Михая. Когда он хлебал эту похлебку, стараясь не обжечься и одновременно не дать остыть, Алиса вдруг заметила, какие у него усталые глаза. И какие благодарные — хотя он не говорил ни слова. Благодарность жила в том, как он держал миску, как медленно жевал, как время от времени поднимал на нее взгляд и тут же отводил, будто боялся, что она исчезнет.

Вечер удался.

Лева, получивший свою порцию в отдельной плошке (Алиса тайком от всех выскребла для него самые вкусные кусочки репы), довольно жмурился у огня и мурчал так, что казалось, в его пушистом теле завелся маленький трактор. Костер догорал, угли мерцали алым, и в этом теплом полумраке даже развалины усадьбы казались не такими страшными.

— Барыня, — вдруг тихо сказал Михай. — А откуда вы такое умеете?

Алиса замерла. Сердце стукнуло раз, другой — и забилося чаще. Самый опасный вопрос повис в воздухе между ними.

— Бабка научила, — ответила она первое, что пришло в голову. — У нее иногда жила. Там все так готовили. Далеко, — Алиса покачала головой, глядя в огонь. — Очень далеко. Туда не доедешь.

Повисла пауза. Алиса чувствовала на себе его взгляд — тяжелый, изучающий, но не враждебный. Потом Михай коротко кивнул, принимая ответ. Или делая вид, что принимает.

— Понятно. Ну, спасибо вашей бабке. И вам.

Он поднялся, прихрамывая сильнее обычного — видно, нога разболелась к ночи, — и начал собирать пустые миски, складывая их одна в одну.

— Завтра пойдем в лес. За грибами и травами. И думать будем, как печь чинить. И амбары считать. И вообще — выживать.

Михай усмехнулся, и в этой усмешке впервые не было горечи:

— Много дел.

— Много, — согласилась Алиса. — Но мы справимся. Правда, Лева?

Кот, свернувшийся клубком у ее ног, лениво шевельнул хвостом: мол, конечно, справимся. Я же с вами. Куда вы без меня.

Михай ушел в темноту. Алиса осталась у костра, глядя на угли. Где-то в голове крутилось имя — Лютобор. Брат мужа. Тот, кто может объявиться в любой момент.

— Ничего, — прошептала она коту. — Будем решать проблемы по мере поступления. Сначала — накормить людей. Потом — разобраться с врагами.

Кот муркнул во сне. Согласен.

Глава 3: Ночь

Камин догорел. Угли еще тлели, рыжие глазки в пепле, но тепла от них уже почти не было. Алиса сидела на лавке в башне, кутаясь в рваный плащ, который Михай молча кинул ей перед уходом. Плащ пах лошадью и потом, но сейчас это казалось роскошью.

Лева свернулся у нее на коленях тяжелым живым клубком и урчал, как старый трактор. Его тепло проникало сквозь тонкое платье, и Алиса держала руки на его пушистой спине, боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть это единственное живое тепло в промозглой ночи.

Сквозь проем в стене было видно край неба. Звезды здесь были чужие. Алиса смотрела на них и пыталась найти хоть одно знакомое созвездие. Большая Медведица? Ковш? Ничего похожего. Небо вывернули наизнанку, как старый мешок, и рассыпали по нему горсти алмазной пыли в полном беспорядке.

— Где я, Лева? — шепотом спросила она.

Кот не ответил. Он только глубже зарылся мордой в складки плаща и сильнее заурчал.

Глаза слипались. Алиса боролась со сном, потому что боялась того, что может присниться. Чужая память уже один раз ударила наотмашь, когда она увидела рыжебородого. Что будет, если она заснет?

Но организм не спрашивал. Тело, молодое, но измотанное голодом, дорогой и стрессом, требовало своего. Веки тяжелели, голова клонилась к груди, и сквозь шум ветра и далекий лай собак проваливалась она в темноту.

Запах пришел первым.

Он не ворвался, не ударил — он просочился в сознание Алисы раньше, чем она успела понять, что спит, раньше, чем открылись глаза. Тонкий, приторный, он обволакивал, проникал в ноздри, оседал на языке горьковатой сладостью.

Свечи. Воск и что-то еще — ладан? Смирна? Тяжелый церковный дух, которым отпевают мертвых.

А потом — кровь.

Металлический, холодный запах, который не могли перебить никакие благовония. Он жил здесь, вѣлся в ишторы, в дерево, в камень стен. Алиса почувствовала, как к горлу подкапывает тошнота, хотя тошнить было нечем — у нее не было здесь тела.

Она открыла глаза.

И поняла, что стоит в углу комнаты. Не в своем теле — так, бесплотный свидетель, призрак, запертый в чужом кошмаре. Она не чувствовала рук, не чувствовала ног, только взгляд — прикованный, невольный, жадно вбирающий каждую деталь.

Комната была богатой. Настоящее барское гнездо, каких она не видела даже в музеях: резная мебель темного дерева, тяжелые бордовые ишторы с золотыми кистями, на стенах — гобелены, вытканые с такой тщательностью, что казались живыми. Охотничьи сцены: собаки рвут оленя, всадники с копьями, кровь на белом снегу — алая, неестественно яркая. В камине гудел огонь, бросая пляшущие тени на потолок, и от этого казалось, что гобелены шевелятся, что собаки и всадники живут своей страшной жизнью, вечно преследуя вечно умирающую добычу.

Но пахло. Пахло так, что Алиса захотела зажмуриться, провалиться обратно в сон, в забытие — куда угодно, лишь бы не чувствовать этот запах. Сладкий, тошнотворный, с металлической нотой, от которой сводило зубы. Запах смерти, припорошенной ладаном, как гниль — лепестками роз.

На кровати лежала женицина.

Огромная, с балдахином на витых столбах, застеленная белоснежным бельем — таким белым, что оно казалось сияющим, неземным. И на этом сияющем снегу — молодая женщина с темными волосами, разметававшимися по подушке, как водоросли по воде.

Настоящая Искра.

Алиса узнала ее сразу, хотя никогда не видела. То же лицо, что отражалось в мутном зеркале баини, — только старшее, острее, исхудавшее до прозрачности. Восковая маска вместо живого лица. Глаза закрыты, губы синие, под ними — едва заметное движение, последний вздох, удерживаемый телом из последних сил.

Грудь вздымалась редко, почти незаметно. Казалось, даже воздух боится касаться этой женщины, чтобы не оборвать тонкую нить, еще связывающую ее с жизнью.

Рядом с кроватью стояла старуха.

Сгорбленная, в темном платье, с лицом, похожим на печеное яблоко — все в морщинах, с проваленным ртом и маленькими цепкими глазками. Руки — корявые, узловатые, с опухшими суставами — держали что-то маленькое, завернутое в окровавленную тряпицу.

Повитуха. Алиса поняла это по тому, как старуха держала сверток — привычно, буднично, как держала сотни таких свертков за свою долгую жизнь. И по тому, как качала головой — не скорбно, не печально, а равнодушно, словно прикидывала цену испорченного товара.

— Не жилец, — сказала старуха, и голос у нее оказался сухим, как прошлогодняя трава. — Слабый очень. Не выживет.

Из тени шагнул мужчина.

Он стоял у камина все это время — высокий, плотный, с тяжелой челюстью и рыжей бородой, в которой уже пробивалась седина. Глаза у него были маленькие, глубоко посаженные, и в них не было ничего, кроме холодного расчета. Он смотрел на старуху, на сверток в ее руках, на женщину в кровати — и во взгляде его не мелькнуло ни боли, ни жалости. Только скука. Только раздражение человека, которого оторвали от важных дел ради ничемных хлопот.

Тот самый. Кречет. Алиса почувствовала, как внутри нее — там, где у нее не было тела, — вздымается черная, слепая ярость. Это он. Убийца. Хозяин этой комнаты. Муж этой женщины. Отец этого ребенка.

— А мне и не надо, чтобы выжил, — сказал он спокойно. Так спокойно, будто речь шла о том, выбросить ли дохлого щенка или отдать собакам. — Ты поняла?

Старуха кивнула. Ни тени удивления не отразилось на ее лице — она ждала этих слов, она знала, что они прозвучат.

— Сделай, как велено. И получишь свое.

— А барыня? — старуха повела подбородком в сторону кровати. — Если узнает

— Не узнает. — Кречет дернул плечом, отсекая возражения. — Скажем, Господь прибрал. Такое часто бывает. Детская смертность, слабые легкие — он усмехнулся, и усмешка эта была страшнее любого крика. — Сама придумай. Ты у нас баба ушлая, врать умеешь.

Он шагнул к кровати, остановился, глядя на жену сверху вниз. Алиса впилась взглядом в его лицо, пытаясь найти хоть что-то человеческое. И не находила. В глазах Кречета не было ни ненависти, ни любви, ни даже обычной мужской злости на бабу, которая не угодила. Было только раздражение. Она провинилась. Не оправдала надежд. Создала проблему, которую теперь приходится решать.

— Дура, — сказал он негромко, почти ласково. — Думала, я поверю, что это мой вырток? Соседский щенок, от Рутгерова объездчика. Все знали. Все молчали. А ты родила. И теперь — расхлебывай.

Он сплюнул на пол у кровати. Темный сгусток слюны тяжело шлепнулся на светлые доски.

Потом развернулся и вышел, даже не взглянув на ребенка. Дверь за ним закрылась с глухим стуком, и в комнате стало тихо — только потрескивал огонь в камине да где-то за стеной скулила собака, тонко, жалобно, будто чувствовала беду.

Алиса рванулась за ним.

Она хотела закричать, броситься, вцепиться в эту рыжую бороду, царапать эти маленькие злые глаза — но тело не слушалось. Ее не было. Она была духом, призраком, прикованным к месту невидимыми цепями. Она могла только смотреть.

Старуха склонилась над свертком.

Корявыми пальцами, дрожащими от старости или от спешки, она развернула окровавленную тряпицу.

Алиса увидела.

Крошечное личико. Такое маленькое, что уместилось бы на ладони. Синее, сморщенное, с припухшими веками и крошечным носиком. Глазки закрыты, ротик приоткрыт, но из него не вырывается ни звука. Ребенок не плакал. Он вообще не двигался. Он был тихим, как восковая кукла, как те младенцы в музеях, заспиртованные в банках.

Он уже был мертв.

— Легкая смерть, — пробормотала старуха, и в голосе ее не было ни боли, ни раскаяния. Только констатация факта, привычная, будничная. — Утопили в тазу, пока никто не видел. И не мучился даже. Спи, маленький.

Она замотала тельце обратно, заботливо, почти нежно, сунула под фартук, к своему тощему телу, и заковыляла к двери. Тряпица, которой был укрыт ребенок, волочилась по полу, оставляя на досках темный влажный след.

Алиса рванулась следом. Она должна была остановить ее, должна была закричать, разбудить мертвых, поднять на ноги весь дом — но мир поплыл, комнату затянуло серым дымом, и сквозь этот дым пробилась другой голос.

Женский.

Тихий. Хриплый. Полный такой боли, что хотелось выть.

— За что?..

Алиса обернулась.

Женищина на кровати открыла глаза. Глаза настоящей Искры — темные, огромные, полные слез, которые не могли пролиться, потому что сил не осталось даже на это. Она смотрела прямо на Алису — видела ее, сквозь дым, сквозь время, сквозь грань жизни и смерти.

— За что вы его? — прошептала женищина, и голос ее был тише вдоха. — Он же ни в чем не виноват. Я ни в чем не виновата. За что?..

Губы ее дрожали, по щеке скатилась одна-единственная слеза — медленная, тяжелая, упала на подушку и исчезла в белоснежной ткани.

— Спаси — выдохнула она, глядя на Алису. — Спаси его. Спаси меня.

Алиса рванулась к ней, протянула руки — бесплотные, невидимые — и закричала. Закричала так, как не кричала никогда в жизни. Беззвучно, отчаянно, раздирая горло, которого у нее не было.

Алиса зажмурилась, проваливаясь в черную пустоту, и последнее, что она почувствовала перед тем, как проснуться, — запах. Тот самый. Свечи, ладан и кровь.

Он въелся в нее навсегда.

Алиса проснулась от того, что задохнулась.

Она лежала на лавке в башне, вцепившись руками в шерсть кота, и ее трясло. Лева, разбуженный ее судорогой, недовольно фыркнул, но с колен не слез, только уставился на нее зелеными глазищами: «Чего орешь, спать мешаешь?»

— Тихо, тихо, Левушка, — прошептала она, глядя кота дрожащей рукой. — Это просто сон. Просто страшный сон.

Но она знала, что это не просто сон. Это была память. Настоящая, чужая, кровавая память.

Утопили в тазу. Ребенка утопили в тазу, пока мать была в беспамятстве после родов. А она, Алиса, теперь носит тело этой матери.

Она посмотрела на свои руки. Тонкие, бледные, в ссадинах. Руки женщины, которая родила и потеряла. Которая умерла от горя и побоев. Которая передала ей, Алисе, эту боль как страшное наследство.

— Я найду их, — сказала она в темноту. — Я найду всех. Старуху. Рыжего. И того, кто приказывал. Даже если он мертв — я найду его могилу и плюну на нее.

Кот лизнул ее руку шершавым языком. Поддержал.

Алиса подняла голову к небу. Звезды все так же равнодушно мигали, чужие, холодные.

— Ты это видела? — спросила она у той, чье тело носила. — Ты знаешь, что я видела? Если ты там, где-то... Прости, что не успела. Я постараюсь, чтобы не зря. Хорошо?

Ветер качнул ветки старой сосны. Или показалось? Или кто-то вздохнул рядом?

Лева насторожил уши, посмотрел в темноту, но не зашипел, не испугался. Значит, никого.

Алиса прижала кота крепче и закрыла глаза. Спать. Надо спать. Завтра будет новый день. И новые дела.

Она не знала, что в этот самый момент, за тридевять земель от Каменного Лога, в богатом особняке столицы, мужчина с холодными серыми глазами перебирал бумаги и наткнулся на имя, которое заставило его отложить перо.

Баронесса Искра фон Эйден, вдова. Место пребывания: поместье Каменный Лог, Северный Удел.

— Жива, — пробормотал он. — Интересно.

Он поднес бумагу к свече, посмотрел, как огонь пожирает уголок, потом бросил лист в камин.

— Лютобор, — сказал он тихо. — Твой брат мертв. Но его вдова... она может стать проблемой. Или решением.

Он усмехнулся своим мыслям и вернулся к работе.

А Алиса спала, свернувшись калачиком на лавке, прижимая к себе кота, и ей больше ничего не снилось. Ночные кошмары отступили, выплеснувшись наружу и оставив после себя только глухую, холодную решимость.

Глава 4: Печь

Утро пришло мокрое и злое. Небо затянуло серой ватой, моросил мелкий дождь, от которого не спасал никакой плащ. Алиса продрогла до костей, хотя всю ночь просидела у остатков костра, прижимая к себе Леву.

Кот встретил утро с философским спокойствием: потянулся, зевнул, показав розовый рот с внушительными клыками, и требовательно ткнулся мордой ей в руку.

— Есть хочешь, — поняла Алиса. — Я тоже. Пошли искать этого Михая.

Михай нашелся сам. Вынырнул из утреннего тумана, хмурый, небритый, с двумя деревянными мисками в руках.

— Завтракать будете? — спросил без предисловий.

В мисках была та же вчерашняя похлебка, разогретая, погустевшая, но все еще съедобная. Алиса схватила миску, как голодный волк, и только через пять минут, когда первая волна голода отступила, заметила, что Михай стоит рядом и смотрит на нее странно.

— Чего? — спросила она с набитым ртом.

— Вы ночью кричали, — сказал он. — Я слышал. Во сне. Слова какие-то непонятные. И плакали.

Алиса поперхнулась. Она отложила миску. Лева, не будь дурак, сунул морду прямо в похлебку, пока никто не видит. Мышей то ловить надо, а тут уже готовое лежит.

— Сны дурацкие снятся, — буркнула Алиса, отесняя кота от своей порции. — С детства. Привыкай.

— Я-то привыкну, — Михай присел на соседнее бревно. — Вы главное сами привыкайте. А то тут народ суеверный. Услышат — решат, что бесы мучают. Инквизицию накличете.

Алиса замерла.

— Инквизицию?

— А то. У нас тут Северный Удел, конечно, медвежий угол. Но инквизиторы и сюда наведываются. Особенно когда бабы по ночам орут. — Он усмехнулся. — Шучу. Но вообще — потише бы.

Она посмотрела на него внимательно. Он что, предупреждает? Или проверяет?

— Пойдемте. Хотела печь смотреть — пойдем. Только сразу говорю: денег нет, материалов нет, мастеров нет. Одна надежда, что вы колдунья. А если колдунья тогда сожгут, — пожал плечами Михай. — А пока не сожгли — печь почините. Авось успеем хлеба поесть.

Алиса фыркнула. С этим мужиком каши не сварить — то ли издевается, то ли серьезен, то ли вообще параллельно живет в какой-то своей реальности.

— Веди, — сказала она. — Лева, за мной.

Кот, доедающий остатки похлебки, недовольно мявкнул, но поплелся следом.

Алиса стояла посреди того, что когда-то называлось кухней, и медленно сходила с ума. Не от ужаса — от масштаба катастрофы, которая распахнула ворота в чужую эпоху и стерла грань между реальностью и сном.

Грязь была везде. На полу — многовековой слой утрамбованной земли пополам с золой и чем-то, что лучше было не идентифицировать. По углам — паутина такая плотная, что хоть шторы шей. На единственном столе — массивном дубовом столе, бывшем когда-то гордостью кухни — слои жира, сажи и засохшей крови от разделки мяса. В воздухе висел запах, который мог бы свалить с ног любого, кто привык к ресторанной помойке, но здесь он подменял собой характерный аромат пищи — он был темной симфонией разложения и забытых рецептов.

Лева, зашедший следом, понюхал воздух, чихнул и выразительно посмотрел на Алису: "Ты серьезно? Здесь же готовить? Да тут мыши дохнут от антисанитарии".

Она подошла к столу, провела пальцем по поверхности. Палец утонул в жире.

— Михай! — позвала она. — Стол. Чем его отмыть?

Управляющий возник в проеме, хмурый как туча и посмотрел на нее как на сумасшедшую.

Алиса закрыла глаза. Досчитала до десяти. Открыла.

— Михай, дорогой. Сейчас я скажу страшную вещь. Если на столе, где лежало сырое мясо, остается кровь и жир, в них заводятся... ну, допустим, невидимые твари. Мельче мышей. Они попадают в еду, и люди потом болеют. Илидохнут.

Михай слушал внимательно. Потом спросил:

— Бесы, что ли?

— Какие бесы? — опешила Алиса.

— Ну, невидимые твари. Которые в еду лезут. Бесы. Наши бабы говорят, если еда портится — бесы напортили.

Алиса открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Пусть будут бесы, — сказала она обреченно. — Так вот, чтобы бесы не заводились, стол надо мыть. Горячей водой. С песком. Или с золой. Каждый день. И руки тоже.

— Каждый? — переспросил Михай с ужасом. — Руки?

— Руки перед едой. И после того, как в сортир сходили.

— Барыня, вы это... вы точно не ведьма?

— Точно. Я чистая. В прямом смысле. Давай, зови Флору и еще кого-нибудь. Будем наводить порядок.

Флора пришла с двумя бабами — молчаливыми, подозрительными, с лицами, выражающими глубочайший скептицизм.

Алиса выдала им инвентарь: ведра, тряпки (старые, но чистые), песок, золу.

— Значит так, — сказала она тоном, каким в прошлой жизни инструктировала новых поваров. — Сначала выносим отсюда все, что можно вынести. Утварь, посуду, доски. Потом скоблим стол. Потом пол. Потом стены. Вопросы?

Бабы молчали. Флора переглянулась с подругами.

— А... зачем? — решила одна, помоложе. — Грязь она грязь и есть. Чего ее скоблить, если новая нарстет?

— Затем, — Алиса набрала воздуха в грудь, — что в грязи живут болезни. Люди болеют и мрут от того, что готовят в грязи. Ясно?

— Это бесы, — авторитетно заявила Флора. — Барыня про бесов говорила.

— Бесы, — согласилась Алиса сквозь зубы. — Именно. Бесы. Чтоб их выгнать — надо мыть. Сильно мыть. Горячей водой.

Бабы оживились. Про бесов было понятно. Против бесов мыться — святое дело.

Через час кухня гудела как улей.

Бабы скребли, мыли, выносили мусор. Алиса руководила процессом, то и дело лезла сама, показывала, как оттирать застарелый жир песком, как выпаривать доски кипятком, как проветривать помещение.

В какой-то момент она заметила, что за ней наблюдают. Мужики, проходившие мимо, останавливались и смотрели, как барыня собственноручно трет пол, стоя на коленях в грязи.

— Бабы, — сказал Пахом, появляясь в дверях с выражением глубокого удивления. — Она че, рехнулась?

— Бесов гоняет, — ответила Флора, не отрываясь от работы. — Чтоб в еде не плодились.

Через пару часов кухня изменилась до неузнаваемости.

Стол — чистый, выскобленный до белизны. Пол — выметен, вымыт, присыпан свежим песком. Стены — без паутины. В углу стояли горшки и плошки, рассортированные по размеру. На полках — травы, связанные в пучки.

— Красота, — сказала Алиса, оглядывая результат.

Бабы стояли сзади и тоже смотрели. В их глазах читалась гордость пополам с недоверием — они это сделали? Они? Такое красивое?

— Завтра, — объявила Алиса, — будем печь чинить. А послезавтра — готовить. Настоящую еду. А пока — все молодцы. Флора, раздай людям по лишней порции похлебки. За работу.

Бабы заулыбались. Работать за еду — это понятно. А то, что в чистоте... может, и правда бесов меньше будет.

— Барыня, а чего это вы нож точите? — спросила Флора, с подозрением глядя, как Алиса водит лезвием по камню, найденному во дворе.

— Чтоб резал, а не мучил, — ответила Алиса, проверяя остроту большим пальцем. — Давайте-ка ваши ножи сюда. Все, что есть.

Флора принесла. Зрелище было печальное: три ножа, два из которых годились только на то, чтоб гвозди забивать, а третий — с щербатым лезвием и шатающейся рукояткой.

Она взяла самый приличный нож, проверила баланс, покачала головой и начала точить. Движения были отработаны до автоматизма: камень под правильным углом, нажим, скольжение, снова проверка.

Флора смотрела как завороченная.

— Вы... вы как будто всю жизнь это делали, барыня.

— Всю жизнь, — усмехнулась Алиса. — Почти.

Закончив с ножами, она оглядела припасы. В кладовой, помимо уже известной репы и вялой моркови, нашлись: мешок гороха твердого, как камешки, несколько связок чеснока (сморщенных, но живых), ягоды сушеные и — о чудо! — пучок какой-то зелени, которую Флора называла "душица", а Алиса опознала как дикий укроп.

— Хорошо, — сказала она, потирая руки. — Будем творить.

Первым делом она занялась горохом.

— Его ж варить до вечера, — удивилась Флора. — Разве что на похлебку, да и то...

— Замачивать надо, — отрезала Алиса. — На ночь. В воде. Тогда разварится быстро. А если добавить соды — вообще за час.

— Соды? — Флора округлила глаза. — Это чего?

— Ну... — Алиса задумалась, как объяснить. — Белая такая пыль. От бесов помогает. — Она махнула рукой. — Ладно, без соды пока. Просто замочим.

Горох отправился в горшок с водой.

Потом Алиса взялась за репу. Но вместо того чтоб просто кинуть ее в котел, она сделала неожиданное: выбрала несколько самых мелких репок, вымыла, обсушила и отложила.

— Это зачем? — спросила Флора.

— Запечем потом. В углях. С маслом — пальчики оближешь.

— С каким маслом? — Флора скептически поджала губы. — Масла нету.

— Будет. Сало есть. Вытопим жир — считай, масло.

Флора замолчала, переваривая информацию.

Алиса тем временем взялась за лук. Нож в ее руках мелькал так быстро, что Флора отшатнулась.

— Барыня! Порежетесь!

— Не порежусь. Смотри и учись.

Пальцы левой руки согнуты, костяшки наружу, нож скользит по костяшкам — тук-тук-тук — и лук превращается в тончайшие полукольца, прозрачные, почти невесомые.

— Двуетидный свидетель, — прошептала Флора. — Я так не умею.

— Научишься. Дело практики.

Морковь пошла под нож следующей. Ее Алиса нарезала не кружочками, а тонкой соломкой — ровной, одинаковой, будто по линейке.

— В похлебку? — спросила Флора.

— В похлебку. Если нарезать по-разному, сварится по-разному. Одно переварится, другое сырым останется. А так — все сразу готово.

Флора кивала, но в глазах ее читался благоговейный ужас пополам с восторгом.

Подошел Михай. Постоял, посмотрел.

— Ножом работаете, — сказал он. — Как воин.

Печь на кухне превратилась в развалину — это Алиса поняла еще вчера. Сегодня она пришла рассмотреть ее внимательнее, будто надеялась, что при дневном свете разрушение окажется не таким страшным. Но свет, серый и беспощадный, лился сквозь дыру в крыше, и в его холодном потоке печь выглядела еще плачевнее: груда камней, поросшая мхом, с провалившимся нутром, из которого торчали черные головешки.

Она обошла развалины кругом, ступая осторожно, чтобы не споткнуться о битый камень. Присела на корточки, тронула ближайший булыжник. Пальцы скользнули по шершавой поверхности, обожженной сотнями огней. Камень был старый, хороший — плотный, не крошился, не рассыпался в труху под пальцами. Такие камни могли стоять веками, если их правильно сложить.

Алиса представила, как эта печь выглядела когда-то: огромная, жаркая, с уютно гудящим огнем внутри, с чугунами, в которых томится похлебка, с хлебами, что выпекаются на поду. Сердце дома. Теперь — могильник.

Печь можно сложить заново. Мысль пришла неожиданно и тут же зацепилась, пустила корни. Если знать как. И если есть из чего. Вопрос упирался в материал, как все в этом мире упиралось в то, чего нет.

Она подняла голову, нашла взглядом Михая. Он стоял у входа, прислонившись к косяку, и смотрел на нее с тем же выражением, с каким смотрел вчера у костра — будто пытался разгадать загадку, на которую не было ответа.

— Где здесь берут глину для кладки? — спросила она без предисловий.

Михай моргнул, переваривая вопрос. Почесал затылок, глядя куда-то в стену, будто ответ был написан на облупившейся штукатурке.

— У реки есть. Синяя, жирная. — Он помолчал. — Только кто ж ее копать будет?

Алиса пропустила вопрос мимо ушей.

— А камни? Откуда эти? — она кивнула на развал.

— Камни? — Михай усмехнулся, и в усмешке этой проскользнуло что-то похожее на гордость за давно минувшее. — Вон, за башней, развалины старой стены. Там полно. Еще от древних времен осталось. — Он хмыкнул. — Никто не трогает — тяжелые больно. Лежат себе, зарастают.

Алиса поднялась, отряхнула колени и подошла к тому, что когда-то было окном. Теперь это была просто дыра в стене — с рваными краями, с остатками гнилой рамы, с кусками штукатурки, отвалившимися по краям. Она высунулась наружу, вглядываясь в серую муть осеннего дня.

За башней, на фоне низкого неба, темнели остатки стены. Сложенная из огромных, грубо отесанных валунов, она напоминала миниатюрный Стоунхендж — такой же древний, такой же ненужный теперь. Камни лежали друг на друге тяжело, основательно, будто знали, что простоят дольше любых людей и любых их построек.

Алиса смотрела на них и чувствовала странное волнение. В этих камнях была сила. Тысячелетняя, немая, но настоящая. Если суметь ее забрать, если заставить работать на себя

— Таскать кто будет? — спросила она, не оборачиваясь.

— Ну, я могу, — голос Михая прозвучал неохотно. — Пахом поможет, если припрет. И еще пара мужиков, может. — Пауза. — Только они бесплатно не будут. Им есть надо.

Алиса обернулась. Встретилась с ним взглядом. В его глазах не было хитрости — только усталая констатация факта. Здесь все упиралось в еду. Хлеб решал все.

— А если я накормлю?

Михай посмотрел на нее долго. Очень долго. Потом в глазах его мелькнуло что-то, похожее на проблеск надежды — такой робкой, что он сам ее испугался.

— Если накормите — горы свернут, — сказал он тихо, но твердо. — Тут народ простой. Сытый — добрый, голодный — злой.

Алиса кивнула, принимая информацию к сведению. В ее мире все было сложнее, но здесь, похоже, действовали древние законы: еда в обмен на работу. Честно. Понятно. Работает.

Она помолчала, прокручивая в голове цепочку действий. Камни есть. Глина есть. Люди будут, если накормить. Но камни надо скрепить, а для этого нужно железо. Дверцы, заслонки, прутья для поддувала. Без железа печь рассыплется, даже не успев родиться.

— А скажи мне, Михай, — она повернулась к нему, — где у вас тут кузнец?

Вопрос повис в воздухе. Михай как-то странно дернулся, отвел глаза. Это было красноречивее любых слов.

— Был кузнец, — сказал он наконец. — Спиридон. Лучший в округе. — Он помолчал, будто собирался с силами. — Только пьет. Беспробудно. С тех пор как жена умерла. Уже второй год.

Алиса слушала молча, впитывая детали. Кузня заросла, инструменты ржавеют. Никому ничего не кует. Иногда, если заплатить или пригрозить, может сделать что-то простое. Но ненадежный.

Она вздохнула про себя. Пьющий гений — классика жанра. В ее прошлой жизни таких было полно: гениальные повара, которых губила страсть к бутылке, талантливые кондитеры, срывающиеся в запой перед праздниками. Она умела с ними работать. Знала, что движет этими людьми, знала, как до них достучаться.

Но там были другие времена. И другие люди. И другие рычаги давления.

Здесь у нее не было ничего, кроме горшка с медом и умения варить похлебку.

— Пойдем, — сказала она коротко.

Он покачал головой — то ли осуждающе, то ли восхищенно — но спорить не стал. Только спросил, уже двигаясь к выходу:

— А глина? Камни?

— Потом. — Алиса шагнула за ним, на ходу поправляя платок, который все время сползал на глаза. — Сначала — инструмент. Без железа мы даже камни не скрепим.

Она вышла во двор, и серый свет ударил в глаза. Лева, дремавший на крыльце, лениво проводил их взглядом, затем потянулся и потрусил следом.

Алиса шагала за Михаем по разбитой тропинке и думала о том, что пьющий кузнец — это, наверное, даже хорошо. Пьющие люди часто оказываются самыми чуткими. Они просто не умеют носить свою боль молча, вот и топят ее в вине. Если найти правильные слова, если дать ему дело, за которое он сможет зацепиться

Она не знала, получится ли. Но попробовать стоило.

В конце концов, терять ей было нечего. Кроме времени, кроме надежды, кроме этой странной новой жизни, которая с каждым днем становилась все более настоящей.

Они вышли со двора, и раскисшая дорога приняла их в свои объятия с чавкающей готовностью. Грязь налипала на башмаки тяжелыми пластами, делая каждый шаг маленьким испытанием — приходилось принаравливать, искать места потверже, перепрыгивать лужи, в которых отражалось серое, равнодушное небо. Сырой ветер тянул с запада, пахнуло прелой листвой

и близкой водой — где-то там, за косогором, должна была течь река, та самая, с синей глиной на берегах.

Лева носился впереди, забыв о своем аристократическом достоинстве. То замирал у придорожного куста, подозрительно его обнюхивая, то вдруг срывался с места и летел наперерез вороне, которая каркнула с ветки что-то обидное, судя по тому, как обиженно захлопала крыльями. Серая молния на длинных лапах — так Алиса назвала бы это зрелище, если бы у нее было настроение шутить. Но настроения не было.

Михай молчал, глядя себе под ноги. Алиса тоже молчала, но молчание ее было другим — внутренним, напряженным, полным обрывков мыслей, которые никак не складывались в стройную картину. Надо было уговорить спившегося кузнеца работать. Но чем платить? Денег нет, еда есть, но еда — понятие растяжимое: тот мед, что нашли, да пара горстей репы, да похлебка, которую она сварила вчера. На это людей не купишь, это только задаток, только знак того, что ты не пустой.

За идею? Алиса чуть не фыркнула вслух. Мужикам, которые два года выживают на репе и воде, плевать на идеи с высокой колокольни. Им нужен хлеб. Им нужна уверенность, что завтра будет то же, что сегодня. А она пришла — чужая, непонятная, с котом под мышкой и с бабкиными рецептами в голове — и говорит: давай, кузнец, работай, строй печь, верь мне.

Кто она такая, чтобы в нее верили?

— А что за женщина у него была? — спросила она, чтобы разорвать тишину, которая уже начинала давить на уши. Голос прозвучал хриловато — от сырости, от молчания, от всего сразу.

Михай поднял голову, посмотрел куда-то в сторону леса, будто там, за голыми ветвями, можно было разглядеть прошлое.

— Жена? — переспросил он, хотя вопрос был простым. Помрачнел, сжал челюсть так, что желваки заходили под щетинистой кожей. — Хорошая была баба. Молодая, красивая. Душа у нее была добрая, люди к ней тянулись.

Он помолчал, перешагивая через особо глубокую лужу. Алиса ждала, не торопила. Такие вещи нельзя торопить.

— Детей долго не было, — продолжил Михай глухо. — Года три, может, четыре. Лечили ее, травы поила, к знахарке возил. Все ждали, молились. А потом... забеременела. Радость-то какая была, он на руках ее носил, всем хвастался. — Он покачал головой, будто отгоняя видение. — А роды тяжелые пошли. Очень тяжелые. Повитухи не случилось — уехала куда-то, занемогла ли. И Спиридон сам принимал. Сам.

Алиса остановилась.

Лева, почуяв, что хозяйка замерла, обернулся, удивленно моргнул и застыл столбиком, наострив уши.

— Не справился, — сказал Михай просто. Без осуждения, без попытки оправдать или обвинить — просто констатировал факт, который уже два года висел в воздухе над этой дорогой, над этим лесом, над покосившейся кузней. — И она умерла. И дитя. Оба. У него на руках.

Ветер дернул полы его куртки, зашелестел в голых ветвях. Где-то далеко, над лесом, каркнула ворона — может быть, та самая, которую гонял Лева.

— Боже... — выдохнула Алиса.

Слово прозвучало пусто, жалко, несоразмерно тому, что она услышала. Но других слов у нее не было. Как не было их у Михая, когда он пытался объяснить, почему лучший кузнец в округе второй год стучит молотом впустую, по ночам, разводя огонь в горне, который никому не нужен.

— Вот с тех пор и пьет, — голос Михая стал тише, почти неслышным. — Второй год. С ума сходит потихоньку. Говорят, по ночам в кузню ходит — огонь разводит, стучит молотом. Часами стучит. А утром придешь — пусто. Ничего не сделано. — Он посмотрел на Алису, и в

глазах его было что-то, похожее на мольбу. — Просто так стучит. Будто... будто надеется, что она услышит. Или вернется.

Алиса стояла, вцепившись пальцами в край платка, и чувствовала, как внутри разрастается холод. Чужая боль. Две смерти сразу — жена и ребенок. Та женщина, настоящая Искра, умерла в своей постели, а ребенка утопили в тазу, приказал муж. Там было убийство, холодное, расчетливое. А здесь — любовь, которая не смогла, не сумела, не справилась. Итог один.

Горе не выбирает, каким способом приходить.

Она вспомнила лицо женщины из сна. Восковую маску, синие губы, слезу, скатившуюся по щеке. И последний вопрос, который так и остался без ответа: за что?

Здесь тоже был вопрос. Только спрашивать было не у кого.

— Пойдем, — сказала она тихо, трогая Михая за рукав. Он вздрогнул, будто забыл, что она здесь. — Надо поговорить с ним. Просто поговорить.

Лева, поняв, что движение возобновляется, деловито потрусил дальше, но теперь без прежнего задора — будто и он почуял, что впереди их ждет не просто пьяный мужик, а человек, у которого внутри такая же черная пустота, как в провалившейся крыше кухни.

Алиса шагала и думала о том, что словами тут не поможешь. Словами вообще редко помогают. Но иногда одно только присутствие, одна только попытка понять — уже лекарство. Может быть, слабое, может быть, недостаточное. Но другого у нее не было.

В конце концов, что она теряет?

Кузня стояла на пригорке у самого леса — когда-то, видимо, это было крепкое, основательное хозяйство. Добротный сруб из темных, просмоленных временем бревен, широкая труба из красного кирпича, рядом дом с резными наличниками — такие Алиса видела только на картинках в книгах о русском зодчестве. Все здесь говорило о том, что жил здесь мастер, знающий цену своему делу, умеющий и строить, и растить, и держать хозяйство в кулаке.

Теперь это был памятник собственному прошлому.

Крыша просела, прогнулась под тяжестью запустения. Окна затянуло паутиной так густо, что они казались мутными, слепыми глазами. Крапива вокруг поднялась в человеческий рост — злая, жгучая, охраняющая это место от чужих лучше любого пса. Тропинка к дому заросла совсем, только к кузне еще можно было пройти — узкой стежкой, протоптанной одним-единственным человеком, который приходил сюда каждую ночь.

Из кузни доносился звук. Ритмичный, тяжелый, он врзался в тишину леса с пугающей монотонностью.

Бум. Бум. Бум.

Алиса остановилась, прислушиваясь. В этом звуке не было жизни. Было отчаяние, застывшее в ритме, было безумие, выстукивающее бесконечную, никчемную дробь. Так стучат, когда надеются, что стук заглушит мысли. Так стучат, когда боятся остановиться, потому что в тишине придется встретиться с самим собой.

— Стучит, — шепнул Михай, и в его голосе Алиса расслышала не столько страх, сколько усталую привычку. — Как всегда.

Она шагнула вперед, раздвигая пожухшую крапиву руками — та жглась даже сквозь плотную ткань рукавов, оставляя на коже зудящие следы. Дверь кузни, массивная, обитая полосами ржавого железа, поддавалась не сразу. Петли взвыли так, будто их не смазывали со времен постройки, но Алиса нажала сильнее, и створка пошла, открывая темный провал.

Внутри было сумрачно и жарко. Только в глубине, у горна, полыхал огонь — не ровное, рабочее пламя, а дикое, неровное, будто его развели в спешке и забыли унять. Отблески плясали на стенах, выхватывая из темноты инструменты, развешанные по порядку — когда-то здесь был порядок, Алиса это сразу поняла. Клещи разного калибра, молотки, зубила — все висело на своих местах, но покрытое толстым слоем пыли. В углу громоздилась гряда метал-

лолома — ржавые обода, покореженные подковы, обломки каких-то механизмов, назначения которых она не знала.

И у наковальни — фигура.

Огромный мужик стоял, широко расставив ноги, и бил молотом. Бил по пустой наковальне — с такой силой, с такой яростью, что искры летели во все стороны, хотя металла под молотом не было. Тяжелый, восьмифунтовый молот взлетал над головой и обрушивался вниз, на гладкую, отполированную годами работы поверхность.

Бум. Бум. Бум.

— Спиридон, — позвал Михай негромко, будто боялся спугнуть дикого зверя.

Звук оборвался. Молот замер на полпути к наковальне, повис в воздухе, и огромная фигура медленно, с пугающей плавностью, развернулась к ним.

Алиса вгляделась в лицо и поняла, что такое настоящая пустота.

Красные, опухшие глаза смотрели сквозь них — не на них, а сквозь, куда-то в другое пространство, где не было ни кузни, ни гостей, ни этого бесконечного серого дня. Дикая рыжая борода торчала клочьями, лысая голова блестела в отблесках огня, и во всем его облике было что-то первобытное, страшное, нечеловеческое. Так мог бы выглядеть древний бог, забытый своими почитателями и сошедший с ума от одиночества.

— Уйди, Михай, — голос у него оказался низким, хриплым, будто он перекачивал во рту камни. — Не мешай. Я работаю.

— Ты по пустой наковальне бьешь, — сказала Алиса.

Она не знала, зачем это сказала. Может быть, чтобы он услышал чужой голос. Может быть, чтобы сама себе доказать, что не боится. Может быть, просто потому что молчать было невозможно.

Спиридон перевел на нее взгляд. Медленно, с усилием, будто ворочал тяжелые жернова. И вдруг в глазах его мелькнуло что-то похожее на интерес. Или на угрозу — на таком лице трудно было различить.

— А ты кто такая?

— Я Искра. Новая баронесса из Каменного Лога.

Она сказала это и почувствовала, как странно звучат эти слова в ее собственных ушах. Баронесса. Каменный Лог. Слова из чужой жизни, примерить которые на себя она так и не научилась.

Спиридон усмехнулся. Усмешка вышла страшной — губы растянулись, обнажив желтые, редкие зубы, но глаза остались такими же мертвыми.

— Баронесса, — повторил он, и в голосе его было столько презрения, сколько Алиса не слышала за всю свою жизнь. Презрения и еще чего-то — боли? Злости? Она не могла определить. — Баронесса пришла смотреть на пьяного кузнеца. Насмотрелась? Проваливай.

Он отвернулся, снова заноса молот. Бум! — ударил по пустоте, по железу, по своей тоске, не находившей выхода.

Алиса стояла и смотрела на его широкую спину, на лопатки, ходившие ходуном под грязной рубахой, и думала о том, что словами тут не поможешь. Что она вообще здесь делает? Кто она такая, чтобы лезть в чужую боль, в чужое горе, в чужое безумие? У нее нет права. У нее нет опыта. У нее нет ничего, кроме того сна, который приснился ей прошлой ночью, и того чувства, которое не отпускало с самого утра.

— Стой, — сказала она.

Голос прозвенел неожиданно звонко в этом темном, пропахшем гарью и запустением пространстве. Спиридон замер, молот застыл в воздухе.

— Я не смотреть пришла, — сказала Алиса. — Я работать предлагаю.

Тишина. Только огонь потрескивал в горне да где-то за стеной шуршала мышь.

— Работать, — повторил Спиридон, не оборачиваясь. — Я два года работаю. — Он медленно повел рукой, обводя кузню. — Видишь, как много сделал?

Бум! — снова удар по наковальне, бессмысленный, яростный.

— Я вижу, — сказала Алиса тихо, но твердо. — Я вижу мужика, который убивается по жене и ребенку. И вместо того чтобы жить дальше, колотит по железу, надеясь, что оно его убьет. Или воскресит.

Она шагнула ближе. Краем глаза заметила, как Михай напрягся, готовый рвануть следом, но остановила его легким движением руки.

— Не воскресит, Спиридон. Они не вернутся.

Молот дрогнул. Опустился. Кузнец медленно, очень медленно повернулся к ней. В глазах его теперь не было пустоты — там полыхала такая боль, что Алиса на мгновение захотела отступить, сбежать, спрятаться. Но ноги не слушались, да и бежать было некуда.

— Ты кто такая, чтобы — начал он, и голос его набирал силу, наливался гневом, готовым обрушиться на нее, раздавить.

И тогда Алиса сказала то, что вырвалось само.

Без спроса. Без разрешения. Без права.

— У меня тоже ребенок умер. Недавно. И я его не спасла.

Слова упали в тишину, как камни в глубокий колодец.

Михай рядом охнул — коротко, испуганно. Спиридон замер, опустил молот, и тот с глухим стуком упал на земляной пол. Огромные плечи его дрогнули, будто он получил удар под дых.

— Что? — переспросил он хрипло, и в голосе его не осталось ни гнева, ни угрозы — только растерянность. — Что ты сказала?

— То. — Алиса смотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда, хотя внутри все дрожало мелкой, противной дрожью. — Я не шучу. Я не знаю, как это случилось, и не помню всего, но я знаю, что моего ребенка убили. И я теперь живу. Не знаю зачем, но живу.

Она перевела дыхание. Слова давались тяжело, каждое приходилось вытаскивать из себя, как гвоздь из старой доски.

— И ты будешь жить.

Спиридон смотрел на нее. Долго. Тяжело. Исподлобья. Алиса видела, как в его глазах борются тьма и свет, как боль пытается снова затопить сознание, но что-то мешает — может быть, ее слова, может быть, то, как она их сказала, может быть, просто усталость от двухлетнего безумия.

А потом вдруг его глаза налились слезами.

Он отвернулся резко и сел прямо там, на грязный пол кузни, не разбирая места. Огромные ручищи закрыли лицо, и плечи его затряслись.

Он плакал.

Беззвучно, страшно, по-мужски — не умея, не привыкнув, не позволяя себе два года, а теперь прорвало, и слезы текли сквозь пальцы, падали на бороду, на грязную рубаху, на пол, куда до этого падали только угольная пыль и ржавая окалина.

Михай шагнул было вперед, на лице его застыло выражение тревоги и неловкости — он явно не знал, что делать с плачущим мужиком, как его успокаивать, как к нему подступить. Но Алиса остановила его легким прикосновением.

— Не надо, — шепнула она. — Пусть.

Они стояли и смотрели, как огромный кузнец плачет, размазывая по лицу грязь, сажу и слезы, как сотрясаются его плечи, как вздрагивает спина. Алиса не знала, правильно ли она поступила. Может быть, не надо было беречь старую рану. Может быть, лучше было оставить его в покое, дать догорать в собственном аду. Но что-то подсказывало ей: иногда надо прорвать нарыв, чтобы рана зажила.

Лева, который все это время сидел у порога с видом постороннего наблюдателя, вдруг поднялся. Подошел к Спиридону неторопливо, вальяжно, будто знал, что делает, и ткнулся мокрым носом ему в руку.

Спиридон вздрогнул. Поднял голову, мокрую от слез, красную, опухшую — и уставился на кота. Тот сидел рядом, смотрел на него желтыми глазами и, кажется, даже не думал уходить.

И вдруг, сквозь слезы, на лице кузнеца проступило что-то похожее на усмешку.

— Кот, — сказал он хрипло. — У меня тоже кот был. Серый. — Он сглотнул, провел рукой по лицу, размазывая влагу. — Помер, когда она... когда ее не стало.

— Этот не помрет, — сказала Алиса, присаживаясь на корточки рядом. Лева покосился на нее, но с места не сдвинулся. — Он наглый. Его Левой зовут.

— Лева, — повторил Спиридон, и в голосе его прорезалось что-то почти человеческое. — Здоровый какой.

Он протянул огромную, перепачканную сажей руку и погладил кота. Осторожно, будто боялся сделать больно. Лева зажмурился, довольно заурчал и даже чуть привстал на задних лапах, подставляя шею под грубые пальцы.

Алиса смотрела на это и думала о том, что коты — удивительные существа. Они чувствуют боль. Они идут к тем, кто нуждается, не спрашивая разрешения. Они лечат одним своим присутствием, одной вибрацией урчания, одним прикосновением мокрого носа.

— Слушай, Спиридон, — сказала она тихо, пользуясь моментом. — Мне нужна печь. Хлеб печь. Людей кормить. Без железа я ничего не сделаю. Дверцы нужны, заслонки, тяги для поддувала. Сделаешь?

Он посмотрел на нее. В глазах уже не было безумия — только усталость, бесконечная, как этот серый день за окном. И пустота, но пустота уже не мертвая, а та, в которой можно что-то посеять.

— Зачем тебе? — спросил он просто. Без вызова, без презрения. Просто спросил, потому что хотел понять.

Алиса задумалась на мгновение. Как объяснить этому человеку, который два года жил в аду, зачем ей все это? Зачем ей печь, зачем ей кормить людей, зачем ей эта разбитая усадьба и эти чужие, незнакомые люди?

— Чтобы жить, — сказала она наконец. — Чтобы люди не сдохли с голоду. Чтобы тот, кто убил моего ребенка, не порадовался.

Последние слова вырвались сами. Она не планировала их говорить, но они прозвучали — и повисли в воздухе, тяжелые, как тот молот, который валялся на полу.

Спиридон смотрел на нее долго. Очень долго. Потом перевел взгляд на Леву, который уже устроился у него на колене и урчал, как маленький трактор.

— А кто убил? — спросил он глухо.

— Не знаю пока. — Алиса покачала головой. — Но узнаю.

Спиридон кивнул. Просто кивнул, будто это был самый естественный ответ в мире. Потом пошевелился, кряхтя, опираясь на здоровую руку, поднялся с пола. Поясница, видно, затекла — он потер ее, поморщился.

— Когда начинаем? — спросил он.

И вдруг, впервые за два года, улыбнулся. Криво, страшно, опухшим ртом, с запекшимися губами и красными глазами, но улыбнулся. Живой улыбкой. Человеческой.

Алиса выдохнула. Только сейчас поняла, что все это время почти не дышала.

— Завтра. С утра. Жди.

Спиридон кивнул, нагнулся, поднял с пола молот, покрутил в руках, будто взвешивая. Потом аккуратно повесил на место, на крюк у горна. Маленький шаг к порядку. Маленький шаг обратно к жизни.

Лева, поняв, что теплые колени освободились, недовольно мяукнул, но, получив от Спиридона легкий щелчок по носу, обиженно задрал хвост и потрусил к выходу. У порога обернулся, посмотрел на хозяина кузни с выражением «я тебя еще проучу» и исчез в серой мути за дверью.

Спиридон посмотрел ему вслед, покачал головой и, прихватив с собой какую-то железку с верстака — может быть, просто так, для дела, может быть, чтобы занять руки, — побрел к выходу.

Михай задержался на пороге. Когда Алиса поравнялась с ним, он взял ее за локоть — осторожно, но настойчиво.

— Вы чего это ему про ребенка сказали? — спросил он тихо, чтобы Спиридон не услышал. — Про своего? Это правда?

Алиса помолчала. Что она могла ему ответить? Что правда? Что это был сон? Что она сама не знает, что из этого — ее жизнь, а что — чужая, приснившаяся?

— Не знаю, Михай, — сказала она честно. — Я многого не знаю. Но то, что я сказала ему — про боль, про потерю, про то, что надо жить дальше, — это правда. Это я знаю точно.

Михай смотрел на нее долго. В глазах его было что-то новое — не недоверие, не настороженность, а что-то похожее на уважение. Или на удивление перед человеком, который умеет превращать собственную боль в лекарство для других.

Он кивнул — коротко, по-мужски, — и отпустил ее локоть.

— Пойдемте, баронесса. Людей кормить.

Они вышли из кузни, и серый свет ударил в глаза. Моросило — мелко, противно, по-осеннему. Крапива хлестала по ногам, грязь чавкала под башмаками, где-то впереди маячила широкая спина Спиридона, который нес свою железку, свой двухлетний кошмар и свою едва родившуюся надежду обратно в мир.

Лева бежал рядом, то и дело оглядываясь на кузницу, будто проверял, не забыли ли там кого.

Алиса шагала и думала о том, что сегодня случилось что-то важное. Что-то, что невозможно измерить, невозможно объяснить словами. Она не знала, выживет ли этот кузнец, не сорвется ли снова в запой, не забьет ли снова по пустой наковальне. Но знала другое: сегодня он улыбнулся. Впервые за два года.

И это было только начало.

Глава 5: Велена

Утро после разговора со Спиридоном встретило Алису хмурым, но сухим небом. Дождь наконец выдохся, уполз куда-то за лес, оставив после себя мокрую землю, тяжелый влажный воздух и ощущение, что мир отмыли до серой, выцветшей основы. Небо висело низко, как старая холстина, которой накрывают стога на зиму, — такое же поношенное, без единой просвета, но хотя бы не сочащееся водой.

Алиса сидела на знакомом бревне у потухшего костра, грела ладони о кружку с горячей водой, в которой плавали сухие травинки, и смотрела на Леву. Кофе здесь не ночевал — это она поняла уже давно, но каждое утро ловила себя на том, что подсознательно ждет знакомого аромата. Вместо него был запах прелой листвы, мокрой золы и чего-то неуловимо лесного, что она пока не научилась различать.

Кот умывался.

Он делал это с таким сосредоточенным достоинством, будто готовился к аудиенции у короля или ко встрече с особой королевской крови. Лапа взлетала, тщательно вылизывалась, потом медленно, со вкусом, проводилась по морде, задевая усы, которые топорщились в разные стороны. Потом — за ухом, потом — снова лапа, и так по кругу, пока каждая шерстинка не ложилась на свое место, пока весь кошачий облик не обретал законченную, совершенную форму.

— Красавец, — сказала Алиса вслух. — Хоть кто-то здесь следит за собой.

Лева прервал свое занятие, покосился на нее желтым глазом и согласно муркнул. Потом, видимо решив, что похвала заслужена, перевернулся на спину, раскинул лапы в стороны и уставился на нее с выражением полного и безоговорочного права на внимание.

Пришлось чесать пузо.

Алиса запустила пальцы в теплую, мягкую шерсть, и Лева заурчал так, что, казалось, вибрация передавалась через бревно, через землю, до самого леса. В этом урчании было что-то успокаивающее, почти медитативное. Маленький островок нормальности посреди всего, что случилось.

Подошел Михай.

Он остановился в двух шагах, не решаясь приблизиться, глянул на эту идиллическую картину: барыня с котом на коленях, кружка с паром, серое утро — и хмыкнул. В хмыке этом не было насмешки, скорее удивление: надо же, и так бывает.

— Спиридон уже в кузне, — сказал он негромко. — Трезвый. Велел передать: заслонку начнет ковать сегодня.

Алиса кивнула, продолжая чесать кота. Хорошая новость. Более чем хорошая. Значит, вчерашнее не прошло даром, значит, слова ее зацепили что-то в этом огромном, сломанном человеке, значит, он решил попробовать жить дальше.

Она помолчала, собираясь с мыслями, потом подняла глаза на Михая.

— Ты вчера про травницу говорил. Велену. Где ее найти?

Михай переменился в лице. Не то чтобы испугался — скорее насторожился, подобрался, будто услышал шаги за спиной в темном лесу.

— Зачем она вам? — спросил он осторожно.

— Ты сам сказал: она знает, где белую глину брать. И про раствор для печи. — Алиса пожала плечами. — Я в этом не разбираюсь. Совсем. У меня ресторанный опыт, а не строительный. А спрашивать больше некого.

Михай молчал, глядя куда-то в сторону леса, будто прикидывал, стоит ли говорить. Потом все же решился:

— Велена она странная. Ее тут все боятся. Думают, ведьма.

Алиса ждала продолжения, не перебивая. Ведьмы, знахарки, травницы — в этом мире все это было не пустым звуком. Здесь магия если и не работала, то вера в нее работала точно.

— А ты? — спросила она, когда пауза затянулась.

— А я думаю, — Михай почесал затылок, подбирая слова, — что она просто старая и умная. И травы знает. И людей лечит, когда те к ней идут. А если не идут — не навязывается. — Он помолчал. — Но глаза у нее видит она больше, чем говорит.

Алиса кивнула, принимая информацию. Старая, умная, молчаливая — такой портрет ее не пугал. Скорее наоборот: с такими людьми можно разговаривать.

Она поднялась, отряхнула подол, поставила пустую кружку на бревно. Лева, почуввав движение, открыл один глаз, вопросительно глянул.

— Где искать? — спросила она коротко.

— В лесу. — Михай махнул рукой в сторону чернеющей стены деревьев. — За оврагом. Там избушка у нее, на поляне. Тропа есть, звериная, но пройдете, потом напрямую через овраг.

Он замолчал, глядя на нее с тревогой, которую даже не пытался скрыть.

— Только, баронесса осторожнее. Она хоть и не ведьма, а

— Я осторожная, — усмехнулась Алиса. Усмешка вышла чуть нервной, но Михай, кажется, не заметил.

Она повернулась к коту:

— Лева, пойдешь со мной?

Кот, услышав свое имя, поднялся, потянулся с таким чувством собственного достоинства, будто весь день только и ждал этого приглашения. Зевнул, показав розовый язык и острые клыки, и выразительно посмотрел в сторону леса. Мол, а то как же. Без меня ты пропадешь в первой же канаве.

— С котом она вас не тронет, — неожиданно сказал Михай, и в голосе его проскользнула странная уверенность. — Звери к ней хорошо идут. И она их уважает. Может, пропустит.

— Пропустит? — Алиса обернулась. — Я в гости иду, а не на прием к королеве.

— Для нее всякий приход — событие, — Михай пожал плечами, будто извиняясь за чудачества местной знахарки. — Ладно, идите. Я тут пока с мужиками разберусь.

Алиса кивнула, поправила платок, намотанный кое-как, и направилась к лесу. Лева потрусил рядом, то и дело забегая вперед и оглядываясь: не отстала ли хозяйка, все ли с ней в порядке.

Лес встретил тишиной.

Не той тишиной, которая бывает в городе ночью, когда все замирает, а живой, напряженной, полной скрытых звуков: где-то треснула ветка, прошуршало в листве, пискнула невидимая птица. Алиса шла по едва заметной тропе, Лева бежал впереди, останавливался, принюхивался, оглядывался — мол, не отставай, тут без меня сложно.

Мысли в голове крутились разные.

Вчерашний разговор со Спиридоном все еще отдавался где-то под ложечкой. Она сказала ему про ребенка. Чужую правду сделала своей. И это сработало. Но теперь эта правда жила в ней уже не как чужая память, а как ее собственная боль. Она вспомнила лицо младенца в окровавленной тряпице. Синее, сморщенное, с закрытыми глазками. И внутри что-то переворачивалось.

— Зачем ты мне это показала? — шепотом спросила она у той, чье тело носила. — Чтобы я отомстила? Чтобы поняла? Что мне делать с этим?

Лес молчал. Только ветер шелестел в кронах, и где-то далеко стучал дятел.

Тропа пошла под уклон, потом снова вверх, и вдруг Алиса поняла, что зашла в тупик. Овраг, о котором говорил Михай, был перед ней — глубокий, заросший папоротником, с ручьем на дне. Но тропа обрывалась.

— Лева, — позвала она. — Ты где?

Кот сидел на корнях старой ели и смотрел на нее с выражением «ну и тормоз». Он явно знал, куда идти.

— Веди, умник.

Кот прыгнул и пошел не вниз, в овраг, а вдоль края, петляя между деревьями. Минут через десять Алиса увидела то, что иначе не заметила бы: едва заметный лаз в кустах, почти скрытый ветвями.

— Хитро, — признала она.

За кустами оказалась тропа. Настоящая, утоптанная, явно используемая. И через сотню шагов лес расступился, открывая поляну.

Избушка стояла не посередине, как в сказках, а у самого леса, притулившись к огромному валуну, поросшему мхом. Маленькая, старая, но не гнилая — сложенная из крепких бревен, с резными наличниками, на которых угадывались какие-то древние символы. Из трубы вился дымок. Пахло травами — густо,пряно, до сладкой тяжести в голове.

Лева сел у крыльца и замер. Не шевелился, не мяукал. Просто ждал. Алиса перевела дыхание, погладила кота по голове и шагнула вперед.

— Ну, с Богом, — шепнула она неизвестно кому. — Или с кем тут принято.

Алиса сделала шаг к двери, и та открылась сама.

Без скрипа, без усилия, без видимой причины — просто подалась вперед, будто ждала именно этого мгновения, именно этой руки. Алиса замерла на пороге, чувствуя, как по спине пробегает холодок. В ее мире двери сами не открывались. В ее мире вообще много чего не случалось.

— Заходи, — донесся из глубины голос. Старческий, скрипучий, но не злой — скорее усталый, как старая половица, которая знает все шаги в этом доме. — Нечего на пороге маячить. Кот твой пусть заходит, я его знаю.

Лева, не дожидаясь приглашения, шмыгнул внутрь с таким видом, будто всю жизнь здесь прожил и только отлучался по своим кошачьим делам. Алиса шагнула следом, и дверь за ней закрылась так же бесшумно, как открылась.

Внутри оказалось темно, но темнота эта была не пугающей, а уютной — той особенной, пещерной темнотой, в которой глазу есть за что зацепиться. В углу уютно гудела печь — настоящая, сложенная, рабочая, с пузатыми боками и жаром, от которого по комнате разливалось ровное, ласковое тепло. Алиса с завистью задержала на ней взгляд: у нее самой пока была только груда камней и надежда.

Пахло здесь так, что голова шла кругом. Сушеные грибы — узнаваемо, по-домашнему. Мята — свежо, зелено. И еще что-то неуловимое, древнее, как сама земля: запах сухой травы, старого дерева, воска и еще чего-то, чему Алиса не знала названия, но что узнала бы из тысячи. Запах силы.

Старуха сидела у окна на лавке и прjala.

Руки ее двигались сами собой — отдельно от тела, отдельно от мыслей, повинаясь ритму, который был старше нее самой. Веретено жужжало, нить ложилась ровно, и в этом монотонном движении было что-то завораживающее, почти магическое. Так прядут, когда прjали всегда. Так прядут, когда время течет мимо, не задевая.

Сама она оказалась маленькой, сухой, сторбленной — таких старух Алиса видела в деревнях, они похожи на грибы-сморчки, сморщенные и древние. Длинные седые волосы заплетены в тонкую, как мышинный хвостик, косу. Лицо в морщинах — глубоких, как трещины на старой коре.

Но глаза...

Глаза были молодые.

Черные, острые, живые — они смотрели на Алису из этого морщинистого лица, и в них читалось все: знание, сила, терпение и что-то еще, чему Алиса не могла подобрать названия. Может быть, мудрость. Может быть, память веков.

— Здравствуй, — сказала старуха, не отрываясь от прялки. Веретено продолжало жужжать, нить продолжала ложиться. — Садись. Говори, зачем пришла.

Алиса присела на лавку у двери — осторожно, на самый краешек, готовая в любой момент вскочить и бежать. Лева уже освоился: запрыгнул на теплую лежанку у печи, свернулся клубком и устался на происходящее с видом почетного гостя, которому все можно.

— Меня зовут Искра. Я...

— Знаю, кто ты, — перебила старуха, и в голосе ее не было грубости — только спокойная констатация факта. — Вдова Кречетова. Из Каменного Лога. Думаешь, я тут в лесу глухая? Сороки носят вести. Печь тебе нужна, глина белая, раствор крепкий. Правильно?

— Правильно, — Алиса почувствовала себя школьницей, которую вызвали к доске, а она не выучила урок.

— Правильно, — эхом отозвалась старуха.

И вдруг отложила прялку.

Веретено замерло, нить оборвалась — и в наступившей тишине стало слышно, как потрескивает печь и как Лева переворачивается с боку на бок, устраиваясь поудобнее. Старуха впервые посмотрела на Алису в упор.

Взгляд у нее был тяжелый. Такой тяжелый, что Алиса физически ощутила его вес — будто на плечи положили груз, будто воздух вокруг сгустился. Казалось, Велена видит не лицо, не одежду, не тело — а что-то внутри, глубоко, туда, куда сама Алиса боялась заглядывать.

— Ты не она, — сказала старуха просто.

Алиса замерла.

Сердце пропустило удар, потом еще один, потом забилося где-то в горле, часто-часто, как птица в клетке.

— Что?

— Не та Искра, что была. — Велена говорила спокойно, будто обсуждала, какой нынче уродился лук. — Другая ты. Чужая.

Она помолчала, глядя на Алису все тем же пронзительным взглядом.

— Та, прежняя, умерла. Я знаю. Роды тяжелые, кровь потеряла, долго восстанавливалась, но не смогла, душа ушла, не задерживаясь. А ты — ты пришла откуда-то издалека. — Она склонила голову набок, прищурилась. — Очень издалека.

У Алисы пересохло во рту. Язык прилип к небу, слова застряли где-то в горле, не желая выходить наружу. Хотелось закричать, замахать руками, отрицать, убежать — но она сидела, пригвожденная этим взглядом к месту.

— Вы вы кто? — выдавила она наконец.

— Я та, кто видит. — Старуха усмехнулась — беззубым ртом, но в усмешке этой не было злорадства, только усталая мудрость. — Не бойся. Не выдам. Мне-то какое дело, откуда ты? Главное — что ты здесь делаешь. А делаешь ты дело нужное. Людей кормишь, порядок наводишь. Это хорошо.

Она снова взяла прялку, покрутила в руках, будто проверяя, цела ли. Веретено привычно жажужжало, нить потянулась дальше.

— Я — Алиса не знала, что сказать. Отрицать? Смысла нет. Эта старуха видела ее насквозь. Видела то, что скрыто от всех, включая саму Алису. И не боялась. Не гнала. Не проклинала.

— Ты не первая, — вдруг добавила Велена, и голос ее стал тише, задумчивее. — И не последняя. Мир трещит по швам. Старое уходит, новое приходит. Иногда через таких, как ты.

— Через таких?

— Через пришлых. Из других миров. Из других времен. — Велена покачала головой, будто вспоминая что-то давнее. — Бывали тут до тебя. Редко, но бывали. Одни уходили дальше, другие оставались, третьи сгорали.

Она помолчала, и в этом молчании Алисе почудились голоса — те, кто приходил до нее, кто пытался, кто не справился. Холодок пробежал по спине.

— Ты не сгоришь, — сказала Велена твердо. — В тебе огонь есть. Искра. Не зря тебя так зовут.

Алиса сидела, боясь пошевелиться. Слова падали в нее, как семена в готовую землю, и что-то прорастало там, внутри, — что-то важное, чему она пока не могла дать названия.

Лева на лежанке мурлыкал — ему было все равно, из какого мира хозяйка. Миры мирами, а чесать за ухом надо сегодня.

— Ладно, — Велена вдруг встала — легко, будто не было за плечами восьмидесяти лет, — зашаркала к печи, достала оттуда горшок, поставила на стол. — Ешь давай. С дороги голодная. А я тебе про глину расскажу.

Еда оказалась простой до неприличия: похлебка с грибами, в которой плавали разваренные крупинки какой-то крупы, ломоть ржаного хлеба, темного и плотного, как кирпич, травяной взвар в глиняной кружке. Но вкус был — настоящий. Домашний. Такой, от которого внутри разливается тепло, даже если на улице холодно и сыро.

Алиса ела и слушала.

— Глина белая есть за оврагом, где ручей поворачивает. — Велена сидела напротив, сцепив узловатые пальцы на столе. — Там холм такой, лысый. Место старое, еще до людей там капище было. Глина там особенная, огня не боится, держит жар. Наши предки из нее горшки для священного огня делали. Тысячу лет стоят, не трескаются.

— А как ее взять? — спросила Алиса, отставляя пустую миску.

— С умом. — Велена подняла палец. — Возьмешь много — обидишь землю. Земля помнит обиду. Придешь на холм, поклонись. Хлеб положи у корней — там старый дуб растет, он сторож. Горсть зерна брось. Или молока плесни. Земля добро помнит.

Алиса кивнула, запоминая каждое слово. В ее мире такие советы сочли бы суеверием. Здесь это было знанием — таким же важным, как рецепт кладочного раствора.

— А раствор? Для кладки? — спросила она. — Из чего делать?

— Известь нужна. — Велена покачала головой. — А известь из камня делают. Известняк у нас есть, в скалах за лесом. Хороший камень, белый, чистый. Жжешь его — получаешь известь. Только там опасно.

— Где?

— В скалах. — Велена понизила голос, и в нем проступила древняя, как этот лес, осторожность. — Звери там водятся. И не только звери.

Алиса ждала, затаив дыхание.

— Тени, — сказала Велена тихо. — Старые тени. Те, кто жил здесь до людей. Они спят под скалами, в пещерах. Но если разбудить — не обрадуешься. За известняком ходить надо зимой, когда холодно, когда они крепче спят. А сейчас — рано. Обожди до холодов.

Она помолчала, глядя в огонь, и Алиса увидела, как в глазах ее отражаются языки пламени — будто она видит не печь, а что-то другое, далекое.

— Месяц-другой потерпи. Печь пока без извести сложи, на глине. Глина хорошая — схватится крепко. А как снег ляжет — пойдешь за камнем. Я провожу.

— Вы? — Алиса удивилась. — Вы пойдете?

— Не одна. Дорогу покажу. — Велена усмехнулась. — Не думай, старая, а ноги еще носят. И глаза видят. И тени меня знают, не тронут.

Алиса вздохнула с облегчением. Значит, печь пока без извести, но на глине — уже хорошо. А там, глядишь, и до холодов недолго.

— Спасибо, — сказала она. — Я принесу, что скажете. За совет. За помощь. За все.

— Не надо мне ничего, — отмахнулась Велена. — Ты лучше живи. И людей корми. И того, кто ребеночка твоего убил, найди. И накажи.

Алиса вздрогнула, будто ее ударили.

— Откуда вы

— Я вижу. — Велена повторила эти слова, и в них было все: сила, знание, проклятие и дар одновременно. — Ты эту боль носишь, как платье чужое. Но она теперь твоя. И тот, кто это сделал, должен ответить.

Она наклонилась ближе, и глаза ее в полумраке блеснули странным, нечеловеческим светом.

— Только осторожно. Сильные у него покровители. Очень сильные.

— Кто? — Алиса подалась вперед, чувствуя, что сейчас услышит что-то важное. — Назовите.

— Не сейчас. — Велена откинулась назад, и свет в ее глазах погас. — Рано тебе. Окрепни сперва. Людей собери. Веру заслужи. Силу набери. А потом и врагов считать можно.

Она встала, прощаркала к полке, сняла с нее узелок — холщовый, перевязанный бечевкой, — и протянула Алисе.

— Тут травы. От хвори, от слабости, от порчи. Грибы сушеные, каравай. И немного соли — у вас, поди, соли нет? То-то. Соль в этом мире дороже золота. Бери.

Алиса приняла узелок, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Странное дело — старуха, которая видит ее насквозь, которая знает, что она чужая, вместо того чтобы гнать — помогает. Дарит. Спасает.

— Велена а вы почему почему вы добрая?

Старуха усмехнулась — и усмешка эта была страшнее любого проклятия.

— Добрая? — переспросила она. — Кто ж тебе сказал? Я злая, просто справедливая. А тебе помогаю, потому что ты — шанс. Для всех нас.

Она помолчала, глядя куда-то мимо Алисы, в темный угол избы, где, казалось, шевелились тени.

— Давно здесь не было человека с огнем. Все гасли, гнили, прогибались. А ты — нет. Ты гореть умеешь. — Она перевела взгляд на Алису, и в нем было что-то похожее на материнскую гордость. — Посмотрим, что из тебя выйдет.

Она подошла к двери, открыла — снова без усилия, будто дверь сама ждала ее руки. Снаружи лился серый, осенний свет.

— Иди. Кот твой останется, прогреется, потом догонит. — Она глянула на Леву, который даже ухом не повел. — А ты иди, пока свет есть.

Алиса вышла на крыльцо, и лес встретил ее тишиной.

Но тишина эта была другой, чем на тропе. Не настороженной — задумчивой, уважительной, будто лес признал в ней свою. Солнце, пробившись сквозь тучи, осветило поляну косыми лучами, и Алиса вдруг заметила то, чего не видела раньше: вокруг избушки, по самому краю, росли цветы.

Несмотря на осень, несмотря на близкие холода, они цвели — синие, крупные, незнакомые, с длинными стеблями и узкими листьями. Они росли ровным кругом, будто кто-то посадил их специально, будто они охраняли избушку от невидимых врагов.

— Что это? — спросила Алиса, обернувшись.

Велена стояла в дверях — маленькая, сгорбленная, но почему-то казавшаяся огромной, как сама земля.

— Огоньки, — ответила она. — Там, где ты их посадишь, земля родить будет. И зло не пройдет. Только не рви. Семена возьми.

Она протянула руку — в морщинистой ладони лежала горсть мелких, черных, как маковые, семян.

— Посади у печи. Когда печь сложишь — в первый замес глины добавь горсть. И у печи посади, с южной стороны. Будут цвести до снега, а на будущий год разрастутся. И тепло в дом принесут. И защиту.

— Сажать сейчас?

— Весной. — Велена качнула головой. — Храни в сухом месте, в темноте. Пригодятся.

Алиса спрятала семена за пазуху, в самый надежный карман, застегнутый на деревянную пуговицу. Потом поклонилась старухе — почему-то в пояс, как в детстве бабушке кланялась, когда та поила ее травяным чаем от простуды.

— Спасибо, — сказала она просто. — За все.

— Иди, — повторила Велена. — И помни: ты не одна. Даже когда кажется, что одна. Есть те, кто видит. Есть те, кто ждет. Есть те, кто верит.

Дверь закрылась — тихо, без скрипа.

Алиса постояла на крыльце, вдыхая лесной воздух, в котором теперь отчетливо слышался запах тех самых синих цветов — сладковатый, чуть терпкий, не похожий ни на что. Потом шагнула в лес, на тропу.

Лева догнал ее уже на середине пути. Вынырнул из кустов, отряхнулся от налипших листьев, потерся о ноги — мол, я с тобой, никуда не делся, просто грелся у печки, ты же не против.

— Ты слышал, Лева? — спросила Алиса, когда они вошли в лесную глубину, где деревья смыкали кроны над головой, пропуская лишь редкие капли света. — Она знает. Про все знает. И не боится. И помогает.

Кот муркнул — мол, слышал, конечно, я ж не глухой, и вообще, я тебе сразу говорил, что здесь все не просто так.

— Станный мир, — сказала Алиса, останавливаясь на миг и глядя на небо, которое снова затягивало тучами. Серые лохмотья плыли с запада, обещая новый дождь. — Станные люди. Но, кажется, здесь можно жить.

Она сжала в руке узелок с грибами и травами — подарок Велены, за пазухой чувствовалась соль, в кармане лежали семена синих цветов, в голове роились новые знания. А в сердце — там, глубоко, куда даже она сама боялась заглядывать, — разгоралось странное, теплое чувство.

Похожее на надежду.

Или на что-то большее, чему она пока не знала названия.

Лева потрусил вперед, оглянулся, позвал ее за собой. Алиса шагнула следом, и лес сомкнулся за ними, пряча тропу, храня тайну, дыша древним, мудрым дыханием.

Впереди была работа. Впереди была печь. Впереди были люди, которым нужен хлеб.

И тот, кто убил ребенка настоящей Искры.

Тот, кто думал, что останется безнаказанным.

Он ошибался.

Глава 6: Климат и времена года в Эрдарии (Северный удел)

Эрдария — мир, похожий на наш, но с некоторыми отличиями. Северный Удел, куда попала Искра, находится примерно на той же широте, что и Скандинавия или север России. Но есть и нюансы.

Климат умеренно-континентальный с сильным влиянием холодного моря на севере и гор на востоке. Зимы снежные и холодные, лето короткое и жаркое.

Алиса впервые задумалась о погоде не как о чем-то само собой разумеющемся, а как о враге или союзнике. В ее прошлой жизни погода была просто фоном: дождь — бери зонт, снег — надевай сапоги, жара — включай кондиционер. Здесь все было иначе.

Она сидела на бревне, кутаясь в рваный плащ, и смотрела, как низкие тучи ползут над верхушками деревьев. Лева, как обычно, спал у нее на коленях, урчал и излучал тепло.

— Левушка, — задумчиво спросила она, — а какая у вас тут зима? Я как-то не интересовалась, а надо бы.

Кот приоткрыл один глаз, посмотрел на нее как на дурочку и снова закрыл. Мол, зима как зима. Холодно. Снег. Мыши под снегом. Чего тут непонятного?

Михай, проходивший мимо с очередной партией камней, услышал, остановился и вытер пот со лба.

— Зима? — переспросил он. — Обычная зима. Морозная. Если печь не топить — к утру околеешь. Если дров не заготовить — сгоришь, потому что придется сжечь все, включая мебель, а потом все равно замерзнешь. Если еды не заготовить — сдохнешь с голоду раньше, чем согреешься. — Он помолчал. — У нас тут каждый год кто-то не доживает до весны. Старики, дети, слабые. Прошлой зимой в соседней деревне пятеро умерли. Двое — старики, трое — маленькие дети. Кормить было нечем.

Алиса слушала, и внутри у нее все холодело. Она думала о своем мире, где зима — это время новогодних праздников, мандаринов и жалоб на холод в подъезде. А здесь зима — это испытание на выживание.

Лето короткое, но суровое. Травы выгорают, реки мелеют. Правда, дожди часто идут. Угадать, когда сеять, когда косить, — целая наука. Старики по приметам определяют. Вон, гуси третьего дня пролетели. Как раз перед твоим приездом. Значит, зима скоро наступит, ляжет снег.

Алиса прикинула в уме. Зима наступит через две-три недели. У них нет двух-трех недель. Максимум месяц, если повезет. Лето здесь жаркое, значит, можно вырастить овощи, если переживем зиму. Осень дождливая, значит, с грибами и ягодами надо успеть до заморозков. Зима лютая, значит, печь, дрова, еда, теплая одежда — не роскошь, а вопрос жизни и смерти. Весна — распутица, значит, весной помощи ждать неоткуда, все свое нужно иметь при себе заранее.

Глава 6 Часть 2: Визит Рутгера

Алиса почти не узнавала себя в мутном отражении старого медного таза, который где-то откопал Михай.

Лицо осунулось, похудело, но глаза горели живым огнем. Руки — в ссадинах, мозолях, глине, но двигались уверенно. За эти дни она успела: дважды сходить с мужиками за синей глиной, организовать разбор завала на кухне, накормить всех, кто работал, и даже подоить козу — впервые в жизни. Коза чуть не убила ее рогами, но Лева замахнулся на нее, и она отступила.

— Баронесса, — раздался откуда-то сбоку голос Михая. — Там это... гости. От Рутгера. Управляющий его. С прихвостнями. Говорят, проведать. Помощь предложить. — Михай скрипел. — Врут, конечно. Помощи от них не дождешься. Скорее прощупать хотят.

Алиса подняла голову. Михай стоял у входа в старую башню и выглядел так, будто лимон съел.

Алиса вытерла руки о подол (чистого все равно нет), поправила платок, который теперь носила постоянно, — волосы вечно лезли в лицо.

— Зови. Встречу здесь, во дворе. В доме у меня ни стульев, ни стола, негде присесть.

Михай кивнул и исчез.

Алиса оглядела двор. Картина маслом: грязь, лужи, тощие куры, в углу — куча камней для печи, рядом телега с глиной, на телеге дремлет Лева, раскинув лапы. Пара мужиков чинят забор, заметив неладное, насторожились.

— Лева, — позвала Алиса. — Слезай. Встречай гостей.

Кот приоткрыл один глаз, оценил обстановку, спрыгнул с телеги и уселся у ног Алисы с видом телохранителя.

Ворота — те самые, что держались на честном слове да на соплях из веревок, — распахнулись с жалобным скрипом, будто предупреждая: свои не открывают так нагло.

Во двор въехали трое.

Первого Алиса разглядела сразу — такие люди не умеют быть незаметными. Лет сорока, холеный, сытый той особенной сытостью, которая бывает только у тех, кто никогда не знал голода. Добротный плащ из хорошего сукна, сапоги без единого пятнышка грязи — как он умудрился проехать по разбитой дороге и остаться чистым, оставалось загадкой. Лошадь под ним была дорогая, породистая, с блестящей шкурой и гордой осанкой — такая же холеная, как хозяин.

Лицо у него было гладкое, лоснящееся, будто смазанное маслом. Глаза — маленькие, быстрые, бегающие. Так смотрят люди, которые привыкли считать чужие деньги и прикидывать, сколько можно урвать для себя. Типичный управляющий, каких Алиса встречала в книгах и кино: из тех, кто с каждого рубля имеет свой процент и чувствует себя хозяином жизни, хотя сам никогда ничего не создавал.

За ним — двое.

Эти спешиваться не стали. Остались в седлах, нависая над двором, как две горы мяса. Тупые рожи, маленькие глазки, ручищи, которыми можно подковы гнуть. Охрана. Такая охрана не думает — такая охрана выполняет приказы и давит массой. У них даже лица были какие-то неразличимые — будто их лепил один скульптор из одного материала, да забыл добавить деталей.

Главный слез с лошади — осторожно, брезгливо оглядывая грязь. Перешагнул через лужу, будто она была заразной, и направился к Алисе. Поклонился — ровно настолько, чтобы нельзя было придраться, но чтобы сразу стало ясно: это не уважение, это пародия на уважение.

— Баронесса фон Эйден? — Голос у него оказался сладким, как патока, которой мух травят. — Позвольте представиться: Гюнтер, управляющий его светлости барона Рутгера фон Крюка. Можно сказать, ваш будущий сосед.

Гюнтер — типичный "серый кардинал" при сильном господине. Холеный, сытый, самоуверенный, но трусоватый. Он привык к легким победам, к тому, что перед ним заискивают. Прямота и агрессия Алисы выбили его из колеи — он не готов к такому отпору, потому что его сила всегда была в чужой слабости. Рутгер — за его спиной угадывается фигура хищника, который привык брать свое чужими руками. Он не поехал сам — послал управляющего, чтобы прощупать почву и сохранить лицо в случае неудачи. Он расчетлив, терпелив, но не ожидал, что "слабая вдова" окажется крепче, чем думалось.

Алиса смотрела на него и чувствовала, как внутри закипает холодная, спокойная злость.

Будущий сосед. Красиво сказано. Только сосед — это тот, кто рядом живет. А Рутгер живет рядом уже давно. Значит, «будущий» — это про что-то другое. Про то, что должно случиться. Про то, на что он рассчитывает.

Она вдруг ясно увидела всю картину: Рутгер, которыйпил с ее покойным мужем, который, может быть, своими руками приказал убить ребенка, теперь сидит в своем поместье и ждет. Ждет, когда вдова, оставшаяся одна в разоренном гнезде, не выдержит. Замерзнет. Умрет с голоду. Сдастся. И тогда земли сами упадут ему в руки.

А этот — этот холеный хореk с бегающими глазками — приехал прощупать. Проверить, насколько она слаба. Насколько готова прогнуться.

— Вообще-то я с поручением от барона, — продолжал Гюнтер, не дождавшись ответа. — Узнать, не нужна ли вам помощь. Вдова, одна, в разоренном поместье... Сами понимаете, зима не за горами.

— Понимаю, — Алиса кивнула, и голос ее прозвучал ровно, будто речь шла о погоде. — Зима близко. Так что давайте быстро. Нужны дрова, еда, теплая одежда, скот, рабочие руки, зерно на посев. Что готов дать ваш барон?

Гюнтер открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

Он явно готовился к другому разговору. К слезам. К жалобам. К просьбам. К тому, что вдова будет хвататься за его рукав и умолять о помощи. А тут — конкретный список. Без дрожи в голосе. Без надежды в глазах.

— Ну, это... — промямлил он, собираясь с мыслями. — Барон, конечно, подумает. Но вообще-то он рассчитывал на более... дружеское общение.

Алиса усмехнулась. Усмешка вышла невеселой.

Дружеское. Это когда я ему земли отдам, а он меня за это не убьет. Или убьет, но вежливо. С улыбкой. По-дружески.

Она посмотрела на Гюнтера в упор, и тот вдруг заерзал под ее взглядом. Странное дело — эта женщина смотрела на него так, будто видела насквозь. Будто знала все, что он думает, все, что он планирует, все, что ему велели.

— Передай своему барону, — сказала Алиса негромко, но отчетливо. — Я никуда не уеду. Я буду здесь жить. И свои земли никому не отдам.

Гюнтер побледнел. Он явно не ожидал такого поворота. За его спиной верзилы заворочались в седлах, но без команды не тронулись — ждали.

— Если он хочет помочь — пусть помогает, — продолжала Алиса. — Едой, дровами, скотом. Я верну. С процентами. Если хочет воевать — пусть воюет.

Она сделала паузу, давая словам улечься.

— Только учти: я всего лишь баба. Мне нечего терять. А у него — земли, люди, скот. Я подожгу его леса. Отравлю колодцы. Буду сражаться до последнего.

Гюнтер стоял, открывая и закрывая рот, как рыба, выброшенная на берег. Краска схлынула с его холеного лица, оставив серую, нездоровую бледность.

— И еще, — добавила Алиса, понизив голос почти до шепота. — Скажи ему: я знаю, по чьему приказу убили моего ребенка. И я найду всех, кто это сделал.

В этот момент сзади вдруг зашипел Лева.

Кот сидел на бревне, выгнув спину дугой, распушив хвост, и шипел так громко, так страшно, что лошади шарахнулись в стороны. Верзилы едва удержались в седлах — один выронил повод, второй вцепился в гриву, матерясь сквозь зубы.

— Убирайся, — тихо сказала Алиса. — Пока цел.

Гюнтер не заставил себя упрашивать. Вскочил в седло с прытью, которой от него никто не ожидал, и вся тройца вылетела со двора так быстро, будто за ними черти гнались. Ворота жалобно скрипнули, пропуская их, и захлопнулись — сами собой, от ветра или от напряжения, повисшего в воздухе.

Тишина.

Такая густая, что слышно было, как где-то за двором капает вода с крыши.

Потом Пахом крикнул. Сплюнул в сторону. Переглянулся с мужиками, которые высыпали из сарая и замерли, наблюдая за этой сценой.

— Ну, барыня, — сказал он с непонятной интонацией — то ли уважительной, то ли испуганной. — Теперь точно воевать будем.

Михай подошел медленно, остановился в двух шагах, долго смотрел на Алису. В его взгляде читалось то, что он не решался сказать вслух: смесь удивления, тревоги и чего-то похожего на восхищение.

— Добром это не кончится, — проговорил он наконец тихо. — Рутгер такого не простит. Теперь он либо земли ваши любой ценой получит, либо голову вашу.

— Знаю, — выдохнула Алиса.

И только сейчас заметила, что руки у нее дрожат. Мелко, противно, предательски. Она спрятала их в складках юбки, сжала в кулаки, заставила замереть.

— Но если бы я с ним заигрывала, — сказала она, глядя в ту сторону, куда умчались всадники, — если бы просила, унижалась, ждала милости — он бы понял, что я слабая. Сожрал бы и не подавился. А так — он теперь будет думать. Тянуть время. Прикидывать риски.

— До зимы? — спросил Михай.

— До зимы. И дальше.

Алиса перевела дыхание. Внутри все еще колотилось сердце, но мысли уже выстраивались в стройные ряды. Она прокручивала в голове разговор, оценивая каждое слово, каждый взгляд. Она сказала ровно то, что нужно. Ни больше ни меньше. Показала силу, но не перешла в откровенную угрозу. Оставила ему возможность отступить — и возможность напасть. Второе вероятнее, но теперь он хотя бы будет знать, что легкой победы не будет.

— Пойду мужиков предупрежу, — сказал Михай, уже поворачиваясь. — Чтобы ночью караулили. Вдруг вернутся.

— Вернутся, — согласилась Алиса. — Но не сегодня. Сегодня они будут переваривать.

Она подхватила Леву на руки — кот все еще стоял на бревне, но уже не шипел, только смотрел вслед всадникам желтыми, ненавидящими глазами. Тяжелый, теплый, урчащий комок прижался к ней, и Алиса почувствовала, как дрожь понемногу отпускает.

— Ничего, Левушка, — шепнула она, зарываясь носом в его шерсть. — Мы справимся. Нам не привыкать.

Кот лизнул ее в подбородок шершавым, теплым языком. Согласился.

— Только бы зиму пережить, — добавила она уже себе под нос, глядя на серое, низкое небо, набухшее новой влагой. — А там видно будет.

Мужики расходились по местам — кто-то к сараю, кто-то к костру, кто-то просто в темноту, пряча глаза. Разговор уже разнесут по всему Логу, до каждой избы, до каждого, кто еще сомневался. Сегодня она сделала выбор. И теперь этот выбор ляжет на всех.

Алиса стояла посреди двора, прижимая к себе кота, и смотрела, как серый день медленно перетекает в серый вечер. Ветер шевелил ее волосы, пахло сыростью и близкой ночью.

Где-то там, за лесами, за полями, в теплом доме с толстыми стенами, сидел человек, который только что получил пощечину. И этот человек не привык прощать.

— Ну что ж, — сказала Алиса тихо. — Посмотрим, кто кого.

Перед тем, как уснуть Алиса лежала и пыталась детально проанализировать ситуацию.

Преимущества Рутгера:

Ресурсы: деньги, люди, скот, теплые дома, запасы еды.

Опыт: он знает этот мир, его законы, его правила.

Связи: у него есть союзники, покровители, люди, которые ему обязаны.

Время: он может ждать, выматывать осадой, давить психологически.

Преимущества Алисы:

Непредсказуемость: она не играет по местным правилам, не боится того, чего боятся они.

Отчаяние: ей действительно нечего терять — это делает ее опасной.

Ум: она мыслит стратегически, видит на несколько ходов вперед.

Способность объединять людей: она уже начала кормить голодных, а это здесь работает лучше любых уговоров.

Знание: она знает (или ей кажется, что знает), кто убил ребенка. Это дает ей моральное преимущество.

Поддержка: Михай, Пахом, Спиридон, Велена — маленькие, но крепкие союзники.

И главное — она умеет ждать и видеть возможности там, где другие видят только тупик.

Выход у Алисы только один: выжить любой ценой. Не просто выжить, а укрепиться, собрать людей, создать оборону, запастись едой и дожидаться момента, когда можно будет ударить. Или — если повезет — найти способ договориться, но с позиции силы, а не слабости. Зима — ее главный враг, но и главный союзник: Рутгер вряд ли пойдет на штурм в морозы. Значит, надо успеть подготовиться.

Глава 7: Подвал и охота

Ночью Алиса проснулась от тишины.

Не от звука, а от его отсутствия. Лева не сопел, ветер не шуршал за окном, даже мыши, которые обычно возились где-то в стенах, замерли. Тишина стояла такая плотная, что, казалось, ее можно было потрогать.

И в этой тишине что-то позвало.

Не голос, не звук — скорее, вибрация, дрожь где-то в затылке, в том месте, которое отвечает за древние страхи и забытые знания. Зов шел снизу. Из-под земли. Из подвала, куда Алиса до сих пор не спускалась — все было недосуг, да и страшновато.

Лева поднял голову, посмотрел на нее желтыми глазами, в которых плескалось нечто странное — не страх, но настороженность. И вдруг спрыгнул с кровати, направился к двери, оглянувшись: идешь?

Алиса встала.

Ноги сами понесли ее к лестнице, ведущей вниз. Сознание кричало: "Стой, глупая, ночь на дворе, холод, подвал, там крысы и пауки!" Но тело слушалось не сознания, а того зова, что тянул из глубины.

Она спустилась вниз, отворила тяжелую дубовую дверь, ведущую в подклет. Оттуда пахло холодом и землей — древней, спертой, какой пахнут места, куда не ступала нога человека столетиями.

Лева шел первым. Не боялся.

Ступени были каменными, стертыми бесчисленными шагами тех, кто жил здесь задолго до нее. Алиса считала их, чтобы не думать о страхе: раз, два, три, четыре...

Десять. Двадцать. Тридцать.

Подвал оказался огромным — гораздо больше, чем можно было предположить сверху. Сводчатый потолок терялся в темноте, где-то капала вода, пахло сыростью и еще чем-то — чем-то живым, теплым, несмотря на холод.

Лева остановился у дальней стены и сел. Ждал.

Алиса подошла.

В стене, почти у самого пола, был вмурован камень. Обычный, на первый взгляд, серый булыжник, каких полно в этих стенах. Но на нем был знак.

Два переплетенных круга — она уже видела такой на заслонке, которую выковал Спиридон. Только этот был древним, высеченным вручную тысячу лет назад, стертым временем, но все еще читаемым.

И камень был теплым.

Алиса замерла. Вокруг был ледяной подвал, дыхание вырывалось паром, стены покрывали иней — а этот камень дышал теплом, как живой.

Она протянула руку.

Лева не шевелился, только смотрел своими желтыми глазищами, и в них не было тревоги. Было ожидание.

Пальцы коснулись камня.

Тепло побежало по руке вверх, к плечу, к сердцу, разлилось по всему телу — и вдруг Алиса услышала голос. Не внутри головы, как обычно бывает в мыслях, а снаружи и внутри одновременно, будто сам воздух заговорил, будто камни обрели голос.

Голос был женским. Древним. Усталым и одновременно ликующим.

— Наконец-то, дитя. Я ждала тебя тысячу лет.

Алиса отдернула руку, но тепло осталось. Оно пульсировало в ладони, в груди, в висках. — Кто ты? — спросила она шепотом. — Что ты такое?

— Я — дух этого места. Хранительница огня, что горит под землей. Та, кто помнит, когда люди были молоды, а боги ходили по земле.

Перед глазами Алисы замелькали образы: древний лес, люди в звериных шкурах, они кладут руки на этот камень, просят защиты; потом каменные стены растут вокруг, башня поднимается к небу, люди в доспехах молятся перед походом; потом запустение, тишина, годы и годы одиночества...

— Я ждала, — повторил голос. — Знала, что ты придешь. Чужая, нездешняя, но несущая огонь. Та, кто сможет зажечь его снова.

— Что я должна делать? — спросила Алиса, чувствуя, как слезы текут по щекам — не от горя, от чего-то другого, чему нет названия.

— Жить. Растить. Защищать. И помнить: ты не одна. Я с тобой. Я всегда была с тобой. Просто ты забыла.

Камень вспыхнул мягким, теплым светом — и начал гаснуть. Вдруг от него отделилась небольшая каменная крошка. Алиса подняла с пола маленький камушек с высеченным на нем знаком. Камень теплый, хотя вокруг холод.

Тишина вернулась. Обычная, ночная, с каплей где-то в углу и легким посвистыванием Левы, который вдруг принялся умываться, будто ничего не случилось.

Алиса стояла на коленях перед стеной, прижимая ладони к холодному теперь камню, и чувствовала, как внутри разгорается что-то новое. Что-то огромное, древнее, сильное.

— Я не одна, — прошептала она. — Я не одна.

Лева подошел, ткнулся носом в плечо, заурчал. Согревал. Успокаивал.

Наверху, в башне, уже начинал брезжить рассвет. Новый день. Новая жизнь.

С духом земли за плечами.

Утро ударило по глазам белесым светом — неярким, но обжигающе-холодным, каким бывает только первый настоящий заморозок. Алиса выбралась из башни, кутаясь в платок, и первое, что увидела — собственное дыхание. Пар вырвался изо рта густым облачком и растаял в воздухе, оставив на губах привкус зимы.

Трава под ногами хрустела.

Не влажно чавкала, как последние недели, а именно хрустела — тонкой ледяной коркой, которая ломалась под башмаками с тихим, стеклянным звоном. Белый налет покрывал каждую травинку, каждый камень, каждую щепку, валявшуюся во дворе. Мир за одну ночь стал другим — постаревшим, поседевшим, приготовившимся к долгой спячке.

— Лева, холодно, — сказала Алиса коту, который вывалился следом и тут же замер, подняв переднюю лапу, будто земля обжигала.

Кот посмотрел на нее долгим, полным укоризны взглядом. В этом взгляде читалось все: и «я вообще-то на юг собирался, но раз уж ты здесь...», и «кто ж знал, что в этом дырявом мире бывает такая гадость», и «немедленно тащи меня обратно в тепло, женщина».

Потом, решив, что ждать от хозяйки помощи бесполезно, он осторожно, брезгливо отряхнул лапу от белого налета и потрусил к избе Михая — там всегда топилась печь, там пахло едой и там его уже знали и пускали без очереди.

Алиса пошла за ним.

Не столько за теплом — тело уже привыкло к утренней стыни, — сколько за делом. Вчера вечером, когда они с Михаем сидели у догорающего костра, разговор свернул на самое главное: еду надо добывать сейчас. Сегодня. Завтра. Пока земля не промерзла насквозь, пока зверь еще ходит по лесу, пока есть шанс.

Куры полудохлые. Козы тощие. Репа кончается быстрее, чем хотелось бы. Мед, найденный в погребке, — это сладость, это лекарство, это подарок, но мясо им не заменишь. А зима уже дышит в затылок этим белым утром, этим инеем на траве, этим хрустом под ногами.

Михай не спал.

Он сидел на крыльце своей избы — небольшой на две комнаты, приземистой, но крепкой, сложенной из старых бревен, — и правил нож. Лезвие ходило по точильному камню с тихим, свистящим звуком, от которого почему-то становилось спокойно.

Михай поднял голову, увидел Алису, коротко кивнул — и снова вернулся к ножу

Алиса присела на завалинку рядом. Иней с нее уже осыпался, но дерево все равно холодило сквозь одежду.

— Спиридон обещал к полудню наконечники доделать, — сказал Михай, не отрываясь от ножа. — Если сделает — завтра пойдем.

— Кто пойдет?

— Я, Спиридон, Пахом, еще трое. Которые не боятся леса.

Алиса помолчала, вглядываясь в его профиль. Обветренное лицо, щетина, глубокие морщины у глаз — не от возраста, от жизни.

— А боятся?

— Боятся все. — Михай поднял нож, посмотрел на лезвие на свет, провел пальцем, проверяя остроту. — Кто не боится — тот дурак и долго не живет.

Он опустил нож, перевел взгляд на нее. В глазах его была та спокойная, тяжелая решимость, которая приходит только к тем, кто знает цену выживанию.

— Но голод сильнее страха.

Алиса кивнула. Она понимала это лучше, чем хотелось бы. Голод — он не просто урчит в животе, он меняет человека. Делает его другим. Заставляет идти туда, куда не пошел бы сытый. Делать то, чего не сделал бы.

— Что нужно? — спросила она коротко. — Я не про лес. Я про здесь. Что организовать, пока вас не будет? Людей накормить перед выходом? Припасы собрать? Сети для рыбы?

Михай покосился на нее. Взгляд был странный — будто он видел ее впервые и никак не мог привыкнуть к тому, что она говорит. Что она вообще есть.

— Сети, — сказал он после паузы. — Рыбу бы хорошо. Но сети драные, чинить надо. Пахомова баба умеет — она раньше рыбакам чинила, еще до того, как за Пахома вышла. А вы сами откуда такое умеете? Планировать, считать, командовать?

Он осекся, будто понял, что сказал лишнее, но было поздно. Слова повисли в холодном утреннем воздухе, и Алиса почувствовала, как внутри что-то напряглось.

— У нас там, откуда я родом, — она повела рукой куда-то в сторону, будто указывая на другой мир, другую жизнь, — женщины и командуют, и считают, и хозяйство ведут, и мужиков заодно. У некоторых даже лучше мужиков получается.

Михай смотрел на нее долго. Потом перевел взгляд на Леву, который уже почти растворился в блаженном сне у него на коленях. Потом снова на нее.

— Странные у вас места, — сказал он просто. Без осуждения, без насмешки. Просто констатировал факт.

— Странные, — согласилась Алиса. — Далеко отсюда. И не попасть туда больше никогда.

Тишина повисла между ними — не тяжелая, не напряженная. Такая, в которой можно было просто сидеть и смотреть, как поднимается солнце, как тает иней на траве, как просыпается двор.

Лева заворочался, перевернулся на спину, подставляя пузо несуществующему солнцу. Михай машинально почесал его, и кот заурчал так, что, казалось, вибрация передавалась через бревна крыльца, через землю, до самого леса.

Глава 8: Переселение

Они вернулись на третий день.

Алиса как раз сидела на крыльце с Флорой — чинили сети, грелись на скупом октябрьском солнышке, перекидывались редкими словами. Флора вообще была неразговорчивая, но за три дня привыкла к барыне и уже не косилась волком.

Лева ловил мышей в прошлогодней соломе — выпрыгивал оттуда столбом, встряхивался и снова нырял. Зрелище завораживающее.

— Едут, — вдруг сказала Флора. — Живые, — добавила Флора, и в голосе ее впервые за три дня прорезалось что-то человеческое.

Алиса подняла голову. Со стороны леса по дороге тянулась вереница — люди, лошади, волокуши с поклажей.

Первым шел Михай. Уставший, злой, грязный, но целый. За ним — Спиридон, тащил на плече что-то большое, замотанное в мешковину. Пахом и остальные вели лошадей, нагруженных тушами.

И тут Алиса увидела. На волокушах лежали два оленя. Крупные, лесные, с ветвистыми рогами. И кабан — черный, щетинистый, страшный даже мертвый. Связка с кролами — штук пять.

— Ни хрена себе, — выдохнула она.

Михай подошел, остановился в двух шагах. Глаза красные, небритый, от него пахло лесом, потом и кровью.

— Трое суток по лесу бродили, — сказал он хрипло. — Выследили. Спиридон кабана завалил — один на один, с рогатиной. Оленей мы вместе. Белок еще два десятка отстреляли.

— Раненые есть? — спросила Алиса деловито.

— Царапины. У Спиридона плечо задето, кабан клыком полоснул. Пустяк.

Спиридон подошел, неохотно стянул рубаху. На плече краснела глубокая ссадина — не опасная, но грязная.

— В избу, — скомандовала Алиса. — Флора, воды горячее! Травы у меня есть, Велена давала. Промыть надо, пока заражения не пошло.

Спиридон хотел возразить, но она так глянула, что он молча поплелся к избе.

Мужики заулыбались — барыня командует, а Спиридон, медведь медведем, подчиняется. Хорошо.

— Мясо где хранить? — спросила Алиса у Михая.

— В погребе. У нас погреб есть, старый, под башней. Там холодно, не испортится.

— Тащите. Я потом приду, посмотрю. Сначала раны, потом еда.

Спиридон сидел на лавке в избе Михая, морщился, но терпел. Алиса промывала его плечо настоем трав — Велена учила, что зверобой и подорожник заживляют лучше любой химии. Воняло травой и немного спиртом — самогон у Феклы нашелся, для дезинфекции.

Михай, стоявший в дверях, усмехнулся.

— У вас бабка, видать, великая женщина была, — сказал он. — И готовить учила, и лечить, и командовать.

Спиридона зашили, замотали чистой тряпицей, накормили похлебкой и отправили спать в свою кузню. Мужики разобрали мясо, утащили в погреб. Флора ушла к себе, унося краюху хлеба для детей.

К вечеру все устали так, что сил не было говорить.

Алиса сидела на крыльце Михайловой избы, смотрела на закат. Лева, наглый, с полным брюхом (ему перепало оленьих обрезков), дрых на коленях.

Михай вышел, сел рядом на ступеньку. Молчал долго, потом сказал:

— В башне у вас печи нет, от камина сейчас мало толку, — добавил Михай. Помолчал. — Замерзнете. К холоду нельзя привыкнуть. К холоду можно только согреться или одеться. А одеваться нечем.

Он встал, открыл дверь в избу, шагнул внутрь. Алиса слышала, как он там возится, двигает что-то. Потом вышел с охапкой тряпья.

— Вот, — бросил ей на колени поверх кота. Лева возмущенно бухнул, но не слез. — Тулуп старый, бараний. Мой. Носите пока.

Он постоял, глядя куда-то в темноту. Потом обернулся:

— Слушайте, барыня... Перебирайтесь сюда. В избу. Замерзнете в башне, и все дела — коту хвост. А здесь печь, тепло. Я на лавке в кухне лягу, вы на кровати в комнате. Лева где хочет, он наглый. Места хватит. А как левое крыло отремонтируем, да камины там выправим, так и поселитесь в комнатах.

Алиса подняла на него глаза. Он смотрел спокойно, без тени того, что можно было бы назвать "намеком". Просто предлагал решение.

— Это неприлично, — сказала она для порядка.

— Кому? — усмехнулся Михай. — Крестьянам? Так они сами вповалку спят, всей семьей на печи. Им наш с вами расклад — тьфу. Спиридону? Он вообще мужик, ему плевать. Рутгеру? А Рутгеру мы не скажем. Да и не сунется он ночью в деревню.

Алиса молчала. Лева поднял голову, посмотрел на нее — иди, мол, не дури.

Через полчаса Алиса сидела на кровати в избе Михай и смотрела, как он возится у печи. Подкидывает дрова, поправляет уголек, вешает котелок с водой.

В избе было тепло и чисто. Стол, лавка, печь огромная, шкаф, рундук для спанья (Михаева лежанка), за стеной собственно кровать — топчан, застеленный овчинами. На стенах — полки с плоскими, связки трав, старый лук.

Лева уже освоился — забрался на печь и дрых там, свесив хвост.

Алиса взяла кружку чая, обхватила ладонями. Тепло разливалось по пальцам, по рукам, по всему телу. Она вдруг поняла, что замерзала все эти дни. Каждую ночь. Каждое утро. И только сейчас, сидя у печи, с горячим чаем в руках, начала оттаивать.

Он сидел напротив, глядел в свою кружку. Помолчал, потом спросил:

— А что вы там, в башне, по ночам кричали? Я слышал иногда. Слова непонятные. И плакали. Не по-нашему плакали.

Алиса замерла.

— Сны, — сказала она. — Дурацкие сны. Про то, чего не вернуть.

Михай кивнул, будто понял. Может, и правда понял.

— У меня тоже бывает, — сказал он. — Про войну. Про то, как ногу пробили. Иногда проснусь — и лежу, думаю, зачем я вообще живой остался.

Алиса посмотрела на него. Шрам через бровь, глаза усталые, но не пустые. Руки в мозолях, на столе лежат — спокойные, сильные.

— Ты хороший, Михай, — сказала она просто.

— Я разный, — ответил он. — Вы просто меня плохо знаете.

Лева на печи вздохнул во сне и перевернулся на другой бок.

Алиса допила чай, ушла в комнату, забралась на кровать, укрылась тулупом. Михай погасил лучину, лег на свою лавку.

В темноте было слышно, как потрескивают дрова в печи, как сопит кот, как дышит человек на другом конце избы.

И она заснула. Впервые за долгое время — тепло, сытно и не одна.

РЕЛИГИЯ В ЭРДАРИИ

Вера в Двуетьного

Суть веры:

Мир создан **Двуединым**— богом, у которого две ипостаси:

Светлый Лик (Дажь)— бог жизни, тепла, урожая, деторождения, добра. К нему обращаются с просьбами о хлебе, здоровье, удаче.

Темный Лик (Мор)— бог смерти, зимы, болезней, справедливого воздаяния. Его не просят — его задабривают. Чтобы он не забрал лишнего.

Важно: Это не два разных бога, а один. Как день и ночь, лето и зима. Нельзя поклоняться только светлому — Темный обидится и найдет мор. Нельзя забывать и о Темном — без него нет цикла жизни.

Храмы и служители:

Храмы называются **Капища**. Строятся обычно на возвышенностях или в священных рощах.

Служители — **жрецы** (мужчины и женщины). Делятся на "белых" (служат Светлому Лику) и "черных" (служат Темному). Но черные — не злые, они просто проводники смерти, они помогают умирать, отпевают, следят за погребальными обрядами.

Есть верховный жрец в столице — **Великий Проводник**. Он назначается советом старейших жрецов.

Обряды и традиции:

Рождение— ребенка подносят к огню (символ Света) и кропят водой (символ очищения). Жрец говорит: "Прими, Дажь, дитя это, сохрани от Мора".

Свадьба— жених и невеста обходят вокруг огня три раза, обмениваются хлебом и солью.

Смерть— тело сжигают, чтобы душа освободилась или хоронят в земле, если нет дров. Жрец Темного Лика читает молитву: "Прими, Мор, раба твоего, не держи зла на живых".

Праздники:

День пробуждения (весна) — когда снег сходит, празднуют возвращение Света.

День угасания (осень) — когда листья опадают, задабривают Мора, чтобы зима не убила слишком многих.

Зимний солнцеворот— самая длинная ночь. Жгут костры всю ночь, чтобы помочь Свету вернуться.

Отношение к магии:

Церковь (Орден Пламени) считает, что любая магия — это нарушение равновесия между Дажь и Мор. Человек не должен вмешиваться в дела богов. Поэтому магов жгут. Но на самом деле древние жрецы умели колдовать — просто это знание утеряно или скрыто.

Клятвы и ругательства:

"Дажь с тобой" — аналог "бог с тобой".

"Мор тебя заведи" — ругательство.

"Двуединый свидетель" — клятва.

"Светлого пути" — пожелание удачи.

"Темного часа" — проклятие.

Глава 9: Вера

Утро выдалось морозным, но солнечным.

Алиса проснулась от того, что Лева, наглый пушистый танк, плюхнулся ей на грудь и требовательно заурчал прямо в ухо. Мол, хозяйка, вставай, жрать охота, а ты дрыхнешь.

— Убью, — пообещала она коту, но беззлобно. Села, потянулась.

В избе было тепло. Михай уже встал — его лежанка пустовала, дрова в печи весело потрескивали, в котелке булькало что-то съедобное.

Алиса накинула тулуп (михаев, бараний, уже родной), сунула ноги в сапоги и вышла на крыльцо.

День занимался ясный. Небо высокое, бледно-голубое, солнце слепило, хотя почти не грело. Иней на траве лежал густой, как первый снег — белый, искристый, хрустящий.

У колодца стояли Флора и еще две бабы. Набирали воду, переговаривались вполголоса. Алиса хотела подойти, поздороваться, но вдруг замерла.

Флора, прежде чем взять ведро, перекрестилась. Но не так, как крестятся в ее мире — не троеперстием, не щепотью. Два пальца правой руки — указательный и средний — она прижала к груди, потом резко развела в стороны: влево и вправо. Быстрое, почти неуловимое движение.

Две другие бабы повторили.

— Чего это они? — спросила Алиса у Левы, который вылез следом и теперь терся о ее ноги.

Кот посмотрел на баб, на нее, зевнул. Мол, мелочь какая, люди крестятся, чего удивительного.

Но Алиса зацепилась взглядом. Два пальца. В стороны. Не вверх-вниз, а влево-вправо. Как будто... разделяли что-то? Или соединяли?

Она стояла на крыльце, глядя, как бабы у колодца совершают странный, почти забытый ритуал. Две женщины, согнувшись над срубом, развели руки в стороны — указательные и средние персты сложены вместе, остальные прижаты к ладоням. Медленный, торжественный жест, будто они раздвигали невидимую завесу.

И вдруг Алиса *вспомнила*.

Это не было ее воспоминание. Оно пришло откуда-то изнутри, из той глубины, где еще жила настоящая Искра — та, чье тело она носила, чью боль впитала, чью смерть видела во сне. Память хлынула теплой, горьковатой волной, и Алиса на мгновение перестала быть собой.

Маленькая девочка стоит на холме, сжимая в кулаке краюху хлеба. Ветер треплет светлые волосы, небо низкое, серое, а перед ней — два огромных камня, стоящих рядом. Между ними — провал, тьма. И оттуда веет холодом и чем-то еще — древним, страшным, но справедливым.

— *Подойди, дитя, — голос жреца, глубокий, как колодец. — Положи дар на камень Светлого Лица. Темный видит, Темный принимает, но не проси его о милости. Милость — у Светлого.*

Она кладет хлеб на левый камень — шершавый, теплый от солнца. И шепчет, как учила мать: «Двуединный, сохрани, отведи Мор, дай урожай».

Потом разводит руки в стороны — двумя перстами, как учили. Свет и Тьма не смеиваются. Но и не расходятся совсем.

Так надо. Так правильно. Так было всегда.

— Двуединный, — сказал голос за спиной.

Алиса вздрогнула, выныривая из чужой памяти. Сердце колотилось где-то в горле, перед глазами все еще стояли два камня на ветреном холме. Она обернулась.

Михай стоял в дверях, с кружкой в руках, смотрел туда же, на баб у колодца. Лицо его было спокойным, будничным — он видел этот жест тысячу раз и не находил в нем ничего особенного.

— Им молятся. Два перста — два Лица. Светлый и Темный. В стороны разводят — чтоб не смешивались, но и не расходились совсем. Так бабы делают, когда воды набирают — просят, чтоб чистая была, чтоб Мор в колодец не напустил заразу. Два перста, вот так, вместе. К груди прижать — это значит "в себе Двуетного чувствую". Потом в стороны развести — "делю мир на Свет и Тьму, но знаю, что они едины". Можно и слева направо, и справа налево — разницы нет. Главное — чтобы от сердца шло.

Алиса слушала, и внутри нее странно переплетались два знания: то, что она принесла из своего мира — с его единым Богом, раем и адом, добром и злом, разделенными навсегда, — и то, что только что всплыло из глубин чужой памяти. Два Лица. Свет и Тьма в одном лице. Не враги, не противники — две половины одного целого. Одно не существует без другого.

Это было древнее. Гораздо древнее, чем христианство, которое она знала. Это пахло язычеством, землей, камнями, стоящими на холмах задолго до того, как сюда пришли первые люди.

— Да, я знаю. А ты? — спросила она осторожно. — Тоже так делаешь?

Михай пожал плечами — не равнодушно, а скорее устало.

— Когда надо. В капище, когда захожу. Или если беда какая. А так — он махнул рукой, обводя двор, развалины, серое небо. — Я больше по делам, чем по молитвам. Двуетный, он, может, и слышит, да только у него своих забот хватает. На всех не напасешься.

Он отхлебнул из кружки, и Алиса машинально отметила, что пьет он не воду — запах травяной, терпкий, наверное, тот самый взвар, который она вчера заваривала.

— У нас капище за лесом, на холме. Старое еще, до людей поставлено. Говорят, там раньше сам Двуетный являлся. — В голосе его не было благоговения, только спокойная констатация факта. — Сейчас жрецы приходят по праздникам. Местные носят подношения — кто хлеб, кто масло, кто холстину. Флора вон каждое новолуние ходит — просит, чтоб дети не болели.

Впереди был день. Много дел. И тихое, новое знание о том, что она не одна в этом мире. Даже если боги молчат.

— Что за черт, — прошептала она.

Лева посмотрел на нее с выражением "сама ты черт, а я спать хочу". И потрусил в избу, греться.

Алиса осталась на крыльце. Смотрела на баб у колодца, на иней, на солнце, которое поднималось над лесом. И вдруг почувствовала, как внутри, глубоко, что-то дрогнуло.

Память тела. Чужая вера. Та, настоящая Искра — она верила. Молилась. Просила. И, видно, так сильно, что тело запомнило даже без души.

— Ты чего от меня хочешь? — спросила Алиса тихо, обращаясь неизвестно к кому. К той женщине? К Двуетному? К ветру?

Никто не ответил. Только Лева мяукнул из избы: "Иди уже, холодно".

Она пошла.

Глава 10: Первый снег

Они сидели на крыльце людской, глядя, как вечернее солнце золотит верхушки деревьев. День выдался тяжелым — таскали камни, чинили забор, носили воду. Алиса чувствовала каждую мышцу — все они дружно ныли и просили пощады.

— Хорошо бы сейчас в баню, — вырвалось у нее мечтательно. — С парком, с веничком...

Она прикрыла глаза, представляя горячий пар, запах березовых листьев, холодную воду из ушата и это блаженное чувство чистоты.

Михай покосился на нее с недоумением.

— Баня? — переспросил он, будто услышал незнакомое слово. — Это что такое?

Алиса открыла глаза и уставилась на него. Теперь недоумение было на ее лице.

— Ну, где моются. Баня, душ. — Она даже растерялась.

— Это Вы речку баня называете? — переспросил он

— Какая речка, ты чего?! Помещение такое. Там печь, камни нагреваются, водой их плещешь — и пар идет. И веником можно хлестаться, чтобы кровь разогнать.

Она говорила и по лицам сидящих читала: они ее не понимают. Пахом слушал с вежливым недоумением. Флора, качавшая ребенка, смотрела так, будто Алиса заговорила на древнем языке.

Алиса закрыла глаза и глубоко вздохнула. Мир, где нет бани. Где мыло — роскошь. Где люди зимой просто терпят, потому что не знают, что можно иначе. Ей вдруг отчаянно захотелось домой, в цивилизацию. Но дома не было.

— Значит, так, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — Завтра начинаем рубить баню. Сруб. С печкой-каменкой. С полком, где лежать. С предбанником, где раздеваться. И с вениками. Много веников. Теперь будете не жить, а наслаждаться жизнью. Хотите раз в неделю сидеть в тепле, париться, пить травяной взвар, а потом выскакивать на снег голышом?

Пахом, который до этого смотрел скептически, вдруг оживился.

— Голышом? На снег?

— Ага. А потом обратно в пар. Кровь так разгоняется — мужики после такого горы свернуть могут.

Пахом переглянулся с мужиками. В глазах у обоих загорелся неподдельный интерес.

— А бабам можно? — тихо спросила Флора.

— Всем можно, — пообещала Алиса. — По очереди. Бабы отдельно, мужики отдельно, если стесняетесь. Или вместе — как договоритесь.

Флора густо покраснела и уткнулась в ребенка. Пахом заржал так, что в лесу птицы проснулись.

— Ну, барыня дает! — восхитился он. — Ладно, уговорила. Где рубить-то будем? У речки? Чтобы вода рядом. Я местность знаю — выберу место.

Пахом кивнул, уже прикидывая.

— Бревна где брать? — спросил Михай практично.

— В лесу. Спиридон поможет свалить. А вы — подтащите. За неделю управимся.

Алиса смотрела на заходящее солнце и улыбалась. Да, денег нет. Да, враги рядом. Да, зима на пороге. Но будет баня. Будет тепло. Будет чистота.

И пусть только кто-нибудь попробует встать у нее на пути.

Лева согласно муркнул, не открывая глаз.

Утро ударило в глаза белым.

Алиса проснулась от того, что в избе стало как-то особенно тихо. Даже Лева, который обычно начинал орать с рассветом требуя жрать, молчал. Только печь потрескивала, да где-то далеко каркнула ворона.

Она села на кровати, натянула тулуп на плечи. Михая не было — его лежанка пустовала, дрова в печи горели жарко, значит, встал давно.

— Лева? — позвала она.

Кот сидел на подоконнике. На том самом узком, затянутом бычьим пузырем окошке, которое Михай недавно заделал от холода. Сидел и смотрел наружу с таким выражением, будто увидел пришельцев.

Алиса подошла, отодвинула кота, прильнула к мутному стеклу.

И замерла.

Мир был белый.

Не просто "выпал снежок", а настоящий, глубокий, пушистый, укутавший все вокруг — землю, крыши, забор, дальний лес. Он лежал ровным слоем, припорошил грязь, спрятал лужи, превратил развалины Каменного Лога в нечто почти сказочное.

— Ничего себе, — выдохнула Алиса.

Лева возмущенно мявкнул — отодвинули, понимаешь, а он первый увидел.

Алиса натянула сапоги, накинула тулуп и выскочила на крыльцо.

Воздух — морозный, чистый, как будто его выстирали и прополоскали в ледяной воде. Пахло снегом, дымом и еще чем-то неуловимым, что бывает только в первый снегопад — свежестью и началом чего-то нового.

Снег хрустел под ногами. Настоящий, сибирский, здешний, северный, глубокий. Алиса зачерпнула горсть, сжала — он был рассыпчатый, еще не липкий, но уже холодный до жжения.

Михай стоял у поленницы с охапкой дров. Снег лежал у него на плечах, на шапке, на ресницах. Он улыбался — впервые так открыто, без обычной своей хмурости.

— Первый снег, — сказал он. — Хорошая примета. Если в первый снег дело начать — удачным будет. Вот мы сегодня печь будем пробовать. Спиридон заслонку вчера доделал. Если в первый снег затопим — век стоять будет. Вы идите, посмотрите пока. На снег. Первый снег надо запомнить. До весны теперь другой будет.

Алиса посмотрела на небо. Оно было низкое, серое, но светлое. Снегопад кончился, но чувствовалось — ненадолго.

Она прошла по двору, слушая, как хрустит под ногами. Лева бежал следом, проваливался, отряхивал лапы, ругался на кошачьем, но не отставал. Потом не выдержал — подпрыгнул, плюхнулся в сугроб и замер, только глаза горели из белого плена.

— Дурак, — сказала Алиса, вытаскивая кота.

Кот отряхнулся, фыркнул и поскакал к избе — греться.

Алиса стояла посреди двора и смотрела на мир.

Все стало другим. Грязь, нищета, развалины — все это спряталось под снегом. Осталась только белая чистота и тишина. Такая густая, что звенело в ушах.

Она вдруг вспомнила свое детство. Первый снег в деревне у бабушки. Они с дедом шли в лес за дровами, и дед говорил: "Смотри, Алиска, снег землю укрыл, теперь ей тепло. До весны спать будет". Она тогда не понимала, как это — земля спит? А сейчас поняла.

К обеду людская ожила.

Длинное здание, где раньше ютилась прислуга, за недели привели в порядок насколько хватило сил: крышу залатали, окна забили, у дальней стены сложили временную печурку. Теперь здесь собирались те, кто прибил к Искре — Пахом с семьей, Флора с ребенком, еще несколько баб и двое бездомных мужиков.

Но сегодня случилось главное.

Спиридон принес заслонку. Тяжелую, чугунную, с узорами, которые выдумал сам и сам же отлил в своей кузне. Два переплетенных круга — знак Двуетного — смотрелись на темном металле древним оберегом.

— Для печи, — буркнул кузнец, пряча глаза, будто стеснялся своего мастерства. — Чтоб жар держала.

— Красиво, — коротко сказала Алиса, и это было правдой.

Заслонку вставили в ту самую печь — главную, которую столько дней складывали заново. Михай мазал глиной щели, Пахом подавал камни, Спиридон покрикивал, командуя, а Алиса стояла в стороне, не мешая. В этом деле она была бесполезна, и хватило ума не лезть.

К вечеру все закончили.

Алиса взяла лучину, поднесла к бересте, сложенной в печном зеве. Огонь побежал по сухой коре, лизнул щепки, разгораясь все жарче.

Печь загудела. Задышала. Зазвенела первым жаром, втягивая воздух, разгораясь, оживая.

— Есть! — гаркнул Пахом так, что, кажется, в лесу птицы шарахнулись. — Пошло тепло!

Все заулыбались. Даже Спиридон разжал губы в подобие улыбки, глядя на огонь.

Алиса смотрела на пламя и чувствовала, как внутри разливается что-то теплое, надежное. Печь есть. Тепло будет. Теперь не замерзнут.

Вечером в людской яблоку негде было упасть.

Пахом притащил бочонок браги — берег для такого случая не одну неделю. Флора напекла лепешек из последней муки, тонко раскатав, чтобы хватило на всех. Алиса сварила похлебку из оленины — густую, наваристую, с кореньями и душистыми травами, что дала Велена.

Люди ели молча. Но молчание это было сытым, теплым, благодарным. Где-то в углу всхлипнула баба — то ли от радости, то ли вспомнила что-то свое. Давно они так не ели. Давно не сидели в тепле, не чувствовали запаха настоящей еды, не слышали, как гудит печь, отдавая жар.

Потом Пахом достал дудку — простую, деревянную, самодельную — и заиграл нехитрую мелодию. Флора запела. Тихо, дребезжащим от возраста или от волнения голосом, но в этой тишине он звучал удивительно чисто. Песня была старая, тягучая — про снег, укрывающий землю, про мать, ждущую сына с охоты, про Двуетного, что смотрит с небес и видит все сразу.

Алиса сидела в углу, привалившись к теплой стене, Лева урчал на коленях. Она не понимала и половины слов — местный говор, старые обороты, — но понимала другое. То, что словами не передать.

Это был дом.

Не стены, не крыша над головой — свои люди. Та жизнь, которую они начинали строить вместе. Крошечный мирок посреди огромного, враждебного мира.

Она поймала взгляд Михая. Он сидел через две скамьи, глядел на нее поверх чужих голов, и на лице его была улыбка. Не навязчивая, не смущенная — просто теплая, спокойная, какая бывает у человека, когда он смотрит на своих.

Алиса кивнула ему. Он кивнул в ответ.

И этого было довольно.

Поздно ночью, когда все разошлись, Алиса вышла на крыльцо.

Снег лежал ровный, нетронутый. Луна светила — полная, яркая, заливала двор серебром. Звезды висели крупные, как лампочки, и, кажется, тоже светили.

И вдруг, на дальнем холме, за рекой, она заметила огонек.

Маленький, желтый, как звезда, упавшая на землю. Горел и мигал.

— Костер, — сказала она себе. — Пастухи. Или охотники. Или просто...

Она не договорила. Огонек не уходил. Он смотрел оттуда, с холма, на Каменный Лог.

Алиса поежилась. Вспомнила Влада, которого еще не видела, но о котором знала. Вспомнила Рутгера, который не простит унижения. Вспомнила Лютобора, который может объявиться в любой момент.

— Спокойно, — сказала она вслух. — Завтра будет завтра. А сегодня — первый снег.

Огонек на холме погас.

Или просто показалось.

Алиса постояла еще минуту, потом зашла в избу, задвинула засов, разделась и залезла под тулуп.

Лева тут же пристроился в ногах. Михай уже спал на своей лавке, дышал ровно и глубоко.

— Спокойной ночи, — шепнула Алиса неизвестно кому.

Печь гудела, дышала теплом. За окном лежал снег. Впервые за долгое время ей было по-настоящему хорошо.

Глава 11: Весть

Алиса доваривала похлебку, когда во двор влетел Пахом.

Не зашел, не пришел, а именно влетел — шапка набекрень, глаза круглые, борода трясется. Лева, дремавший на крыльце, подскочил, выгнул спину и зашипел на внезапное вторжение.

— Барыня! Там это... там!

— Чего «там»? — Алиса даже ложку не отложила. — Медведь пришел? Рутгер сдаваться? Лева научился говорить?

— Хуже! Там человек! Раненый! У леса ползает!

— Чего же он ползает, а не идет?

— Так нога прострелена! Сам сказал! Еле дополз!

Алиса бросила ложку, накинула тулуп, выскочила. Лева, забыв про обиду, припустил следом — мало ли, вдруг мыши, а вдруг что интересное.

У околицы уже собрался народ. Флора охала, прижимая руки к груди. Мужики кричали, переглядывались. Бабы шептались, крестились украдкой. В центре круга сидел человек — грязный, изможденный, в рваной одежде, которая когда-то была добротной. Одна нога заматана тряпками, сквозь тряпки проступала бурая кровь, уже подсохшая, но оттого не менее страшная.

— Кто таков? — Алиса пробилась сквозь толпу, присела на корточки.

Человек поднял голову. Молодой совсем, лет двадцать пять, не больше. Лицо бледное, измученное, глаз дергается — то ли от боли, то ли от страха. Руки трясутся.

— Из людей я... Рутгеровых, — прохрипел он, сглатывая. — Бежал. Он всех собирает... На вас идти хочет. А я... я не хочу. Там такое... такое...

Он закашлялся, выхаркивая что-то темное. Алиса мельком подумала: "Легкие задеты? Или просто кровь из прокушенной губы?"

— В избу его, — скомандовала она, вставая. — Михай, Спиридон, на руки! Флора, воду грей! Живо!

Мужики зашевелились. Спиридон, крикнув, подхватил раненого под мышки, Михай взял за ноги. Тот взвыл — ногу задела.

В избе Михая раненого уложили на лавку, подстелив тулуп. Алиса разрешила штанину, осмотрела рану. Сквозное, пуля или стрела прошла навылет, кость вроде целая, но грязи намешано — мама не горюй.

— Флора, воду носи горячую. Травы мои, в узелке, там пучок сушеный, весь принеси. Михай, самогон у тебя есть?

— Есть, — Михай достал с полки бутылку мутной жидкости. — Но я для компрессов берег.

— Сейчас и пойдет для компрессов. И для внутрь тоже. Сколько ему лет?

— Двадцать три, — прошептал раненый.

— Сам ответил, молодец. Значит, жить будешь. — Алиса плеснула самогона себе на руки, протерла, потом начала промывать рану. Парень заорал, дернулся, Спиридон навалился сверху, прижал к лавке.

— Тихо, тихо, — Алиса работала быстро, не обращая внимания на крики. — Это чистое, это не даст заражения. Потерпи, герой. Лучше рассказывай, чего там у Рутгера.

Парень скрипел зубами, но сквозь боль выдавливал:

— Собирает... людей. Вчера трое пришли из южных деревенок. Говорят, еще будут. Он вас... он вас боится. Не вас. Того, что вы... — он задохнулся от боли, когда она залила рану

травяным настоем. — ...что вы колдунья. И что мужики за вами пойдут. А если мужики пойдут — его землям конец. Все сбегут к вам.

Алиса хмыкнула. Лева, успевший запрыгнуть на печь, свесил голову и с интересом наблюдал за происходящим.

— А ты чего сбежал?

— А я... — парень замялся. — У меня тетка здесь, в соседней деревне. Она говорила, у вас кормят. И не бьют. А у Рутгера... он злой. Вчера мужика одного, который отказался идти, плетями засекли. При всех. Я и рванул, пока не поздно.

Алиса подняла голову, посмотрела на Флору. Та стояла в дверях с ведром воды, белая как мел.

— Племянник он мой, — Флора опустила глаза. — Сестрин сын. Я и не знала, что он у Рутгера. Думала, в городе работает.

— Ладно, — Алиса вернулась к ране. — Разберемся. Имя хоть скажи.

— Грилька, — прошептал парень.

— Слушай, Грилька. Я тебя вылечу. Но если ты врешь или подослан — я тебя сама пристрелю. Из рогатки. Понял?

Через час рана была замотана, Грилька напоен травяным отваром с добавкой того же самогона для обезболивания, и он отключился на лавке. Спиридон ушел в кузню, Флора — к себе, обещав прийти утром.

В избе остались Алиса, Михай, Лева на печи и спящий Грилька.

Алиса села к столу, налила себе воды. Руки дрожали — отходняк после напряжения.

— Что думаешь? — спросил Михай, садясь напротив.

— Думаю, что он не врет. Слишком испуган, чтобы врать. И рана настоящая.

— Не про то. Про Рутгера.

— А что про Рутгера? Собирает людей. Значит, скоро сунется. Не сегодня-завтра, но до зимы точно. Хочет взять нас, пока мы не окрепли. У него людей больше. Оружие есть. А у нас... бабы, дети, старики. Мужиков — по пальцам пересчитать. Если он придет с десятком-другим — нам конец.

— А если не придет?

— Придет. Такой, как он, не прощает унижений. Я его управляющего выставила как нашкодившего щенка. Он это не забудет.

Михай молчал. Потом встал, прошелся по избе.

— Значит, готовиться надо. К обороне. Частокол поправить, рогатки наставить, ямы выкопать. Если они с конями — лошади в ямы попадают. Если пешие — хоть задержатся. Хорошо хот часть крепостной стены сохранилась.

Алиса вздохнула. Лева на печи зевнул, сверкнув клыками.

— Ладно. Завтра соберем всех. Поговорим. А сегодня... сегодня спать. Завтра тяжелый день. И, кажется, очень длинный.

Глава 12: Гость

Утро началось с того, что Лева взбесился.

Алиса еще спала — досматривала какой-то смутный сон про тепло и покой, — когда кот, дремавший в ногах, вдруг вскочил как ужаленный, выгнул спину дугой, расставил лапы и зарычал так, что затряслись стены.

— Лева, ты чего? — Алиса села на кровати, спросонья ничего не соображая.

Кот не реагировал. Он смотрел на дверь, и шерсть на его загривке стояла дыбом. Из горла вырывалось такое рычание, будто там завелся маленький лев.

— Тихо, тихо, — Михай уже был на ногах, натягивал рубаху. — Чует кого-то. Коты просто так не бесятся.

Она быстро оделась, накинула тулуп, сунула ноги в сапоги. Лева все еще рычал, но уже не так громко — будто предупреждал: "Я сказал, а вы думайте".

— Кто там может быть? — спросила Алиса шепотом. — Рутгер бы с отрядом пришел, шуму было бы много. А тут — тихо.

Алиса открыла дверь и вышла на крыльцо.

Утро было морозное, ясное. Снег искрился так, что глаза резало. Двор был пуст. Только куры ковырялись в сугробе, да собака лениво гавкнула из конуры.

Но на краю двора, у самых ворот, стоял всадник.

Черный конь, черный плащ, черная шляпа с широкими полями. Человек сидел неподвижно, как статуя, и смотрел прямо на нее.

— Ох ты ж, — выдохнул Михай из-за спины.

Всадник тронул поводья и медленно поехал к крыльцу. Конь ступал осторожно, почти не проваливаясь в снег.

Лева выскочил следом, сел у ног Алисы и замер. Не шипел, не рычал — просто сидел и смотрел на приближающегося всадника немигающим взглядом. Охранял.

Всадник остановился в десяти шагах, легко спрыгнул с коня, бросил поводья — конь замер как вкопанный. И пошел к крыльцу.

Теперь Алиса могла его рассмотреть.

Высокий. Сухой, жилистый, без грамма лишнего веса. Черные волосы, коротко стриженные, с проседью на висках. Лицо — резкие черты, тонкий нос, плотно сжатые губы. Глаза серые, почти прозрачные, с тяжелым, немигающим взглядом. На груди — серебряный знак: две переплетенные полосы, символ Двуетиного, но в обрамлении пламени.

Инквизитор.

Он остановился в трех шагах, не доходя до крыльца. Снял шляпу, поклонился — сухо, официально, ровно настолько, чтоб не сочли за грубость.

— Баронесса фон Эйден? — Голос низкий, холодный, без эмоций.

— Допустим, — ответила Алиса, стараясь, чтоб голос звучал ровно. — А вы кто будете?

— Владислав фон Торн. Верховный Инквизитор Северных Провинций.

— Красиво звучит. — Алиса скрестила руки на груди. — И чего инквизитору нужно в моем захолустье?

Он чуть приподнял бровь — кажется, удивился тону.

— Поступил донос. О необычных явлениях в вашем поместье. О ведовстве.

Алиса усмехнулась.

— От Рутгера, надо полагать?

— Не мне разглашать имена доносителей.

— Да ладно, — махнула рукой Алиса. — Тут и гадать нечего. Сосед у меня заботливый, все интересуется, как у меня дела, не сдохла ли я, не колдую ли. А я все никак не сдохну и не колдую. Обидно ему, видать.

В глазах инквизитора мелькнуло что-то похожее на интерес. Он оглядел двор — развалины, покосившийся забор, тощих кур, потом перевел взгляд на Алису. На ее тулуп (михаев, бараний, с чужого плеча), на растрепанные волосы, на грязные сапоги.

— Вы не похожи на баронессу, — сказал он спокойно.

— А вы не похожи на инквизитора, — парировала Алиса. — Я думала, вы в красных мантиях ходите, с факелами, с книжками страшными. А вы... обычный.

Он чуть заметно усмехнулся. Первая эмоция за все время.

— Мантии для церемоний. В дороге — плащ.

— Понимаю. Практичность превыше всего. — Алиса шагнула с крыльца, поравнялась с ним. — Ну что, господин инквизитор, будете осматривать владения? Или сразу на костер поведете?

— Осмотрю, — спокойно ответил он. — Если позволите.

— Позволю. Только учтите: у меня люди работают, скотина, дети. Пугать их не надо. И вопросы задавать — вежливо.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

— Вы не боитесь, баронесса.

— А чего мне бояться? Я не колдунья. Я просто выживаю.

— Выживают многие. Не все получают доносы.

— Значит, мне повезло с соседом.

Он не ответил. Прошел мимо нее к избе, заглянул внутрь. Алиса пошла следом, краем глаза заметив, что Михай остался у крыльца, сжимая топор. Лева, как тень, скользнул за ними.

В избе инквизитор осмотрелся. Все было просто: стол, лавка, печь, кровать, полки с травами. Никаких следов колдовства.

— Покажите кухню. И печь новую, про которую весь Северный Удел говорит. — Люди говорят, — пожал плечами он. — Что баронесса поставила печь за неделю, накормила всех, и мужики теперь за нее горой.

— Людям заняться нечем, — Алиса вышла из избы, повела его к людской. — Печь как печь. Глина, камни, руки умелые. Спиридон — кузнец — заслонку делал. А кормлю — потому что голодные. Это не магия, господин инквизитор. Это работа.

В людской он осмотрел печь — новую, жаркую, уже дышащую теплом. Потрогал камни, заглянул внутрь. Потом подошел к столам, где Флора с бабами чистили овощи.

— Можно? — спросил он, протягивая руку к ножу.

Флора замерла, побледнела, но нож отдала.

Инквизитор повертел его в руках, провел пальцем по лезвию.

— Острый, — заметил он.

Он вернул нож Флоре, кивнул бабам (те чуть не попадали в обморок) и вышел.

Алиса шла следом и чувствовала, как между лопаток сверлит взгляд. Лева бежал рядом, то и дело оглядываясь на черного человека.

Во дворе инквизитор остановился.

— Я не нашел ничего, что указывало бы на ведовство, баронесса, — сказал он спокойно. — Ваша печь — это глина и камни. Ваша еда — это руки и травы. Ваши люди — просто люди, которых вы кормите.

— Рада, что вы это поняли, — сухо ответила Алиса.

— Но я вернусь, — сказал он, глядя прямо в глаза. — Рутгер не успокоится. Будут новые доносы. И мне придется проверять снова. Если найду хоть что-то...

— Не найдете, — перебила Алиса. — Потому что нечего находить.

— Хорошо, если так, — кивнул он. — Прощайте, баронесса.

Он пошел к коню, легко вскочил в седло. Уже развернув коня, обернулся:

— Кот у вас красивый. Редкий. Белогрудые — к удаче считается.

— Ага, — буркнула Алиса. — Особенно когда ночью на голову падает.

Инквизитор усмехнулся — второй раз за день — и тронул коня.

Он уехал так же тихо, как появился. Только снег вился за копытами.

Алиса стояла посреди двора и смотрела вслед. Лева терся о ноги, успокаивал.

— Ну что, Лева, — сказала она тихо. — Гость уехал. Теперь будем ждать, когда вернется.

Из-за спины вышел Михай. Встал рядом.

— Умный, — сказал он. — Опасный.

Алиса продолжала смотреть на дорогу, где таял след копыт — тонкая лента прошлого, исчезающая за поворотом. Она знала одно: дорога к рассвету начинается там, где заканчивается обманчивое спокойствие. И шаг ее был не просто движением, а обещанием — встретить то, что ждет дальше, на горизонте чужой земли.

Глава 13: После гостя

Весь день в Каменном Логу было беспокойно.

Люди ходили притихшие, переглядывались, шептались. Флора трижды перекрестилась на печь — двумя перстами, быстро, чтоб никто не видел. Пахом, обычно горланивший на всю округу, сегодня только крякал и качал головой. Даже куры, и те неслись как-то нервно, будто чувствовали: пришла беда, откуда не ждали.

Алиса сидела на крыльце, чистила картошку — последнюю, самую мелкую, которую приберегли на самый край. Лева дремал на коленях, но ухо держал востро — то и дело поворачивал башку в сторону дороги, прислушивался, нюхал воздух.

— Хватит, — сказала ему Алиса. — Уехал твой инквизитор. Не вернется сегодня.

Кот покосился на нее с выражением "ты ничего не понимаешь в инквизиторах" и снова уткнулся носом в хвост.

Михай подошел, сел рядом на ступеньку. Молчал долго, потом спросил:

— Думаете, вернется?

— Сказал же — вернется. Такие всегда возвращаются.

— Почему?

— Потому что не нашел, что искал. А искать будет. Такая работа.

Михай кивнул, поковырял носком сапога снег.

— Он на вас смотрел, — повторил он то, что уже говорил утром. — Не как на колдунью.

— А как?

— Как на... — он запнулся, подбирая слово. — Как на загадку. Которую разгадать хочет.

Вы для него — задача. Но вы... вы не такая, как все. Он это видит. И другие видят. Я вижу. — Михай говорил, не глядя на нее, в землю. — И если он начнет копать...

Алиса хмыкнула.

— Пусть копает, — отрезала Алиса. — Я Искра фон Эйден. Вдова. Живу в развалинах. Кормлю людей. Чиню печь. Что тут подозрительного?

Михай поднял глаза, посмотрел на нее долгим взглядом.

— То, как вы это делаете, — сказал он тихо. — Словно не учились, а всегда знали. Словно не здесь родились. Словно...

— Словно бабка у меня была хорошая, — перебила Алиса жестко. — И все. Других версий нет. Ясно?

— Ясно, — кивнул Михай и встал. — Пойду дрова колоть. Запас нужен.

Он ушел, а Алиса осталась сидеть на крыльце, глядя на закат.

Лева вздохнул во сне.

— Знаю, — сказала она ему. — Он тоже заметил. И тот заметил. Все замечают. А я ничего не могу с этим сделать.

Кот только шевельнул ухом.

К вечеру пришел Спиридон.

Он был трезв, хмур и принес две новые заслонки — поменьше, для печурок в людской.

— Даром, — буркнул он, когда Алиса спросила, сколько должна. — Не надо мне ничего. Вы людей кормите, я работу делаю. Так и сочтемся.

Алиса приняла заслонки, повертела в руках. Работа была тонкая, узорчатая — опять два круга, переплетенные воедино.

— Ты все знак свой ставишь? — спросила она.

— Не мой, — Спиридон нахмурился. — Древний это знак. Еще до Двуетного был. Равновесие значит. Свет и Тьма, огонь и вода, жизнь и смерть. Все вместе. Кто этот знак ставит, тот... ну, равновесие блюдет.

— А ты блюдешь?

— Пытаюсь, — буркнул Спиридон и ушел, не прощаясь.

Алиса смотрела на знак и думала. Равновесие. Велена говорила про равновесие. Что она, Искра, здесь, чтобы его вернуть. Что это значит? И при чем тут она, шеф-повар из Москвы, которая хотела только выжить и отомстить за чужого ребенка?

Лева ткнулся носом в руку — мол, не парься, пойдем лучше спать.

— Пойдем, — вздохнула Алиса.

Ночью ей снова снился сон.

Только на этот раз он пришел не как чужое воспоминание, не как страшный фильм, в котором она была зрителем, — а как что-то иное. Более глубокое. Более древнее. Сон дышал.

Алиса стояла на поляне, и трава под ногами была мягкой, как шерсть, и светилась изнутри бледным, лунным светом. Вокруг, огромные, выше человеческого роста, поднимались камни — не те грубые валуны, что лежали за башиной, а настоящие менгиры, тесаные, покрытые узорами, которые, казалось, двигались, если смотреть краем глаза. Мох свисал с них седыми космами, и в этом мхе мерцали крошечные огоньки — светлячки, или что-то похожее, только холодное, неживое.

В центре поляны горел костер.

Но пламя в нем было странным — синеватым, почти прозрачным, с редкими вкраплениями белого. Оно не грело. Алиса протянула руку — и не почувствовала тепла. Только легкое покалывание, будто воздух вокруг был наэлектризован. Огонь жил своей, отдельной жизнью: он не пожирал дрова, сложенные внизу, а струился над ними, танцевал, не касаясь, и от этого танца веяло древностью, той, от которой замирает сердце.

По краям поляны, у двух самых высоких камней, стояли фигуры.

Одна — в белом, до того белом, что глаза слепило. Другая — в черном, таком густом, что, казалось, сама тьма сгустилась и приняла человеческий облик. Лиц не было видно — только силуэты, только присутствие. Они не двигались, но Алиса чувствовала их взгляды — тяжелые, пронизывающие, видящие насквозь.

— Ты пришла, — сказал белый. Голос его звучал отовсюду и ниоткуда — он был в шелесте листвы, в треске синего огня, в дыхании ветра.

— Мы ждали, — отозвался черный, и голос его был глубок, как колодец, и холоден, как зимняя ночь.

Алиса хотела спросить, кто они, но язык будто прилип к небу. Вместо этого вопрос прозвучал внутри, эхом отдался в висках.

— Кто вы?

— Мы — то, что было до, — ответил белый, и в его голосе послышался шум дождя, падающего на камни тысячи лет назад.

— Мы — то, что будет после, — ответил черный, и в его голосе завывала вьюга, что заметет эти камни, когда людей не станет.

— Мы — равновесие, — сказали они вместе, и от этого слияния голосов воздух вокруг задрожал, пошел рябью, будто время и пространство качнулись, пропуская через себя что-то огромное, невыразимое словами.

Алиса стояла, вцепившись взглядом в две фигуры, и чувствовала, как внутри нее что-то меняется. Словно старые стены рушатся, открывая проходы туда, куда она боялась заглядывать.

И тогда она увидела третью.

Между ними, в самом центре, там, куда падал синий свет костра, стояла маленькая, сгорбленная фигура. Темный платок, узловатые руки, спина, согнутая годами. Старуха медленно повернулась — и Алиса узнала Велену.

Но это была не та Велена, что сидела в своей избушке и пряла кудель. Эта Велена светила. Тонкое, едва уловимое сияние шло от нее — не белое и не черное, а какое-то промежуточное, сумеречное, цветом похожее на предзвездное небо. Глаза ее были открыты, и в них плясали отблески синего пламени.

— Ты знаешь, что делать, — сказала Велена.

Голос ее звучал не как обычно — дребезжащий, старческий. Он был молодым, сильным, наполненным той силой, что течет в жилах земли, что поднимается соками по стволам деревьев, что заставляет траву пробивать асфальт.

— Ты всегда знала. Просто вспомни.

Алиса хотела спросить — что вспомнить? Как? Когда? — но вместо слов из горла вырвался только хриплый вздох. Она шагнула вперед, к старухе, к двум фигурам, к синему огню, и вдруг почувствовала, как земля под ногами перестала быть твердой.

Она проваливалась.

Медленно, плавно, как в воду, как в сон внутри сна. Камни уходили вверх, фигуры таяли, синий огонь разгорался ярче, заливая все вокруг своим нереальным светом, и последнее, что она увидела перед тем, как проснуться, — глаза Велены. Черные, глубокие, они смотрели прямо в душу и улыбались.

— Вспомни, — шепнул ветер.

— Вспомни, — отозвались камни.

— Вспомни, — пропел синий огонь.

Алиса открыла глаза.

Было темно. Лева сопел где-то в ногах, свернувшись пушистым клубком. За окном, затянутым бычьим пузырем, едва брезжил рассвет — серый, зябкий, обыкновенный.

Никакого синего огня. Никаких камней. Никаких жрецов в белом и черном.

Но внутри, в самой глубине, что-то изменилось. Что-то сдвинулось, открылось, задышало.

Алиса села на постели, прижала руки к груди и попыталась понять — что это было? Сон? Видение? Разговор с богами, в которые она не верила?

— Ты знаешь, что делать, — прошептала она в темноту слова Велены. — Ты всегда знала. Просто вспомни.

Лева заворочался, недовольный, что его потревожили, и ткнулся носом ей в ногу — мол, спи, хозяйка, утро вечера мудренее.

Алиса погладила кота и легла обратно. Закрыла глаза.

— Дурацкий сон, — шепнула Алиса коту.

Кот согласно моргнул.

Она лежала, смотрела в потолок и думала. Велена. Равновесие. Знак Спиридона. Инквизитор, который смотрит слишком внимательно. Рутгер, который готовит нападение. И где-то там, в столице, Лютобор, брат мужа, который может объявиться в любой момент.

Слишком много всего для одной бывшей поварихи.

— Я справлюсь, — сказала она в темноту. — Я всегда справлялась.

Лева вздохнул, свернулся клубком и засопел.

Утро наступило слишком быстро. Ее разбудил запах.

Не просто запах — наждак, долбивший в нос с такой силой, что глаза открылись сами собой. Алиса села, принялась. Что-то горелое, кислое и одновременно приторное.

Лева на печи закашлялся.

— Михай? — позвала она.

Тишина.

Алиса натянула тулуп, выскочила на крыльцо и замерла.

У людской стоял столб черного дыма. Не пожар — дым валил из трубы густо, как из паровоза, но без огня. Вокруг суетились бабы, махали руками, Пахом орал на кого-то, Спиридон с топором бежал к проруби.

— Что случилось?! — Алиса рванула к людской, проваливаясь в снег.

Флора выскочила навстречу, красная, злая, с закопченным лицом.

— Печь! — заорала она. — Заслонку заклинило! Дым назад пошел, все чернее ночи внутри, люди выскакивали кто в чем! А Михай внутри! — Флора махнула рукой. — Он первый забежал, говорит, заслонку поправить, а там дыму — хоть глаз выколи! Спиридон за ним, да тоже не видит ничего!

Алиса рванула дверь.

В лицо ударила стена черного, едкого дыма. Глаза зашипало мгновенно, дыхание перехватило. Она закашлялась, отшатнулась, но в следующую секунду нырнула внутрь, пригнувшись как можно ниже.

Михай стоял на коленях, пытаясь рукой нащупать проклятую заслонку. Лицо у него было черное, глаза красные, он хрипел и кашлял, но не уходил.

— Твою мать! — заорала Алиса, вцепилась ему в ворот и рванула назад изо всех сил.

Он не сопротивлялся — сил не было. Они вместе вывалились из двери, рухнули в снег, закашлялись, задышали, хватая ртом морозный воздух.

Вокруг суетились люди, Флора плескала водой, Пахом разгонял дым.

— Заслонка, — прохрипел Михай, глядя в небо. — Я почти...

— Дурак! — Алиса села в снегу, вытирая слезы, текущие от дыма. — Ты бы там сдох! Из-за железяки!

— Не из-за железяки, — он попытался сесть, закашлялся. — Из-за печи. Вы ее... вы столько сил... я не мог дать ей сгореть.

Алиса замерла.

Смотрела на него — черного, прокопченного, с красными глазами, с обожженными бровями, с руками в саже. Смотрела и не знала, что сказать.

Подожел Спиридон, тяжело дыша. Протянул руку, помог Михаилу встать. Тот покачнулся, но устоял.

— Заслонку я вынул, — сказал Спиридон. — Пока вы тут в снегу валялись. Цела. Чистить только надо. Печь целая. Дым весь вышел, сейчас проветрим — топить можно.

Алиса выдохнула.

Люди вокруг зашевелились, заговорили громче. Флора уже тащила ведра с водой, Пахом раздавал указания, бабы выносили угоревшие тряпки.

— Барыня, — сказал Михай тихо, чтоб никто не слышал. — Спасибо. Что вытащили.

— Еще раз так сделаешь — убью сама, — пообещала Алиса. — Чтоб не мучился.

Он улыбнулся. Сквозь копот, сквозь усталость, сквозь все — улыбнулся.

Алиса отвернулась и пошла к людской — смотреть, что там с печью.

Лева сидел на сугробе и вылизывал лапу. На происходящее он смотрел с выражением глубокого философского спокойствия: люди суется, дымят, бегают, а кот умный — сидит в сторонке и ждет, когда его покормят.

Утро следующего дня выдалось морозное, но ясное.

Алиса проснулась от того, что Лева топтался по груди и требовательно мяукал прямо в ухо. Кот усвоил: хозяйка вставала только тогда, когда становилось совсем невмоготу, но сегодня было особенно холодно, и пушистый организм требовал завтрака.

— Отстань, — прохрипела Алиса, отпихивая нахала.

Лева оскорбился, прыгнул и ушел к печи — греться и ждать, когда эти двуногие соизволят заняться делом.

Михай уже не спал. Сидел на лавке, натягивал сапоги.

— За дровами сегодня, — сказал он без предисловий. — В лесу сушняк есть. Если не привезем сейчас — потом снегом завалит, не продерешься.

— Кто пойдет?

— Я, Спиридон, Пахом, еще трое. И вы.

— Я? — Алиса удивилась. — Я дрова таскать?

— Смотреть. Если что — командовать. — Михай глянул на нее исподлобья. — Вы баба умная, в лесу не заплутаете. А нам глаз нужен. Ну. Чтоб если что — за подмогой бежать. Или раны перевязывать.

Алиса хмыкнула. Перевязывать она умела. Спасибо ресторанной жизни — порезы, ожоги, однажды повар пальцы отрубил, пришлось скорую вызывать и первую помощь оказывать.

Через час отряд вышел из Каменного Лога.

Шестеро мужиков с топорами, пилами и веревками, две лошади, запряженные в сани, и Алиса в михаевом тулупе поверх всего, что у нее было. Лева увязался следом, нагло бежал впереди, то и дело оглядываясь — не отстают ли эти люди.

В лесу было тихо. Снег лежал на ветках пушистыми шапками, где-то стучал дятел, пахло хвоей и морозной свежестью. Алиса глубоко вдыхала этот запах и думала, что, будь она здесь по доброй воле, а не по нужде, это было бы почти красиво.

— Стойте, — вдруг сказал Михай, поднимая руку.

Все замерли.

Лева, бежавший впереди, остановился как вкопанный. Шерсть на его загривке встала дыбом, из горла вырвалось тихое рычание.

— Там, — шепнул Спиридон, кивая в сторону оврага.

Алиса присмотрелась. Сначала ничего не увидела — только снег, деревья, тени. Потом заметила движение. За кустами, метрах в пятидесяти, мелькнуло что-то темное. Человек? Не один.

— Засада, — выдохнул Пахом. — Рутгеровы.

— Тихо, — приказал Михай. — Сколько их?

— Пятеро, — сказал Спиридон, щурясь. — Может, шестеро. За оврагом, у выворотня.

— Тихо, — Михай сверкнул глазами. — Барыня, отойдите за деревья. И сидите там. Если что — бегом в деревню, людей зовите.

Алиса хотела возразить, но поняла — бесполезно. Здесь она не главная. Здесь главные те, кто умеет держать топор не только для рубки дров.

Она отошла за толстую сосну, прижалась спиной к коре. Лева прибежал следом, прижался к ногам, замер.

И началось.

Свист стрелы — одна, вторая. Крик — чей-то, не наш. Топот ног по снегу, лязг металла, мат — густой, сочный, от души.

Алиса выглянула из-за дерева и увидела, как мужики сцепились с теми, из оврага. Все смешалось: топоры, дубины, снег, кровь на белом.

Михай дрался как бешеный. Топор в руках мелькал, описывая дуги, и двое уже валялись у его ног. Спиридон стоял насмерть, прикрывая Пахома, который зачем-то полез в самую гущу.

А потом все кончилось так же быстро, как началось.

Последний из нападавших побежал. Спиридон выстрелил ему вслед, но стрела ушла в молоко — мешали ветки.

Тишина.

Только тяжелое дыхание мужиков и чей-то стон.

Алиса выскочила из-за дерева, подбежала.

— Кто ранен? — крикнула она.

— Пахом, — выдохнул Михай. — И я. Царапина.

Пахом сидел в снегу, зажимая бок рукой. Между пальцев сочилась кровь — темная, густая.

Рана была длинная, но неглубокая — скользящий удар, хорошо хоть не в живот.

Она промыла рану, замотала, затянула узлом. Пахом скрипел зубами, но терпел.

— Жить будешь, — сказала Алиса, вставая. — Михай, иди сюда, твоя очередь.

Михай подошел. У него был порезан предплечье — тоже не смертельно, но кровь текла.

Пока она перевязывала Михая, мужики собирали трофеи. Убитых оказалось трое — двое от топора Михая, один от стрелы Спиридона. Остальные ушли.

— Что с ними делать? — спросил кто-то, кивая на трупы.

— В овраг, — коротко бросил Михай. — Снегом присыпать. Весной звери растащат.

Алиса смотрела на мертвых людей и чувствовала странную пустоту внутри. Впервые в жизни она видела смерть так близко. Не на экране, не в новостях — вот здесь, в снегу, с открытыми глазами.

Алиса посмотрела на деревья вокруг. На валежник, на сухие ветки.

— Дрова, — сказала она. — Быстро собираем что можем и уходим. Пока эти не вернулись с подмогой.

Мужики зашевелились. Работа закипела — топоры застучали, веревки завязались, сани наполнились хворостом.

Через час они вышли из леса.

Алиса шла последней, придерживая Пахома, который бледнел на глазах. Лева бежал рядом, злой, настороженный, то и дело оглядываясь.

У околицы их встретили бабы. Флора увидела Пахома, завывала, бросилась к нему.

— Живой, живой, — бормотала Алиса. — Перевяжу, отлежится, все будет хорошо.

Она велела тащить Пахома в людскую, развела огонь, вскипятила воду, достала травы Велены. Руки делали свое дело, а в голове крутилось одно: это только начало. Рутгер не успокоится. Сегодня была разведка боем, завтра будет настоящее.

Она перевязала Михая, промыла раны остальным — у кого синяки, у кого ссадины.

К вечеру все было кончено. Пахом спал, напоенный отваром. Мужики сидели у печи, молчаливые, злые.

Алиса вышла на крыльцо. Лева тут же прибежал, запрыгнул на колени, заурчал.

— Ну что, Лева, — сказала она, глядя на звезды. — Первая кровь. Теперь уже не отсидимся.

Кот мурлыкал и грел.

Где-то на холме мигал огонек.

Глава 14: Раненый

Ночью Пахому стало хуже.

Алиса проснулась оттого, что Лева, спавший в ногах, вдруг вскинул голову и наострил уши. Кот смотрел в сторону людской и тихо рычал — не зло, а тревожно.

— Что там? — спросила Алиса, садясь.

Лева спрыгнул с кровати, подбежал к двери, оглянулся — мол, вставай, дело плохо.

Алиса натянула тулуп, выскочила на улицу. Мороз обжег лицо, но она не обратила внимания. В людской горел свет — значит, кто-то не спит.

Она вбежала внутрь и сразу поняла: Флора стояла на коленях у лавки, где лежал Пахом, и тихо выла. Свеча дрожала в ее руках, бросала тени на стены.

— Что? — Алиса подскочила к лавке.

Пахом метался. Лицо красное, потное, глаза закатились, губы шевелились беззвучно. Рана на боку распухла, почернела по краям, из-под повязки сочилась желтая жижа.

— Зараза пошла, — выдохнула Флора. — Бабы говорят — бесы в рану вселились. Помрет он, барыня, помрет.

Она присела рядом, потрогала лоб Пахома — горячий, как печка. Пульс частый, слабый. Заражение крови. Без антибиотиков — верная смерть.

Но антибиотиков здесь не было.

— Флора, — сказала Алиса, заставляя голос звучать ровно. — Воды горячей. Много. И нож дай. Самый острый. Резать буду. Гной выпускать. Живо!

Флора выбежала. Алиса осталась одна с мечущимся Пахомом.

— Только не умирай, — шепнула она ему. — Слышишь, старый? Ты мне нужен. Ты людей держишь, ты авторитет. Без тебя мужики разбегутся. Держись.

Пахом не отвечал. Он только мычал и метался, и пот катился с него градом.

Флора принесла нож и кипяток. Алиса сунула лезвие в огонь, прокалила до красна, остудила в кипятке.

— Держите крепче, — сказала она.

И резанула.

Пахом заорал так, что, наверное, в лесу проснулись волки. Михай навалился всем телом, сдерживая его. Алиса надавила на рану, и оттуда хлынуло — густое, зеленое, вонючее.

— Тряпку давай, — скомандовала она Флоре. — Чистую.

Флора подала. Алиса промокнула рану, надавила снова. Гной все тек и тек, но уже светлее, с кровью.

Она промывала, давила, чистила, пока рана не стала чистой. Пахом орал, выл, ругался матом, но потом затих — то ли сознание потерял, то ли легче стало.

— Травы, — выдохнула Алиса. — Флора, те травы, что Велена давала. Желтенькие, сушеные. Их в порошок истолочь и на рану.

Флора заметалась. Через минуту порошок был готов. Алиса щедро засыпала им рану, наложила чистую повязку, замотала.

— Все, — сказала она, вставая. — Теперь либо выживет, либо нет. Я сделала что могла.

Флора смотрела на нее с ужасом и надеждой одновременно.

— Барыня... вы это... вы как знахарка.

— Я никто, — отрезала Алиса. — Просто не люблю, когда люди мрут. Сиди с ним, пои водой, если очнется. Если снова жар пойдет — буди меня.

Она вышла из людской и тут же упала в сугроб. Руки дрожали, колени подкашивались.

— Твою мать, — выдохнула она в небо. — Твою мать, твою мать...

Лева подбежал, ткнул носом в лицо, лизнул щеку.

— Все, Лева, все, — она обняла кота, прижала к себе. — Я справлюсь. Я все смогу. Из темноты вышел Михай. Протянул руку, помог встать.

— Идем в избу, — сказал он. — Замерзнешь.

Они пошли к избе. Алиса чувствовала, как ее трясет — то ли от холода, то ли от пережитого.

В избе Михай раздул печь, поставил чайник.

— Ты как узнала? — спросил Михай, не оборачиваясь. — Что резать надо? Что травы те?

— Бабка учила, — автоматически ответила Алиса.

Он поставил перед ней кружку с дымящимся отваром, сел напротив.

— Барыня, я молчу. И молчать буду. Но другие — спросят. Флора уже сегодня по деревне разнесет, как вы Пахом спасали. К утру все будут знать: барыня раны режет, гной выгоняет, травы знает. Кто-то скажет — знахарка. Кто-то — ведьма. А инквизитор ваш обещал вернуться.

Алиса замерла.

— Ты про что?

— Про то, что осторожней надо. Не при всех. Или легенду какую придумать, чтоб люди не болтали.

Алиса смотрела на него и вдруг поняла: этот мужик — не просто управляющий. Он умный. Очень умный. И он ее прикрывает.

Утром Пахом открыл глаза.

Флора, не спавшая всю ночь, кинулась к нему, запричитала. Пахом слабо улыбнулся и попросил есть.

Алиса зашла проведать, осмотрела рану — краснота спала, гноя не было. Жар отпустил.

— Живучий ты, — сказала она.

— А то, — прохрипел Пахом. — Меня бабка семерыми водами мыла, заговоренный я. Меня даже смерть не берет.

— Ну-ну, — усмехнулась Алиса. — Лежи пока. Через неделю встанешь.

Она вышла из людской и столкнулась с Феклой.

— Барыня, — Флора мялась, теребила подол. — Я это... я никому не скажу. Про то, как вы... про нож, про травы. Никому.

Алиса посмотрела на нее. В глазах Феклы читалась благодарность пополам со страхом.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Но если спросят — говори правду. Я знахарству училась. У бабки. В тех краях, откуда я родом, все бабы так умеют. Это не грех, — твердо сказала Алиса. — Это помощь людям. Двуетиный за то не накажет.

Флора кивнула, но в глазах осталось сомнение.

Алиса пошла к избе. Лева бежал следом, довольно урча — утро, солнце, скоро завтрак, жизнь налаживается.

У крыльца стоял Михай.

— Барыня, люди собираются. Говорят, Руттеровы вчера не просто так напали. У них в деревне, говорят, люди видели отряд. Человек двадцать. Готовятся. Идти к нам будут. Может, завтра, может, через неделю. Но будут.

Она посмотрела на лес, на холмы, на серое небо.

— Готовиться надо.

— Надо, — кивнул Михай. — Только с чем? У нас мужиков — семеро, из них один раненый. Топоры, вилы, два лука. А у них — мечи, арбалеты, опытные воины.

— И что предлагаешь? Сдаться?

Михай усмехнулся.

— Я предлагаю думать. Вы баба умная — придумайте что-нибудь. А я пока людей соберу, пусть частокол проверят, ямы покопают.

Он ушел. Алиса осталась стоять на крыльце, глядя на горизонт.

Лева терся о ноги.

— Что придумать? — спросила она у кота. — Против двадцати вооруженных мужиков? Я повар, Лева. Я умею котлеты жарить, а не воевать.

Кот посмотрел на нее с выражением "ты умная, придумаешь" и потрусил в избу — греться.

Алиса вздохнула и пошла за ним.

Думать.

Глава 15: Ловушка

Три дня Каменный Лог готовился к войне.

Алиса почти не спала. Она металась между людской, кузней и частоколом, отдавала распоряжения, считала припасы, прикидывала варианты. Мужики копали ямы за околицей, маскировали их ветками и снегом. Спиридон разогрел горн до белого каления и ковал наконечники для стрел — одержимо, зло, без передышки.

— Сорок штук, — сказал он утром третьего дня, вываливая перед Алисой грудку острых железок. — Еще два десятка сделаю к вечеру.

— А луки? — спросила Алиса. — Луки у кого?

— У меня, — отозвался Михай, подходя. — И у Спиридона. Еще у Пахома, но он пока лежит. И у троих мужиков, которые раньше охотились.

— Пять луков на двадцать человек? — Алиса покачала головой. — Маловато.

— А больше нет, — пожал плечами Михай. — Зато ямы есть. И колья. В ямах. Заостренные. Если кто упадет — нанижется.

Алиса представила эту картину и поморщилась. Но спорить не стала. Война — не ресторан, меню не выбирают.

— Что еще? — спросила она.

— Людей собрать. Всех, кто может держать оружие. Баб тоже. Пусть камни собирают и кипяток греют. Ежели начнут лезть на стены — сверху лить. Варом хорошо помогает.

Алиса посмотрела на него с уважением. Не ожидала, что управляющий разбирается в обороне.

— Ты где такому научился?

— В войске служил, — коротко ответил Михай. — Пока ногу не пробили.

Он отвернулся и пошел проверять частокол. Алиса смотрела ему вслед и думала, что за этим мужиком — как за каменной стеной. Хромой, молчаливый, но надежный.

На четвертый день пришел Грилька.

Племянник Феклы, тот самый раненый парень, что сбежал от Рутгера, уже почти оправился и таскал дрова не хуже других. Но в этот раз он прибежал не с дровами — с известием.

— Идут! — выдохнул он, влетая во двор. — Я в лес ходил, силки проверить, и видел — идут! Отряд, человек пятнадцать, может, больше! Верхами, по замерзшему руслу! У нас времени час, может, два. Они осторожно едут, разведку выслали.

— Михай! — заорала Алиса не своим голосом. — Людей собирай! Все к частоколу! Флора — баб к печам, воду греть, камни таскать! Живо!

Завертелось.

Мужики хватали луки, топоры, вилы. Бабы волокли ведра с водой, разжигали костры под котлами. Спиридон вышел с двумя арбалетами — где взял, одному богу известно — и встал у ворот.

— Встречать буду. Я до того, как кузнецом стать, десять лет в дружине отслужил, — спокойно ответил Спиридон. — А после того, как баба моя померла, мне и терять нечего. Так что не мешай.

Михай подошел, протянул ей нож. Короткий, широкий, с костяной рукояткой.

— Держите. Если что — хоть зарежете кого. Ткните острием куда попало — главное, чтоб не в себя.

Алиса стояла посреди двора, сжимая нож, и чувствовала, как внутри все холодеет.

Лева сидел у ее ног и смотрел на нее.

Они появились через час.

Сначала — облачко над снегом, потом — темная лента, ползущая по замерзшей реке. Потом уже можно было разглядеть всадников — пятнадцать, восемнадцать, двадцать. Впереди — здоровенный детина на гнедом коне, с топором в руке.

Рутгеров авангард.

— Не стрелять без команды! — крикнул Михай. — Пусть подойдут ближе!

Алиса стояла у частокола, вжавшись в доски, и смотрела в щель. Сердце колотилось где-то в горле.

Всадники подъехали к околице. Остановились. Детина на гнедом что-то крикнул — Алиса не разобрала слов, но тон был ясный: сдавайтесь, дурачье.

— Чего он хочет? — спросила она у Спиридона.

— Чтоб открыли ворота и выдали бабу, которая колдует. Тогда, говорит, остальных не тронут.

— Чего делать будем?

— Ждать, пока на ямы наедут.

Алиса выглянула. Всадники стояли перед околицей, не решаясь въезжать. Видимо, заметили, что снег лежит как-то странно.

— Давай, — шепнула она. — Давай, въезжай.

Детина на гнедом махнул рукой, и трое всадников двинулись вперед.

Первый провалился сразу.

Конь заржал, рухнул в яму, насаживаясь на колья. Всадник взлетел в воздух и приземлился в снег, ломая шею.

Второй успел осадить коня, но третий влетел в него сзади, и оба рухнули в ту же яму.

Детина заревел, как раненый медведь, и махнул рукой — остальные спешили и пошли пешком, шупая снег копытами.

— Лучники, готовсь! — крикнул Михай.

Пять луков натянулись. Спиридон поднял арбалет. Стрелы запели. Двое упали сразу, третий закричал, схватившись за ногу.

Алиса смотрела и не верила глазам. Они держались. Эти мужики с вилами и топорами держались против обученных воинов.

Но те быстро сообразили. Укрылись за деревьями, начали отвечать из луков. Стрелы застучали по частоколу, одна впилась в доску в двух пальцах от лица Алисы.

— Бабы, кипяток готов? — крикнула она.

Бабы выбежали с ведрами. Алиса открыла калитку, и кипяток полетел во врагов. Визг, мат, дым над снегом.

Но те не отступали. Подобрались ближе, начали рубить частокол топорами.

— Спиридон! — заорала Алиса. — По тем, кто у ворот!

Спиридон разрядил арбалет, перезарядил, снова выстрелил. Один из рубящих упал.

— Михай! Слева заходят! — крикнул кто-то.

Алиса обернулась. С левой стороны, где частокол был ниже, уже лезли трое. Мужики бросились туда, завязалась рукопашная.

— Держись! — заорал Михай, бросаясь на помощь.

Алиса осталась одна у главных ворот. И увидела, как детинушка с топором, тот самый, что командовал, отшвырнул подручных и сам рванул к калитке.

Он был огромный. Два метра ростом, с бычьей шеей и топором, который весил, наверное, полпуда. Он ударил плечом в ворота — те затрещали.

Алиса пятилась, сжимая нож.

— Ведьма! — заорал детинушка, заметив ее. — Выходи, я тебя сам прикончу!

Он рванул калитку, и она поддалась — щеколда слетела от удара.

Алиса стояла перед ним, с ножом в руке, и понимала, что сейчас умрет.
И тут что-то серое метнулось из-за ее спины.

Лева.

Кот прыгнул детинушке прямо в лицо, вцепился когтями в глаза, зашипел, заорал диким голосом.

Детина взревел, выронил топор, схватился за морду. Кот висел на нем, как бешеный, драл кожу, лез в глаза.

А дальше все случилось само.

Она шагнула вперед и ткнула ножом. Туда, где шея переходит в плечо. Ткнула что было сил, как учил Михай — не думая, не целясь, просто чтоб убить.

Нож вошел легко. Слишком легко.

Детина захрипел, схватился за шею, кровь хлынула меж пальцев. Он осел на снег, увлекая за собой кота. Лева вывернулся, отскочил, зашипел на умирающего.

Алиса стояла, глядя на свои руки. В руках — нож. Нож красный. Кровь капает на снег.

Михай подбежал, схватил ее за плечи, встряхнул.

— Барыня, вы как? Целы?

— Я убила его, — сказала Алиса. — Я... я человека убила.

— Война, — коротко сказал Михай. — Он бы вас убил. Спасибо коту.

Он оглянулся на бой. Враги отступали. Увидев, что их главарь мертв, они побежали к лошадям, хватали раненых, удирали назад, к реке.

— Уходят! — заорал Спиридон. — Не уходите, гады!

— Не стреляй! — крикнул Михай. — Пусть уходят. Своих хоронить будем. А коней, что в яме на кольях — освежевать и на мясо, шкуры.

Алиса опустила на колени прямо в снег. Лева подбежал, ткнулся мордой в лицо, заурчал. Весь в крови, чужой крови, но живой.

— Умница моя, — прошептала Алиса, прижимая кота к себе. — Умница, спаситель...

Подходили люди. Флора выла над кем-то — кажется, убило одного из мужиков. Спиридон перевязывал раненого Пахома (тот, дурак, вылез из людской и ввязался в драку). Бабы тащили воду, тряпки, смотрели на Алису с ужасом и восхищением.

— Ведьма, — прошептал кто-то.

— Сама ведьма, — огрызнулась Флора. — Она нас спасла, понял? И кот ее — бес, что ли? Спасибо скажи.

Алиса не слушала. Она сидела в снегу, обнимала кота и смотрела, как тает кровавый след на белом.

Первый убитый. Первая кровь своими руками.

Война только начиналась.

Глава 16: После боя

Ну надо же убивать оказалось проще, чем чистить картошку.

Алиса поняла это утром, когда проснулась и первым делом взглянула на приступок у кровати — проверить, на месте ли нож. Нож был на месте. Сухой, чистый — вчера Флора отмыла его от крови и вернула, не сказав ни слова.

Кровь. Человек. Мужчина с топором, который хотел ее убить.

— Я убила человека, — сказала Алиса вслух, пробуя слова на вкус.

Слова были как камни. Тяжелые, холодные, но — странное дело — не вызывали той бури, которой она ожидала. Стояли себе внутри, давили, но не ломали.

— Убила, — повторила она. — И буду еще, если придется.

Лева, дремавший в ногах, открыл один глаз, посмотрел на нее с выражением "ты чего бормочешь, спать не даешь" и снова закрыл.

Алиса погладила кота. Вчерашний герой. Весь в чужой крови, с обломанными когтями, но живой и гордый собой.

Алиса сунула руку под подушку — проверить, на месте ли камень.

Он был на месте. Теплый, гладкий, с вырезанными двумя переплетенными кругами. Тот самый, что она нашла в подвале башни. Она тогда сунула его в карман и забыла — не до того было. А потом, уже в избе Михая, случайно нащупала и с тех пор держала при себе.

Сначала просто так — на память о том, с чего все началось. Потом заметила: камень греет руки. Не сильно, но заметно. В мороз особенно. Суеверие, конечно, но приятно.

Лева, заведя камень, одобрительно муркнул — мол, я ж говорил, нужная вещь.

Во дворе уже кипела работа.

Бабы таскали воду, мужики чинили частокол, Спиридон с утра разжег горн и лупил молотом по железу — звук стоял на всю округу. Михай командовал, раздавал указания, сам таскал бревна, не обращая внимания на перевязанную руку.

— Барыня! — окликнул он, заведя Алису. — Там обозы идут!

— Какие обозы?

— Из соседних деревенек. Люди которые от Рутгера бегут. Слышали про бой, теперь к нам просятся. Пускать?

Алиса посмотрела на дорогу. По заснеженному тракту тянулись сани, телеги, просто люди с узлами на плечах. Бабы, дети, старики, пара мужиков с вилами.

— Сколько их?

— Десяток семей. Может, больше.

— Пускать, — решила Алиса. — Жилье где?

— В людской потеснятся. В башне можно. Кто-то к Флоре пойдет, кто-то в сараях перебьется. Не впервой.

— Распределяй. Флоре скажи — пусть баб организует, накормить всех, обогреть.

Михай кивнул и побежал к воротам.

Алиса смотрела, как в Каменный Лог втекают новые люди. Усталые, перепуганные, замерзшие.

К вечеру деревня выросла вдвое.

В людской яблоку негде было упасть — люди сидели на лавках, на полу, на мешках. Флора с помощницами разливали похлебку, раздавали хлеб. Пахом, уже оклемавшийся, сидел у печи и рассказывал в сотый раз, как они рубились с рутгеровыми.

— А барыня наша, — вещал он, — как вышла с ножом! А кот ее — ну чисто бес! Прыг мордороту прямо в харю!

Дети слушали, раскрыв рты. Мужики кивали — мол, сами видели.

Алиса стояла в углу, слушала и не знала, плакать или смеяться. Ее уже в легенду превратили.

Из людской она выскользнула незаметно.

На дворе мороз крепчал, но ветра не было. Звезды горели ярко, и луна заливала снег серебром. Красиво.

— Барыня, — раздалось из темноты.

Алиса обернулась. Из-за поленницы вышла старуха в темном платке. Велена.

Она подошла ближе, взяла Алису за руку, разжала пальцы. Камень с двумя кругами лежал на ладони — Алиса даже не заметила, когда достала его.

— Греет?

— Греет.

Велена кивнула, повертела камень в узловатых пальцах.

— Пора, — сказала она. — Говорить пора. Про то, зачем ты здесь.

Алиса почувствовала, как внутри холодеет. Не от мороза — от слов.

— Я здесь, потому что...

— Потому что мир трещит, — перебила Велена. — Равновесие сломалось. Давно, еще до тебя. Кто-то убил старую магию, кто-то спрятал ключи, кто-то продал душу за власть. А ты — ты ключ.

— Какой ключ?

— Самый главный. К жизни. К смерти. К тому, что было до людей.

Велена подняла камень к луне. Тот вдруг засветился — слабо, но явно. Алиса отшатнулась.

— Видишь? — старуха улыбнулась беззубым ртом. — Он тебя признал. Тебя, а не ту, что была в этом теле. Ты — другая. Издалека. Таких раньше называли провидцами.

— Я не провидец. Я повар.

— Повар, — хмыкнула Велена. — А то, что ты печь заново сложила за неделю? А то, что людей накормила, когда они дошли с голоду? А то, что вчера мужика с топором зарезала, хоть никогда в руках оружия не держала? Это магия, — твердо сказала Велена. — Другая. Магия жизни. Магия огня. Магия, которая внутри тебя была всегда. Просто там, откуда ты пришла, она спала. А здесь — проснулась.

Алиса молчала.

Камень в руке пульсировал теплом, как живой.

— Что мне делать? — спросила она наконец.

— Жить, — пожала плечами Велена. — Искать. Слушать. Когда придет время — поймешь. А камень носи. Он защитит. От всего, — старуха повернулась и пошла в темноту. — И от людей, и от нелюдей. И от того, что внутри тебя просыпается.

— Велена! — окликнула Алиса. — А ты? Ты кто?

Старуха остановилась, обернулась.

— Я та, кто ждала, — сказала она. — Долго ждала. Тысячу лет почти. Устала уже. Хорошо, что ты пришла.

И исчезла. Просто растворилась в темноте, будто ее и не было.

Алиса стояла, сжимая камень, и не знала, что думать.

Лева вылез из-за поленницы, потерся о ноги.

— Ты видел? — спросила Алиса.

Кот зевнул.

— А если не видел — тогда у меня точно крыша едет.

Она пошла в избу. На пороге обернулась, посмотрела на холм за рекой. Там снова мигал огонек. Уже привычно, почти по-родному.

Утром пришлось хоронить Лукьяна.

Того самого мужика, что погиб в бою. Немолодой уже, с седой бородой, вечно молчаливый — Алиса даже имени его толком не знала. Но Флора сказала: трое детей осталось, жена померла года два назад. Теперь сироты.

Хоронили по местному обычаю.

Тело завернули в холстину, положили на сани и вывезли за околицу, к старому дубу. Там уже горел костер — жреца в Каменном Логе не было, обряд проводил Пахом как самый старей.

— Мор, прими раба твоего Лукьяна, — бормотал он, бросая в огонь горсть зерна. — Не держи зла на живых, не таи обиды. Земля ему пухом, небо ему светом, Двуетный рассудит.

Бабы выли, дети смотрели круглыми глазами. Алиса стояла в стороне, сжимая в кармане теплый камень.

Когда тело положили в костер и огонь взметнулся до неба, Михай подошел, встал рядом.

Они вернулись в деревню, где уже кипела работа. Новые люди, новые заботы, новая жизнь.

Алиса смотрела на все это и вдруг поняла: она не хочет уходить. Не хочет возвращаться. Это место — ее. Эти люди — ее. И она будет драться за них. Не ради выживания — ради того, чтобы они жили.

— Лева, — позвала она.

Кот прибежал, задрал хвост.

— Пойдем людей кормить. Работы много.

Они пошли к людской. За спиной догорал костер, а впереди была жизнь.

Дорогие читательницы!

Готовьтесь к погружению в новую книгу любимой серии «Хранители равновесия» — книга «Искра. Ледяное пламя» уже на подходе!

Эта история не просто развлечет — она заставит задуматься. Как не потерять себя, когда внутри просыпается древняя сила, готовая поглотить все вокруг?

Искра стоит на краю пропасти — и только вы можете быть рядом в этот решающий момент.

Чтобы не упустить выход книги и получить максимум впечатлений, подписывайтесь на меня или добавляйте в друзья.

Пусть ваше сердце не пропустит биение этой истории!

Глава 17: Гость

Утро в Каменном Логу пахло дымом, хвоей и свежим снегом.

Алиса стояла у людской, раздавала указания, когда Пахом, дежуривший у ворот, вдруг засвистел — пронзительно, по-разбойничьи.

— Барыня! — заорал он. — Гости!

Алиса обернулась.

Из-за поворота, со стороны замерзшей реки, выезжали всадники. Трое. Впереди — вороной конь, черный плащ, серебряный знак на груди. За ним — двое: один молодой, вертлявый, с острым взглядом; второй постарше, с рубленным шрамом через всю щеку, похожий на бывшего волка.

— Ох ты ж, — выдохнул Михай, появляясь рядом. — Инквизиция пожаловала. Не одни.

— Вижу, — коротко ответила Алиса.

Лева, дремавший на заборе, спрыгнул вниз и замер у ее ног. Шерсть на загривке встала дыбом, но кот молчал. Смотрел. Оценивал.

Всадники приблизились. Ворота открылись — Пахом дернул засов быстрее, чем сам ожидал. Сопровождающие въехали первыми, оглядели двор цепкими взглядами, и только потом кивнули своему господину.

Влад спешил. Плащ взметнулся, открывая на поясе меч — не церемониальный, самый что ни на есть боевой.

— Баронесса, — он кивнул официально, холодно. — Я обещал вернуться.

— Обещали, — согласилась Алиса. — Я и не сомневалась.

Сопровождающие тем временем уже изучили двор, людей, частокол, свежие могилы за околлицей. Молодой, вертлявый, что-то шепнул старшему. Тот кивнул, но с места не двинулся — ждал.

— Разрешите осмотреть владения? — спросил Влад.

— Смотрите, — Алиса повела рукой. — Только людей не пугайте. Они и так напуганы.

Влад кивнул и пошел. Не спеша, внимательно, как хозяин, который присматривает новое имение. Сопровождающие — чуть поодаль, но так, чтобы прикрыть со всех сторон.

Алиса двинулась рядом.

— Сколько их было? Ваши потери? — спросил Влад, кивая на могилы.

— Двадцать. Может, чуть больше. Один погиб. Трое раненых.

Влад остановился. Посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом.

— Двадцать против горстки мужиков с топорами? И вы потеряли одного?

— Ямы, — коротко ответила Алиса. — Коля на дне. И кипяток.

— И кипяток, — повторил Влад. В голосе — не насмешка, скорее удивление.

— И кот, — добавила Алиса.

— Кот?

— Вон тот.

Она кивнула на Лева, который сидел под забором и смотрел на Влада с выражением «ты, конечно, важный, но я тут главный». Кот приосанился, будто понимал, о ком речь.

Владислав фон Торн, Верховный Инквизитор Северных Провинций, человек, перед которым трепетали сильные мира сего, посмотрел на пушистого серого кота и — усмехнулся.

— Редкий зверь, — сказал он.

Они пошли дальше. Люди жались к стенам, но не разбегались. Смотрели с любопытством пополам со страхом. Кто-то крестился двумя перстами, кто-то прятал детей за спины.

Сопровождающие тем временем осваивались. Молодой, вертлявый, подошел к колодцу, где Флора с бабами набирали воду. Окинул взглядом фигуры, ухмыльнулся.

— А ничего бабы тут у вас, — сказал он, обращаясь к старшему. — Дикие, но ладные. Флора вспыхнула, но смолчала. Старший, со шрамом, только глянул на молодого — и тот притих.

Алиса услышала, обернулась.

— Ты бы, мил человек, — сказала она спокойно, но так, что мужики у частокола подобрались, — руками не размахивал. Тут бабы простые, но мужья у них топорами машут. Не ровен час, зашибут ненароком.

Молодой хотел огрызнуться, но старший положил руку ему на плечо.

— Цыц, — сказал коротко. И кивнул Алисе: — Извиняйте, баронесса. Молодой, глупый.

Влад наблюдал за этой сценой молча. В глазах — ни тени улыбки, но что-то мелькнуло. То ли одобрение, то ли интерес.

— Пройдемте, — сказал он Алисе. — Поговорим.

Они отошли к старой башне, где было безлюдно. Сопровождающие остались у ворот — следили за двором, но достаточно далеко, чтобы не слышать.

— Баронесса, — Влад говорил тихо, почти доверительно. — Я здесь не только как инквизитор. Еще и как человек, которому надоел Рутгер.

Алиса подняла бровь.

— Он уже давно перегибает палку. Нападать на соседей, собирать людей, терроризировать крестьян... На него давно жалуются. Но доказательств не было. А теперь — есть.

— Вы хотите, чтобы я дала показания?

— Хочу, чтобы вы знали: если решите — у вас будут союзники. В столице.

— У меня? — усмехнулась Алиса. — У баронессы без гроша, без войска, без связей?

— У женщины, которая отбилась от двадцати головорезов с помощью кольев и кота, — поправил Влад. — Такие союзники сами по себе ценность.

Алиса смотрела на него, пытаясь понять, где ловушка. Но лицо инквизитора было непроницаемо.

— Зачем вам это? — спросила она прямо.

— Затем, — он помолчал, — что мир меняется. Старые порядки рушатся. Рутгеры думают, что можно жить по-старому: грабить, убивать, насиловать. Но так больше нельзя. И я хочу быть на той стороне, где строят, а не разрушают.

Он выдержал паузу. Потом добавил тише:

— И еще... вы мне интересны, баронесса. Не как подозреваемая. Как человек.

Алиса почувствовала, как внутри что-то екнуло. Она не хотела этого чувствовать. Слишком опасно. Слишком сложно.

— Я подумаю, — сказала она сухо. — О показаниях.

Влад кивнул. Достал из-за пазухи небольшой сверток, протянул.

— Это вам. Не как инквизитор — как... неважно. Возьмите. Лекарство для раненых. Из столицы, хорошее. И соль там у седла. Знаю, с этим у вас трудно.

Алиса взяла сверток. Руки чуть дрогнули.

— Не благодарите, — он развернулся, шагнул к коню. На полпути остановился, обернулся. — И еще, баронесса. Берегите кота. Такие звери редко встречаются.

Он сел на коня, махнул рукой сопровождающим. Те подтянулись, и все трое выехали со двора.

Старший, со шрамом, проезжая мимо Алисы, придержал коня.

— Мужики у вас молодцы, — сказал он коротко. — Дрались как надо. С такими можно дело иметь.

И уехал.

Пыль от копыт осела на снег. Ворота закрылись. Тишина.

Алиса стояла посреди двора, сжимая в руках сверток, и смотрела вслед.

Подошел Михай. Молча взял сверток, развернул. Понюхал.

— Хорошее лекарство, — сказал он. — Дорогое. И соль — чистая, крупная. Такая только в столице бывает.

— Он на вас смотрел, — добавил Михай. — Не как на подозреваемую. Как на женщину. Опять.

Алиса усмехнулась. Но щеки предательски теплели.

Лева потерся о ноги, заурчал. Мол, все правильно, хозяйка, ты у меня самая лучшая, а эти инквизиторы... ну, тоже ничего, если с подарками.

Алиса наклонилась, погладила кота.

— Пошли, Лева. Людей кормить.

Они пошли к людской. На холме за рекой снова мигал огонек. Алиса уже не оборачивалась.

Глава 18: Совет

Людская гудела как растревоженный улей.

Алиса сидела во главе стола — не потому что хотела, а потому что все смотрели на нее и ждали. Справа — Михай, хмурый, с перевязанной рукой. Слева — Спиридон, с красными от бессонницы глазами, но трезвый. Дальше — Пахом, который уже оклемался и даже порывался вставать, но Алиса велела сидеть. Флора с поджатыми губами. И еще трое мужиков, которых Алиса знала плохо, но которые в бою показали себя хорошо.

Лева, как обычно, занял стратегическую позицию на печи — оттуда было видно всех.

— Значит так, — начала Алиса без предисловий. — Рутгер не успокоится. Мы отбили первый наскок, но будет второй. Вопрос: что делаем?

— Воевать, — буркнул Спиридон сразу. — Чего думать? Сами нападём, пока он не собрался.

— С чем? — Михай поднял голову. — У нас мужиков — тридцать, считая баб. У него — пятьдесят, если всех поднимет. Самим идти — себя хоронить.

— А сидеть и ждать — не хоронить? — огрызнулся Спиридон.

— А сидеть и ждать — время выиграть, — спокойно ответил Михай. — Укрепиться, запасы сделать, людей собрать. К весне у нас вдвое больше будет.

— До весны нас Рутгер сожрет, — Пахом крикнул, почесал бороду. — Он же не дурак, он пока снег не растаял, ударит. По санному пути.

— Значит, надо не ждать, — вмешалась Флора неожиданно для всех. — Надо, чтоб он не мог ударить.

— Это как? — Спиридон глянул на нее скептически.

— А так. Чтоб у него самого заботы появились. Чтоб не до нас было.

Все замолчали, переваривая.

— Ты про что? — спросил Михай.

— Про то, что бабы говорят, — Флора замялась, но продолжила. — У Рутгера не все гладко. Мужики его не любят, кормит плохо, платит мало. Если б кто поджег там что или скотину попустил...

— Поджоги? — Алиса усмехнулась. — Ты предлагаешь диверсию?

— А что? — Флора осмелела. — Мы бабы — можем. Незаметно. Под видом нищих, странниц. Пока мужики воюют, бабы дело сделают.

Алиса слушала и удивлялась. Вот это поворот. Тихая Флора, вечно с опущенными глазами, предлагает партизанскую войну.

— Рискованно, — сказала она. — Если поймут — убьют.

— А тут не поймут, — Флора поджала губы. — Я не одна пойду. У меня сестра в той деревне замужем, через две от Рутгера. Прикроет.

— Подумаем, — остановила Алиса. — Это не на сегодня.

Она обвела взглядом собравшихся.

— Есть еще один вариант. Влад, инквизитор, сказал, что в столице есть люди, которые хотят приструнить Рутгера. Если поехать, дать показания...

— В столицу? — Пахом аж привстал. — Барыня, вы с ума сошли? Это ж сколько верст! И зимой! И одна!

— Не одна, — Алиса посмотрела на Михая. — Михай со мной поедет. И умный. И в столице бывал, говорит.

Все уставились на Михая. Тот молчал, переваривая.

— А мы тут как? — спросил Пахом. — Без вас?

— Вы тут — жить, — твердо сказала Алиса. — Я все распишу. Кому что делать, как строить, что запасть. Спиридон — за оружие отвечает. Пахом — за порядок. Флора — за баб и кухню. Ты, — она кивнула на одного из мужиков, Лорвус, — за дрова и лес. Ты, — второму, Войтеку, — за скотину и сено.

— А главный кто? — спросил Пахом.

— Трое, — Алиса обвела взглядом Спиридона, Пахома и Флору. — Все вопросы решаете вместе. Если двое за, один против — значит, делаете. Если не можете решить — ждете нас. Но лучше решайте сами. Мы быстро не обернемся.

— Сколько? — спросила Флора тихо.

— Месяц. Может, два. Дороги плохие, столица далеко, дела быстро не делаются.

В комнате повисла тишина.

— Барыня, — сказал Михай негромко. — Вы уверены?

— Нет, — честно ответила Алиса. — Но выбора тоже нет. Если Рутгер не получит отпор сверху, он нас задавит числом. А сверху слушают только тех, кто сам приехал и в глаза смотрит. А если убьют по дороге, значит, не судьба.

Она встала, прошла вдоль стола.

— Я не герой, — сказала она, глядя на них. — Я хотела просто выжить. Но вышло так, что вы — мои. И я не отдам вас этому уроду. Поэтому поеду. И буду орать, просить, унижаться, но добьюсь, чтоб ему прижали хвост. А вы тут держитесь.

— Ладно, — сказал Спиридон, вставая. — Тогда давайте план. Что делать, как строить, что ковать. Время не ждет.

До вечера они просидели за столом.

Алиса рисовала углем на доске, объясняла, спорила, убеждала. Спиридон записывал на бересте — он оказался грамотным, чем удивил всех. Пахом кивал, но видно было, что половину не понимает, но доверяет. Флора задавала вопросы — умные, практичные, женские. Где брать продукты, как делить, что делать, если кто заболит.

— В башне устроим склад, — говорила Алиса. — Сухие припасы — туда. Мясо коптить, солить. У кого есть опыт?

— Я умею, — отозвался Войтек. — В войске служил, там коптили.

— Частокол надо чинить, — вставил Лорвус. — И ямы новые копать, дальше от ворот. Избы новые для переселенцев. Сразу большие будем рубить.

— Бабы, — Алиса повернулась к Флоре, — учите девчонок готовить. Не абы как, а нормально. Чтoб если что — сами справлялись. И хворост собирайте, сушите. Сети доделайте для рыбы.

Под конец голова гудела, в глазах рябило, но план был готов.

— Все, — сказала Алиса, откладывая уголь. — Завтра начинаем. Послезавтра — выезжаем. Чем быстрее, тем лучше. Пока снегом все не замело, пока дороги есть, пока Рутгер не опомнился.

Все зашумели, задвигались, стали расходиться. Флора задержалась у двери.

Они остались вдвоем с Михаем. И Лева, конечно.

— Ну что, — сказал Михай, глядя на нее. — В столицу так в столицу. Когда последний раз был — лет десять назад. Вы без меня там пропадете. Столица — она баб не жалеет. Идемте спать, барыня. Завтра дел — по горло.

Они вышли в ночь. Звезды горели ярко, мороз кусал за щеки. На холме за рекой мигал огонек.

Алиса уже не вздрагивала. Привыкла.

— Завтра, — сказала она Лева, который терся о ноги. — Завтра все начнется.

Кот согласно урчал.

Глава 19: Последний день

Утро в Каменном Логу началось затемно.

Алиса не спала — только задремала под утро, но Лева, почуяв движение, тут же ткнулся мокрым носом в руку. Мол, вставай, дел полно.

За окном было черно. Печь еще дышала теплом, но воздух уже холодел. Михай ворочался на лавке — тоже не спал.

Деревня просыпалась. В людской уже горел свет — Флора с бабами топили печи, грели воду. Из кузни доносился звон металла — Спиридон работал с ночи, не жалея сил. Пахом с мужиками таскали бревна к частоколу.

Алиса смотрела на все это и чувствовала странную тяжесть в груди. Она уезжала. Может, на месяц. Может, на два. Может, навсегда.

Первый час Алиса провела с Флорой.

Они обошли все запасы, пересчитали мешки, перетрясли травы, проверили солонину. Флора записывала на бересте — коряво, но старательно.

— Это оставляю, это не трогать до нашего возвращения, это расходовать в первую очередь, — Алиса водила пальцем по полкам. — Мясо копченое — только по праздникам. Или если кто заболит.

— Если Велена придет — слушаться ее. Она не ведьма, она знахарка. Злая, но справедливая. Если Рутгер придет...

— Не придет, — твердо сказала Флора. — Пока вас нет — не придет. Ему ваша смерть нужна, а не наша. Он будет ждать, пока вы вернетесь.

Алиса посмотрела на нее с уважением. Баба мыслила стратегически.

— Может, ты главной быть должна, а не я, — усмехнулась Алиса.

— Я и буду, — спокойно ответила Флора. — Вы уедете — я главная. А вы вернетесь — опять вы.

Они помолчали.

— Береги себя, — сказала Алиса.

— Берегите Михая, — ответила Флора. — Мужик он хороший. Редкий.

Алиса ничего не сказала.

В кузне было жарко, хоть раздевайся.

Спиридон стоял у горна, раздувал меха. Рядом лежали готовые наконечники для стрел — десятка два, ровных, острых.

— Это вам, — кивнул он на них. — В дорогу. От волков. И от людей. Вы главное вернитесь. А то я тут с этими... — он махнул рукой в сторону деревни, — ... с ума сойду.

— Ты справишься. Ты сильный.

— Сильный, — усмехнулся он невесело. — Сила тут ни при чем. Голова нужна. А у меня башка не тем занята.

Алиса поняла, о чем он. О жене. О ребенке. О том, что до сих пор снится.

Глава 19 Часть 2: Гость из прошлого

Они выезжали на рассвете.

Сани стояли у ворот груженные, лошади пофыркивали на морозе, выпуская облака пара. Михай в последний раз проверял упряжь. Флора совала Алисе узелок с дорожной едой. Лева уже забрался в сани и смотрел на всех с высоты своего положения — мол, я готов, чего копаетесь?

Она уже занесла ногу, чтобы забраться в сани, когда Лева вдруг вскочил, выгнув спину и зашипел.

Не на кого-то во дворе — на дорогу.

Алиса обернулась.

По заснеженному тракту от леса двигался всадник. Один. Конь — темно-гнедой, хорошей породы. Всадник — в темном плаще с меховой опушкой, лицо скрыто капюшоном.

Мужики у ворот схватились за топоры.

— Стой! — крикнул Пахом. — Кто таков?

Всадник остановился в двадцати шагах, неторопливо снял капюшон.

Под ним оказалось лицо лет тридцати пяти — резкое, породистое, с темными глазами и тонкими, плотно сжатыми губами. Темные волосы, коротко стриженные, тронутые ранней сединой на висках. Одет богато, но по-дорожному — добротный плащ, сапоги с серебряными пряжками, на поясе меч.

— Кто здесь старший? — спросил он. Голос низкий, спокойный, привыкший повелевать.

— Я, — Алиса шагнула вперед. — А вы кто будете?

Он посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом. С ног до головы. Потом усмехнулся — одними уголками губ.

— Стало быть, ты, — сказал он. — А я, баронесса, ваш покойный муж. Вернее, его брат. Лютобор фон Эйден.

Тишина упала такая, что слышно было, как снег скрипит под копытами лошади.

Алиса почувствовала, как внутри все оборвалось.

— Ты, — выдохнула она. — Тот самый...

— Тот самый, — кивнул он, спешиваясь. — Наследник, законный владелец этих земель, брат вашего покойного супруга. И, судя по всему, человек, которого здесь не ждали.

Он шагнул ближе. Мужики напряглись, но он даже не взглянул в их сторону — смотрел только на Алису.

— Не бойтесь, — сказал он. — Я не с войной. С разговором.

— О чем нам разговаривать? — Алиса старалась, чтоб голос звучал ровно. — Земли мои. Я вдова. По закону...

— По закону? — он усмехнулся уже открыто. — Баронесса, вы правда думаете, что я приехал судиться за клочок земли с развалинами?

Он обвел рукой Каменный Лог — частокол, башню, людскую, копошащихся людей.

— Это? Мне это не нужно. У меня земли втрое больше, и те получше будут.

— Тогда зачем?

Лютобор подошел почти вплотную. Теперь она видела его лицо ясно — тонкое, хищное, с темными глазами, в которых плясали какие-то странные огоньки.

— Затем, — сказал он тихо, — что вы, баронесса, — не моя невестка.

Алиса замерла.

— Что?

— Вы не Искра, — сказал он спокойно. — Я знал Искру. Видел ее два раза. Забитая, молчаливая, с глазами затравленной лани. А вы — вы другая. Совсем другая.

— Люди меняются...

— Люди — да. Но не так. Не за пару месяцев. И не становятся из затравленной дуры тем, кем стали вы.

Он говорил тихо, чтоб другие не слышали. Со стороны могло показаться — просто разговор.

— Я не знаю, кто вы, — продолжал Лютобор. — И, честно говоря, мне все равно. Но я знаю, что вы сделали здесь то, что не смогла бы сделать моя невестка. Вы отбили нападение, накормили людей, заново отстраиваете крыло замка, заставили мужиков работать. Это стоит уважения.

— К чему вы клоните?

— К тому, — он выдержал паузу, — что у нас общий враг. Рутгер.

Алиса моргнула.

— Это он убил моего брата. И ребенка вашего — тоже он. Я знаю.

Внутри все похолодело.

— Откуда?

— Я собирал сведения несколько месяцев. — Лютобор говорил спокойно, буднично, как о погоде. — Кречет был моим братом, хоть и сволочью порядочной. Но его убили. И ребенка убили, чтоб наследников не осталось. А вас оставили в живых, чтоб вы тихо сдохли в развалинах и все думали — случайность.

— Рутгер заказал обоих. Через повитуху. Ту самую, что принимала роды. Она созналась перед смертью. Я нашел ее.

Алиса молчала. Слова падали в нее, как камни в воду.

— Я приехал не за землей, — сказал Лютобор. — Я приехал предложить союз. Мне нужен Рутгер мертвым. Вам, судя по всему, тоже. Вместе у нас больше шансов.

— А потом? — спросила Алиса. — После того, как он умрет?

— А потом — посмотрим. — Лютобор усмехнулся. — Может, станете моей женой и объединим земли. Может, разойдемся как в море корабли. Может, я просто подарю вам этот клочок и уеду. Время покажет.

Он протянул руку. В ней был свиток — плотный, запечатанный воском.

— Здесь документы. Все, что я собрал на Рутгера. Имена, даты, свидетели. Этого достаточно, чтоб заинтересовать столицу.

Алиса взяла свиток, но глаз не отвела.

— Почему я должна вам верить?

— А почему нет? — Лютобор пожал плечами. — Если б я хотел вас убить, я б не приехал один. Если б хотел отобрать земли — привез бы солдат. Я приехал один, без оружия, без свиты. И предлагаю сделку. Решайте.

Сзади подошел Михай. Встал чуть позади Алисы, но так, чтоб в любой момент закрыть собой.

Лютобор глянул на него, усмехнулся.

— Хранитель? — спросил он. — Хороший. Я бы тоже такого взял.

— Не твоего ума дело, — огрызнулся Михай.

— Моего, не моего, — Лютобор не обиделся. — Баронесса, время не ждет. Рутгер уже собирает людей. Через две-три недели он ударит снова. И тогда никакие документы не помогут.

Алиса смотрела на свиток в руках. Потом на Лютобора. Потом на Каменный Лог, на людей, которые ждали у ворот, на Леву, который сидел в санях и смотрел на происходящее с философским спокойствием.

— Заходите, — сказала она. — Поговорим.

Лютобор кивнул и пошел к людской.

Алиса обернулась к Михаю.

— Что думаешь?

— Думаю, что либо он гениальный лжец, либо говорит правду, — тихо ответил Михай.

— Но документы посмотреть стоит.

— Посмотрим.

Она пошла следом, чувствуя, как под ногами скрипит снег.

Все менялось. Опять.

Глава 20: Сны

Они проговорили дотемна.

Лютотор разворачивал свитки, тыкал пальцем в строки, называл имена, даты, названия деревень. Алиса слушала, вникала, задавала вопросы. Михай сидел в углу, молчал, но каждое слово впитывал.

— Вот здесь, — Лютотор ткнул в очередной документ, — показания повитухи. Записано с ее слов, за две недели до смерти. Она назвала имя посредника — личного казначея Рутгера. Деньги переводили через купца из Вольных Городов.

— Этого достаточно для суда? — спросила Алиса.

— Для столичного — да. Если найти нужных людей.

— А вы нашли?

Лютотор усмехнулся.

— Нашел одного. Канцлер Северного Приказа терпеть не может Рутгера. Тот ему когда-то перешел дорогу в земельном споре. Если принести ему доказательства... Он сделает вид, что помогает. Этого хватит.

Алиса откинулась на лавку. Лева, дремавший у печи, приоткрыл глаз — проверить, все ли в порядке.

— Хорошо, — сказала она. — Допустим, я верю. Что вы предлагаете?

— Едем вместе, — просто ответил Лютотор. — Я, вы, ваш хромой друг. В столице я представлю вас нужным людям. Вы скажете то, что скажете. А дальше — как боги решат. А я буду рядом. Как союзник. Как брат вашего покойного мужа. Как человек, который хочет справедливости.

Алиса посмотрела на Михая. Тот едва заметно кивнул.

— Завтра, — решила Алиса. — Утром.

Лютотор встал, поклонился.

— Тогда позвольте попросить ночлега. Дорога долгая, ночь холодная.

— Флора! — крикнула Алиса. — Гостя в людскую, накормить, обогреть.

Флора возникла в дверях, глянула на Лютотора волком, но кивнула.

— Идемте, господин хороший. Не брезгуйте нашим хлебом.

Лютотор усмехнулся и вышел за ней.

Они остались вдвоем с Михаем. Илевой.

— Ну? — спросил Михай.

— Не знаю, — честно сказала Алиса. — Врет или нет, но документы настоящие. Я чувствую.

— Я тоже, — кивнул Михай. — И еще: он на вас смотрел. Как на бабу, которую хотел бы... — он запнулся. — В общем, не как на невестку.

Алиса усмехнулась.

— Влад смотрел, теперь этот.

— Влад, может, и вернется, — сказал Михай. — А этот уже здесь. Просто скажу: он опасный. Умный. И ему что-то нужно от вас, кроме войны с Рутгером.

— Знаю, — вздохнула Алиса. — Но выбора нет.

Она легла на кровать, укрылась тулупом. Лева тут же запрыгнул сверху, устроился на груди, заурчал.

— Лева, — шепнула она, — ты единственный, кому я верю безоговорочно.

Кот лизнул ее в подбородок.

За окном выл ветер. В людской гудели голоса — Флора кормила гостя, расспрашивала о столице, о дорогах, о погоде. Лютотор отвечал спокойно, обстоятельно.

Алиса закрыла глаза.

Ей снился лес.

Не тот, знакомый, за околицей, куда они ходили за хворостом, — другой. Древний, темный, первозданный. Деревья здесь были толщиной в дом, их кроны терялись где-то в серой мгле, сквозь которую не пробивался ни единый луч солнца. Корни переплетались так плотно, что, казалось, сама земля — это один огромный живой организм, дышащий, пульсирующий, ждущий.

Алиса шла босиком по мху. Мох был мягким, как шерсть, теплым, хотя вокруг стоял холод — тот особенный, древний холод, который не пробирает до костей, а просто напоминает: ты в месте, где время течет иначе. Она не мерзла. Она вообще не чувствовала тела — только легкость, только странное, пьянящее чувство полета.

Вокруг, в темноте, мерцали огоньки.

Синие, зеленые, белые — они плясали между стволами, переливались, манили. То приближались, касаясь кожи холодным светом, то отступали, прятались за корнями. В их мерцании угадывалось что-то живое, разумное. Они звали.

— Иди сюда, — шептали они голосами, похожими на шелест листвы. — Иди. Мы ждали.

Алиса шла на свет. Между деревьями, через корни, через древний, замшелый бурелом. Огоньки разбегались перед ней и смыкались за спиной, создавая коридор, туннель, ведущий куда-то в самое сердце леса.

Она вышла на поляну.

Пространство распахнулось внезапно — ровный круг, словно очерченный невидимой рукой. По краям стояли камни — не те грубые валуны, что лежали за башней, а настоящие менгиры, гладкие, отполированные временем, покрытые узорами, которые, казалось, дышали и двигались в такт ее сердцебиению. Мох на них светился фосфорическим светом, а в выбоинах камней мерцали те самые огоньки — теперь Алиса видела, что это не светлячки, а нечто иное, древнее, живущее здесь тысячи лет.

В центре поляны горел костер.

Но пламя в нем было не желтым, не оранжевым — синим. Холодным, прозрачным, как северное сияние, оно вздымалось к небу, не издавая ни звука, не давая ни капли тепла. От этого огня веяло не жаром — веяло временем. Тысячелетиями, что пронеслись над этим местом, ничего не изменив.

По краям костра стояли двое.

Один — в белом, до того белом, что глаза слепило. Длинная седая борода струилась до пояса, лицо было открыто, но черты его Алиса не могла разглядеть — они менялись, текли, будто сотканные из тумана.

Второй — в черном. Капюшон скрывал лицо полностью, оставляя только тьму — такую густую, что, казалось, сам свет боялся в нее заглядывать. Но Алиса чувствовала взгляд. Тяжелый, древний, видящий насквозь.

Между ними горел синий огонь, и в его свете они казались не людьми — чем-то большим. Чем-то, что было здесь всегда и будет всегда.

— Ты пришла, — сказал белый. Голос его звучал как первый дождь после засухи.

— Мы ждали, — отозвался черный. Голос его был как скрип снега под ногами в морозную ночь.

— Мы — равновесие, — сказали они вместе, и от этого слияния голосов воздух вокруг задрожал, пошел рябью, и Алиса вдруг увидела: они не два — они одно. Две стороны одной сути. Свет и Тьма, соединенные вечным танцем.

Она хотела спросить — кто они? Зачем позвали? Что ей делать? — но вдруг почувствовала жар в кармане.

Камень.

Тот самый, что она нашла в подвале. Он пульсировал, светился сквозь ткань, тянул ее куда-то — не наружу, а внутрь. Вглубь себя. В сердце поляны. В синий огонь.

— Не бойся, — сказал голос из темноты.

Женский. Древний. Усталый — и одновременно полный такой силы, что у Алисы подкосились колени.

Из-за спин жрецов, из самой глубины леса, вышла Велена.

Но это была не та Велена, что сидела в своей избушке и пряла кудель. Эта Велена светилась изнутри — мягким, ровным светом, в котором смешались белое и черное, свет и тень. Морщины на ее лице разгладились, спина распрямилась, глаза горели тем самым синим огнем, что полыхал в костре.

— Ты готова, — сказала она. Не спросила — утвердила. — Приди.

— Куда? — спросила Алиса, и голос ее дрожал, но не от страха — от предвкушения.

— К себе, — ответила Велена. — Внутрь. К тому, что спит.

Она протянула руку. Рука была старой и молодой одновременно — узловатые пальцы, но кожа светилась, и в каждой морщинке танцевали огоньки.

Алиса шагнула.

Их пальцы встретились.

И мир взорвался.

Поляна исчезла. Камни исчезли. Жрецы, лес, небо — все исчезло. Осталась только бездна — бесконечная, звездная, дышащая. Алиса падала в нее — или поднималась? — и видела, как мимо проносятся образы: древние люди у камней, жрецы в белом и черном, синий огонь, горящий тысячелетия, и в центре огня — женщина. Сначала чужая, потом знакомая, потом — она сама.

— Вспомни, — шепнул голос Велены. — Ты всегда это знала.

Алиса открыла глаза. Она проснулась от того, что Лева орал.

Не мяукал — орал, в самое ухо, требуя еды и внимания. За окном серело. Михай уже возился у печи.

Алиса села. Руки дрожали. Камень на груди был горячим — жег кожу даже сквозь рубаху. Опять тот же сон.

— Михай, — сказала она. — Мне нужно к Велене. Сейчас. До отъезда. Это важно.

Он обернулся, посмотрел на нее. По лицу понял — не шутит. Он кивнул. Не спросил почему. Просто кинул ей тулуп.

— Иди. Я пока с лошадьми управлюсь.

Алиса выскочила на мороз. Лева за ней — не отставал, чувствовал что-то.

Они побежали к лесу.

Велена ждала.

Старуха сидела на крыльце своей избушки, будто знала, что гостя придет.

— Ну, — сказала она, глядя на Алису. — Дошло?

— Что со мной? — выдохнула Алиса. — Камень жжется. Сны снятся. Жрецы эти...

— Не жрецы, — поправила Велена. — Они — хранители. Были когда-то. Теперь — только тени. А ты — последняя. Которая помнит.

Она встала, подошла, взяла Алису за руку. Разжала пальцы, посмотрела на камень.

— Он выбрал тебя, — сказала она просто. — Не ту, прежнюю. Тебя. Потому что ты — другая. Издалека. Из мира, где магия спит. А здесь проснулась. Ты — ключ, девочка. К равновесию.

— Я не хочу быть ключом! — вырвалось у Алисы. — Я хочу просто жить!

— Жить, — усмехнулась Велена. — А что, по-твоему, магия? Это и есть жизнь. Только глубже. Ты печь сложила — магия. Ты людей накормила — магия. Ты мужика с топором убила — магия. Все это — ты. Просто теперь ты это видишь.

Алиса молчала.

— Что мне делать? — спросила она наконец.

— Ехать в столицу, — пожала плечами Велена. — Делать свои дела. А камень носи. Он подскажет, когда придет время.

— Когда придет время — чего?

— Выбирать, — старуха смотрела на нее странно — с жалостью? с гордостью? — Свет или Тьма. Жизнь или смерть. Себя или других. Иди. Тебя ждут. И кота береги. Он не просто кот. — Велена отвернулась, пошла к двери.

— А кто?

— Увидишь.

Дверь закрылась.

Алиса стояла на снегу, сжимая камень, и чувствовала, как внутри просыпается что-то новое.

Страшное. Сильное. Неизбежное.

Лева терся о ноги.

— Пошли, Лева, — сказала она. — В столицу. Там разберемся.

Глава 21: Дорога

Они выехали затемно.

Лютобор — на своем гнедом, Михай правил санями, Алиса сидела рядом, укутанная в тулуп до самых глаз. Лева устроился у нее на коленях, только нос торчал наружу — нюхал воздух, оценивал обстановку.

Снег скрипел под полозьями. Лес по обе стороны дороги стоял темный, настороженный. Ветви гнулись под тяжестью снега, иногда сбрасывали его с тихим шорохом — будто вздыхали.

— Давно в столице не был? — спросил Лютобор, поравнявшись с санями. Многое изменилось. Новые дома, новые люди, новые порядки.

— Порядки не меняются, — усмехнулся Михай. — Меняются только те, кто их пишет. Лютобор посмотрел на него с интересом.

— Ты философ, мужик?

— Я солдат. Бывший. Философия в войске быстро выветривается.

Алиса слушала этот обмен репликами и думала о своем. О том, что оставила позади. О том, что ждет впереди. О камне, который грел грудь даже сквозь тулуп.

Лева вздрогнул во сне. Чует что-то. Он всегда чувствует. Лева вдруг открыл глаза, поднял голову и утробно зарычал.

Не на Лютобора — в лес.

— Тихо, — сказал Михай, натягивая вожжи.

Сани остановились. Лошади занервничали, забили копытами. Они замерли, вслушиваясь в тишину.

Лес молчал. Слишком тихо для леса. Ни ветра, ни птиц, ни звериного шороха.

— Выезжаем, — тихо сказала Алиса. — Медленно. Но не останавливаемся.

Михай тронул вожжи. Сани покатались.

Лева не успокаивался — шипел, смотрел в одну точку, шерсть на загривке стояла дыбом.

— Приготовь лук, — сказала Алиса Михая.

Тот кивнул, одной рукой правя, другой доставая оружие.

Лютобор выехал чуть вперед, закрывая их собой. И в этот момент из леса вылетела стрела. Она вонзилась в дерево в двух шагах от саней, дрожала, гудела. Вторая стрела просвистела над головой Лютобора. Третья — врезалась в сани, пробив край.

— Там! — крикнул Михай, указывая на опушку.

Из-за деревьев выезжали всадники. Четверо. В темных плащах, с луками наготове.

— Рутгер? — выдохнула Алиса.

— Не похожи, — Лютобор уже выхватил меч. — Эти мельче. Наемники.

Михай хлестнул лошадей. Сани рванули, подпрыгивая на ухабах. Лютобор пришпорил коня, поскакал рядом.

Всадники погнались.

— Лук! — крикнула Алиса Михая.

Тот уже натягивал тетиву, стоя на коленях в санях — поза неудобная, почти невозможная, но рука не дрожала. Выстрелил — один из нападавших покачнулся, схватился за плечо, но удержался в седле. Лишь зарычал, как зверь, и пришпорил коня сильнее.

— Не берет их стрела! — выдохнул Михай.

Алиса выхватила лук, наложила стрелу, выдохнула. И вдруг...

Время остановилось.

Или замедлилось. Или просто перестало существовать. Все вокруг исчезло — лес, сани, крики Лютобора. Осталась только точка. Цель. Всадник, приближающийся сзади, — его глаза

под капюшоном, горящие тусклым красным светом, его рука с саблей, занесенная для удара, его лошадь, из ноздрей которой валил пар, слишком густой для живого существа.

И в этот момент камень на груди обжег кожу.

Алиса почувствовала, как жар разливается по руке, перетекает в пальцы, в стрелу. Древко вдруг засветилось слабым синим светом — тем самым, что горел в ее сне, тем самым, что пульсировал в камне в подвале башни.

Она выпустила тетиву.

Стрела ушла не по прямой — она полетела по дуге, оставляя за собой бледный, призрачный след. Всадник попытался уклониться, но стрела будто жила своей жизнью — повернула, нашла, впиалась прямо в горло.

Он рухнул с коня как подкошенный. Конь, оставшийся без всадника, взвился на дыбы, заржал истошно — и вдруг просто... рассыпался. Серая пыль, снег, ветер — и ничего.

— Еще! — крикнула Алиса, не веря своим глазам.

Вторая стрела легла на тетиву. Камень горел уже не просто теплом — он пульсировал, бился, как второе сердце. Алиса прицелилась, выдохнула — и снова отпустила.

Стрела нашла второго всадника. Тот попытался закрыться саблей, но синий свет просто обогнул металл, вошел в грудь, и нападающий опрокинулся назад, исчезая в снежной пыли.

Оставшиеся двое резко осадили коней.

Они переглянулись — Алиса увидела их лица: бледные, с черными прожилками вен, с глазами, в которых горел тусклый красный свет. Не люди. Или уже не люди.

Что-то шепнул один другому. Кони развернулись и ускакали в лес — так же молча, как появились, только снег взвился вихрем.

Тишина.

Только ветер шумит в ветвях. Только сердце колотится где-то в горле. Только сани скрипят, замедляя ход.

Алиса опустила лук. Руки дрожали мелкой, противной дрожью. Камень на груди горел — но уже слабее, будто отдал почти всю силу и теперь отдыхал.

— Барыня... — выдохнул Михай. Он смотрел на нее так, будто видел впервые. — Вы как?

— Нормально, — сказала она, хотя голос сел до хрипоты. — Едем дальше. Быстро.

Лютобор подъехал ближе. В его взгляде было что-то новое — смесь удивления и недоверия, но также и уважения. Страх не было. У воинов свой счет.

— Кто они были? — спросил он, глядя туда, где исчезли всадники.

— Не знаю. — Алиса покачала головой. — Но обратно они не вернуться. Пока я здесь.

Она не знала, откуда взялись эти слова. Они пришли сами — из той глубины, где теперь жило что-то древнее и сильное.

Сани тронулись. Лева, который во время погони даже ухом не повел (кот был себе на уме и знал, когда стоит прятаться, а когда можно и поспать), снова свернулся клубком и засопел. Ему было все равно, что там произошло. Главное — хозяйка жива, сено теплое, а до столицы еще ехать и ехать.

Алиса смотрела назад, на три темных пятна, оставшихся на снегу. Они не двигались. И не таяли. Просто лежали, напоминая о том, что этот мир — не игра.

Камень под рубашкой был холодным. Но Алиса чувствовала: он просто ждет.

К вечеру добрались до тракта.

Он вынырнул из сумерек внезапно — огромное бревенчатое здание, приземистое, как зверь, залегший у дороги. Стены темные, прокопченные до черноты, ставни закрыты наглухо, только щели сочатся теплым, маслянистым светом. Коновязь под навесом, полная лошадей — чьи-то храпят, чьи-то косятся на подъезжающих красными, недобрыми глазами. Вывеска

скрипит на ветру, жалобно, предостерегающе: «Привал охотника». Буквы старые, полустертые, и вместо одной из них — темное пятно, похожее на засохшую кровь.

Михай загнал сани во двор, Лютобор спешился, привязал коня к свободной жерди. Лошадь его вдруг всхрапнула, шарахнулась, покосилась на темный угол двора, где, казалось, кто-то шевелился. Никого. Только тени.

— Спокойно, — тихо сказал Лютобор, огладил коня по шее, но сам огляделся настороженно, руку с меча не снял.

Алиса, на ватных ногах после дневной гонки, выбралась из саней и едва не поскользнулась на обледенелых ступенях. Лева выпрыгнул следом, фыркнул, повел усами, потянул носом воздух — и вдруг зашипел. Тихо, но так, что у Алисы мороз продрал по коже.

— Что там? — спросила она шепотом.

Кот не ответил. Только смотрел куда-то в темноту под крыльцо, где, может быть, просто снег лежал, а может быть, и нет.

— Пошли, — коротко бросил Михай. — Здесь долго не стой.

Она толкнула тяжелую дверь.

Внутри былолюдно. И душно. И грязно.

Тяжелый, спертый воздух ударил в нос смесью кислого пива, прогорклого жира, потных тел и дыма — не только печного. В углах висели сизые облака, в которых плавали тени, и казалось, что у некоторых из них слишком много рук или слишком мало головы.

За длинными столами сидели мужики. Самые разные: в кожухах, в зипунах, в каких-то обносках, которых Алиса никогда не видела. Пили, ели, громко разговаривали — но когда она вошла, говор на мгновение стих. Десятки глаз уставились на нее — кто с любопытством, кто с откровенной похотливостью, кто с холодной, расчетливой оценкой: сколько денег, сколько оружия, сколько шансов поживиться.

В углу играли в кости. Кто-то выругался матом, кто-то заржал, кости стучали о столешницу, и в этом стуке слышалось что-то азартное и злое. У печи, огромной, пузатой, сложенной из дикого камня, дремал старик. Рядом с ним лежала собака — лохматая, огромная, с желтыми глазами, которые смотрели на вошедших. Не спала она. Ждала.

Хозяин вышел из-за стойки.

Толстый, красномордый, с хитрыми глазками-буравчиками, которые обшарили Алису с ног до головы быстрее, чем она успела переступить порог. Руки мясистые, в кольцах — дешево, массивно, воровски. Улыбка приклеенная, как у торговца гнилым мясом, который надеется сбыть товар, пока не провонял.

— Господа? — голос масляный, приторный. — Комнаты? Ужин? Девок? — последнее добавил будто невзначай, стрельнув глазками в сторону Алисы. Проверка. Или предложение. Или угроза.

Лютобор шагнул вперед, закрывая Алису широкой спиной. Голос его стал тихим и очень спокойным — так говорят те, кто убивал не раз и не два.

— Комнаты. Две. Чистые. Ужин. И для коней овса. Лишнего не предлагай.

Хозяин моргнул. Улыбка его дрогнула, но не исчезла — только стала еще масленее, еще фальшивее.

— Сделаем, господин хороший. Сделаем, как не сделать. — Он поклонился, но глазки его бегали, обшаривая оружие, одежду, сапоги. Считали. Прикидывали. — Только вот комнаты у нас... они на втором этаже. А второй этаж у нас... того... прохутился малость. Холодно там. Может, в общем зале? У печки? Тепло, чисто, люди хорошие...

— Комнаты, — отрезал Лютобор. — Две. Теплые. С замками.

На слове «замки» хозяин дернулся, но кивнул. Улыбка стала шире, но в глазах мелькнуло что-то другое — то ли досада, то ли злорадство.

Алиса села за стол в углу, спиной к стене. Лева тут же запрыгнул на лавку, оглядел зал хозяйским взглядом.

— Подозрительный тип, — тихо сказал Михай, садясь рядом.

— Хозяин?

— Все подозрительные. Место глухое, народ разный. Держи ухо востро.

Лютобор подошел, сел напротив.

— Я заказал ужин. И поспрашивал про дорогу. Дальше тракт чищен, через день будем на месте.

— Хорошо, — кивнула Алиса.

Она смотрела на него. Теперь, при свете свечей, его лицо было видно четче — тонкое, нервное, с темными глазами, которые то и дело останавливались на ней.

— Вы сегодня... — начал он. — Так не стреляют, — тихо сказал Лютобор. — Так стреляют только те, кто учился с детства. Или те... Или те, кому помогает кто-то сверху, — закончил Лютобор.

Они смотрели друг на друга.

Лева зашипел. Но не на Лютобора — на дверь.

Алиса обернулась.

В трактир вошли трое. Грубые рожи, одеты богато, но без вкуса. Оглядели зал, остановились взглядом на их столе.

— Вечер перестает быть томным, — пробормотала Алиса, кладя руку на нож.

Лютобор усмехнулся.

— Похоже, гости, — сказал он. — Не хотите ли размяться, баронесса?

— Хочу, — ответила Алиса. — Но после ужина. Сначала поесть.

Троица тем временем села за соседний стол, заказала пива и не сводила с них глаз.

— Рутгеровы? — спросил Михай.

— Или местные разбойники, — пожал плечами Лютобор. — Или просто идиоты, которым не нравятся чужаки.

Лева спрыгнул с лавки, подошел к соседнему столу, сел напротив троицы и уставился на них немигающим взглядом.

— Чего надо, кошак? — буркнул один.

Лева молчал. Смотрел.

— Убери зверя, — сказал второй, обращаясь к Алисе. — А то обидим ненароком.

— Попробуй, — тихо ответила Алиса.

Троица переглянулась.

— Ты кто такая, чтоб так разговаривать?

Алиса медленно поднялась из-за стола. Подошла к их столу, наклонилась, оперлась руками о доски.

— Я та, у кого сегодня был плохой день, — сказала она спокойно. — Меня пытались убить по дороге. Я устала, злая и голодная. И если вы не хотите стать моим способом снять стресс — советую пересесть за другой стол. Подальше. — Выбирайте, — добавила Алиса.

Троица молчала. Первый, самый здоровый, открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент Лева прыгнул ему на колени и заурчал. Громко, требовательно, как трактор.

— Чего это он? — опешил мужик.

— Он хочет есть, — пояснила Алиса. — И если вы его не накормите, он будет орать всю ночь. У вас под дверью.

Мужики переглянулись. Потом самый здоровый вдруг заржал.

— А баба с юмором! — грохнул он. — Садись, кошак, жрать будем.

Лева довольно уселся и принял из рук мужика кусок мяса. Алиса вернулась за свой стол. Михай смотрел на нее с уважением. Лютобор — с удивлением. Она взяла ложку и принялась

за еду. В трактире стало почти уютно. Но Лева, жуя мясо, поглядывал на дверь. Он чувал — ночь будет длинной.

Глава 22: Все еще дорога

Утро встретило их серым небом и тишиной.

Алиса вышла на крыльцо трактира — и замерла. Воздух был плотным, вязким, пахло снегом. Небо набухло свинцом, и где-то далеко, над лесом, уже закручивались первые вихри.

— Будет буран, — сказал Лютобор, появляясь рядом. — Надо ехать сразу или переждать?

— Переждать — это на сколько?

— На день. Может, на два.

Алиса посмотрела на дорогу, на лес, на тяжелое небо. Потом на Лева, который сидел у крыльца и нервно вылизывал лапу.

— Кот не хочет, — сказала она. — Значит, поедem.

— Кот? — Лютобор усмехнулся. — Вы серьезно?

— Серьезнее некуда. Он всегда чувствует. Если боится — надо прятаться. Если нервничает — надо быть осторожными. А если просто не хочет — значит, лучше переть напролом.

— Интересная классификация.

— Жизненная.

Михай уже выводил лошадей. Мороз крепчал, животные нервничали, косились на лес.

— Выезжаем, — сказал он коротко. — Пока не замело.

Они тронулись.

Сначала снег падал редко, лениво. Потом закрутил сильнее. А через час началось.

Метель обрушилась внезапно, будто кто-то открыл небесные ворота. Ветер взвыл, снег пошел стеной, и дорога исчезла.

— Держись! — крикнул Михай, но голос утонул в белой круговерти.

Лошади встали. Дальше идти отказывались.

— Надо искать укрытие! — Лютобор подъехал вплотную. — Здесь где-то должна быть охотничья избушка. Я помню.

Михай хлестнул лошадей, сани рванули, проваливаясь в сугробы. Алиса вцепилась в борт, Лева — в нее. Кот орал, но в ветре его было не слышно.

— Там! — заорал Лютобор, указывая в белую муть.

Что-то темнело впереди, размытое снежной пеленой. Размытый силуэт, словно призрак в белом мареве — стена? Или могучее дерево, склонившее ветви под тяжестью снега? А может, заброшенный дом, приютившийся на окраине леса?

Сани резко дернулись, будто наткнулись на невидимую преграду. Их подбросило вверх, словно на воздушной волне, и они замерли, утонув в сугробе.

— Вылезаем! — голос Михая прозвучал отрывисто, почти командно. Он спрыгнул первым, не раздумывая, и в одно движение подхватил Алису на руки, унося ее прочь от занесенных саней.

Лютобор тем временем сражался с древней дверью — замерзшей, покрытой коркой льда, будто заколдованной. Его руки скользили по обледеневшим петлям, но наконец-то дверь поддалась, со скрипом отворив свои недра.

Они ввалились внутрь, в крошечную тьму, где пахло сыростью, мышами и заброшенностью — запахом давно покинутого дома.

Кот, словно тень, вырвался из рук Алисы и растворился во мраке.

— Лева! — ее крик эхом отразился от стен.

В ответ донеслось довольное мурлыканье — кот уже освоился в новом пространстве, изучая каждый уголок.

Михай, не теряя времени, чиркнул кресалом. Слабый огонек свечи ожил, робко выхватывая из темноты очертания комнаты: покосившуюся лавку, стол, покрытый слоем пыли, и печь-каменку в углу, словно хранильницу домашнего очага.

— Жилище, — произнес Лютобор, обводя помещение внимательным взглядом. — Старое, но целое. Дрова есть — значит, есть шанс выжить.

— Печь топить можно? — зубы Алисы уже выбивали дробь от холода, пальцы не слушались.

— Попробуем, — коротко ответил Михай.

Вместе с Лютобором они завели лошадей в избу — те упирались, храпели, чуя недоброе, так, что пришлось заталкивать силой. Разместили их в дальнем углу, распрягли, насыпали корма из последних запасов.

Час спустя в избушке стало тепло. Тепло разливалось по комнате, прогоняя стужу и страх. Михай, словно опытный хозяин, натаскал снега, растопил его, наполнил котелок чистой водой, не забывая заботиться и о лошадях. Лютобор колдовал у печи с такой уверенностью, будто всю жизнь только этим и занимался — языки пламени послушно плясали в его руках. Алиса, оживая от тепла, развернула припасы: на столе появились ломти хлеба, сало, вареное мясо — скромная, но такая желанная еда.

Лева, довольный и сонный, устроился на лавке, жмурясь от тепла и урча, словно довольный бог огня.

— Ну что ж, — произнесла Алиса, протягивая озябшие руки к огню. — Похоже, здесь мы и застрянем, пока метель не утихомирится.

И в этой простой избушке, среди потрескивания дров и мурлыканья кота, они нашли временное убежище от бушующей стихии за окном.

Лютобор сидел у стены, привалившись спиной к теплым доскам, и смотрел на огонь. Пламя плясало в маленькой печурке, бросало тени на низкий потолок, выхватывало из темноты лицо Михая, замершего у двери, и Алису, которая устроилась на кровати, прижимая к себе Леву.

Он молчал уже долго. Так долго, что тишина начала давить.

— Рассказывай, — сказала Алиса негромко, но твердо. — О брате. О себе. О том, почему уехал. Мы тут надолго, а врать друг другу в такой тесноте — себе дороже.

Лютобор усмехнулся — криво, одними уголками губ. Усмешка вышла невеселой, горьковатой, но обид не было. Он понимал: она права. В этой комнате, за этой дверью, за которой могло таиться что угодно, ложь становилась роскошью, которую никто не мог себе позволить.

— Кречет был старше на десять лет, — начал он, и голос его звучал глухо, будто издали. — Я его помню с детства... всегда недовольным. Всегда злым.

Он замолчал, глядя в огонь, и перед глазами поплыли картины — старые, полустертые, как выцветшие гобелены.

Вот ему, Лютобору, пять лет, он бежит по двору, спотыкается, падает в грязь. Кречет, которому уже пятнадцать, проходит мимо, даже не взглянув. Только брезгливо перешагивает через распластанное тело.

Вот они за столом. Отец, грузный, краснолицый, похлопывает Кречета по плечу: «Вот мой наследник, вот моя гордость!» На Лютобора — ноль внимания. Сын и сын. Для порядка родили, чтоб не один был.

Вот мать. Тихая, бледная, вечно больная. Она гладит его по голове, когда никто не видит, шепчет: «Терпи, маленький. Вырастешь — уедешь». Потом ее не стало.

— Отец любил его больше, — продолжал Лютобор. — Первенец, наследник, продолжатель рода. Я был... так. Для порядка. На всякий случай, если с Кречетом что случится.

Он провел рукой по лицу, будто сгоняя наваждение.

— А мать? — тихо спросила Алиса.

— Умерла, когда мне было пять. — Голос его дрогнул, но тут же выровнялся. — Просто не проснулась однажды утром. Лекарь сказал — сердце. Кречет тогда уже всю команду командовал, отца заменил. А после смерти отца — он и вовсе стал полным хозяином.

— А ты?

— А я стал лишним ртом. — Лютобор усмехнулся, но усмешка вышла злой. — Кречет меня не трогал. Не бил, не гнал. Просто не замечал. Будто я — пустое место. Мебель. Тень. Это, знаешь, иногда хуже побоев.

Он помолчал, глядя, как угли в печурке проваливаются, осыпаются искрами.

— Я уехал, как только смог. Пятнадцать лет мне было. Сказал: «Прощай, брат. Не поминай лихом». А он даже не обернулся. Сидел за столом, бумаги свои перебирал, только рукой махнул: «Иди, куда хочешь. Мне дела нет».

Алиса представила эту картину: мальчишка, почти ребенок, стоит на пороге отчего дома, а старший брат даже головы не поднял. Холод пробежал по спине.

— И что дальше?

— А дальше — жизнь. — Лютобор пожал плечами. — Вступил в войско, потому что больше ничего не умел. Там научили мечом махать, стрелять, в седле держаться. Потом в стражу подался — в большом городе, где платят исправно. Потом — сам по себе. Торговал помаленьку, возил товары, охранял караваны.

Он замолчал, будто решая, говорить дальше или нет.

— Женился даже, — сказал наконец тихо. — Хорошая была девушка. Из купеческой семьи, небогатой, но честной. Любил я ее.

Алиса замерла, чувствуя, что дальше будет что-то страшное.

— Умерла. — Лютобор смотрел в огонь не мигая. — И сын тоже. Не выжил.

Тишина в комнате стала такой плотной, что, казалось, ее можно было резать ножом. Михай отвернулся к стене, пряча глаза. Алиса прижала Леву крепче, чувствуя, как под шерстью бьется теплое кошачье сердце.

— Прости, — сказала она тихо.

— За что? — Лютобор покачал головой. — Ты не виновата. Никто не виноват. Так бывает. Боги забирают, не спрашивая.

Он помолчал, потом продолжил:

— После этого я и подался в вольные стрелки. Смерти искал, если честно. Ввязывался в самые гиблые дела, лез под стрелы, вызывал на бой тех, кто сильнее. А смерть не брала. Видно, не пришел еще мой срок.

— А потом?

— А потом узнал, что Кречет убит. — Лютобор перевел взгляд с огня на Алису. — Не поверил сначала. Думал — слухи, сплетни. Кречет был хитрый, как лис, и осторожный, как волк. Не мог он так просто... Но слухи подтвердились. Кто-то из старых знакомых рассказал подробности. И тогда я начал копать.

Он подался вперед, и тени на стене качнулись, выросли.

— Нашел свидетелей. Тех, кто видел, как все было. Нашел повитуху — она сначала отказывалась говорить, боялась. Я ей заплатил. Хорошо заплатил. И она рассказала про ребенка. Про то, что его... того. Не своей смертью.

Алиса вздрогнула. Лева поднял голову, насторожился, но промолчал.

— Понял тогда, что Рутгер за всем стоит. — Голос Лютобора стал жестче. — Он всех убрал, кто мог мешать. Кречета — потому что земли нужны были. Вашего ребенка — потому что наследник. И вас, — он посмотрел на Алису в упор, — оставил. Думал, что сдохнете сами. Вдова в разоренном поместье, без денег, без людей — какой от нее прок? Сама уйдет, земля перейдет к нему по праву соседства.

— Но я не ушла.

— Не ушли. — Лютобор усмехнулся. — И это хорошо.

Он откинулся назад, снова привалился к стене.

— Знаешь, баронесса, я ведь думал: может, не лезть? Может, так и надо? Кречет был гадом. Всю жизнь меня не замечал, людей своих не жалел, чужих не считал. Его смерть — не потеря. А может, и справедливость.

— Но приехали.

— Приехал. — Лютобор кивнул. — Потому что ребенок. — Он сглотнул, и желваки заходили на скулах. — Он не заслужил. Ничего не заслужил. Не успел. И я подумал: если я сейчас отвернусь, если не помогу той, кто пытается восстановить справедливость, — чем я лучше Кречета? Чем я лучше Рутгера?

Алиса молчала. Внутри нее все переворачивалось — чужое горе, чужая боль, чужая решимость. И рядом с этим — свое. То, что она несла в себе с того самого сна, с той самой комнаты, где умирала настоящая Искра.

— Вы что-то скрываете, — сказала она вдруг, глядя ему прямо в глаза. — Я чувствую. Есть что-то еще.

Лютобор поднял глаза. Долго смотрел на нее, будто решая, стоит ли говорить. Потом медленно кивнул.

— Все скрывают, баронесса. — Голос его стал тише, почти шепотом. — И вы — тоже.

Повисла тишина. Такая, в которой слышно было, как за стеной воет ветер, как скребется мышь где-то в подполе, как Лева переворачивается с боку на бок, устраиваясь поудобнее.

Алиса первая отвела взгляд.

— Ладно, — сказала она устало. — Правда за правду. Когда-нибудь. Не сейчас.

— Не сейчас, — согласился Лютобор.

Алиса легла, прижалась к теплому кошачьему боку и закрыла глаза. Перед внутренним взором все еще стоял Лютобор, рассказывающий о брате, о матери, о мертвой жене и мертвом сыне. О боли, которую не выплакать, не выкричать, не заглушить вином.

«Все скрывают», — сказал он.

И был прав.

Она тоже скрывала. Чужое тело, чужую жизнь, чужие сны. И то, что камень на груди сегодня стрелял синим огнем.

За стеной снова завывало — то ли ветер, то ли зверь. Алиса открыла глаза, прислушалась. Лютобор сидел у двери, меч на коленях, лицо в тени. Не шевелился. Ждал.

— Спите, баронесса, — сказал он тихо. — Я здесь.

Лева вдруг поднял голову, посмотрел на дверь. Напрягся. Но не зашипел. Смотрел долго, не мигая на дверь, и в его глазах плясали отблески огня.

— Ложись, — сказала Алиса коту. — Я постерегу.

Кот не послушался.

Она вернулась к огню. Михай уже задремал, сидя у стены. Лютобор смотрел на пламя.

— Станный у вас кот, — сказал он тихо. — Он не просто кот?

— А кто?

— Не знаю. Но такие звери просто так не приходят.

Алиса вспомнила Велену. «Он не просто кот». Тогда не спросила. А сейчас?

— Пришел — и ладно, — сказала она. — Без него я бы уже раз пять умерла.

Лютобор кивнул.

— Понимаю. У меня тоже был такой. Пес. Погиб, когда жену спасал. Не спас. С тех пор ни зверей, ни людей близко не подпускаю. А сейчас — вы, — он посмотрел на нее. — И сам не знаю, почему.

В его взгляде было что-то, от чего Алисе стало не по себе.

Кот молчал. Ветер выл за стеной. Метель не унималась. Где-то в лесу, в белой круговерти, бродили тени.

Или показалось.

Глава 23: Утро в лесу

Алиса проснулась не от звуков, а от их отсутствия. Тишина давила на уши, как мокрая вата. Ветер стих. Метель выдохлась, оставив за стенами избушки белое, безмолвное, почти мертвое пространство. Даже треск остывающей печи казался чужеродным, слишком громким для этого утра.

Лева сидел у двери. Не спал — просто смотрел. Зеленые глаза в полумраке горели ровным, немигающим огнем.

— Давно не спишь? — прошептала Алиса, боясь разрушить хрупкое равновесие тишины.

Кот моргнул медленно. Спрыгнул с лавки, прошел бесшумно, ткнулся холодным носом в ее запястье. Требовательно. Как часовой, сдающий смену.

Она натянула тулуп, запахнула воротник, шагнула на крыльцо.

Холод ударил в лицо — резкий, сухой, пахнувший хвоей и мокрой сталью. Солнца еще не было, но небо уже светлело: тяжелое, свинцовое, готовое снова обрушить снег. Вокруг избушки сугробы поднялись выше колена, ровные, нетронутые. Почти.

Кроме следов.

Они были повсюду.

Волчи. Крупные, четкие, вдавленные в снег до самой земли. Стая обошла избушку кольцом. Не раз, не два — они кружили, подходили к порогу, к окнам, к углам сруба, замирали. Дышали. Слушали. Но не переступили черту.

— Лева, — выдохнула Алиса. Пар вырвался из губ облачком и тут же растаял.

Кот уже сидел на перилах. Хвост обмотал лапы. Смотрел на следы не со страхом. С тем спокойным, древним презрением, какое бывает у существ, помнящих времена, когда волки еще кланялись луне не из страха, а из уважения.

Дверь скрипнула. Первым вышел Михай — потер шеей, зябко крикнул, устоялся в снег. За ним, прикрывая проем плечом, появился Лютобор. Меч уже был в руке. Не обнажен, но рука лежала на рукояти, как на старой клятве.

— Мать честная, — пробормотал Михай. Голос сел. — Стая. Голов десять. Не меньше.

— Почему не напали? — Лютобор не сводил глаз с дорожек. Пальцы медленно провели по краю отпечатка. Снег был плотным, но не примятым. Они не рвались внутрь. Они проверяли.

Алиса перевела взгляд на Леву. Кот сидел неподвижно. Только уши слегка повернуты к лесу.

— Может, чуяли, что тут не просто люди, — сказала она тихо.

Михай фыркнул, но без насмешки. Просто усталостью.

— Волки зимой голодные. На все кидаются. А тут — обошли, постояли и ушли. Не иначе, как чуют подвох.

— Не подвох, — Лютобор поднялся. В голосе звенела тихая уверенность. — Волки умнее, чем думают охотники. Они чуют силу. И слабость. И границы. Здесь граница была. Они ее признали.

Он посмотрел на Леву. Кот ответил долгим, тяжелым взглядом. В нем не было угрозы. Было напоминание.

Алиса вдохнула. Воздух обжег легкие. Она знала: они ушли не навсегда. Они просто отступили. Как вода перед камнем. Но камень не вечен.

— Седлаем, — сказала она. Голос не дрогнул. — Выезжаем, пока тропу опять не занесло. Лева спрыгнул с перил. Прошел мимо, задел ногу. И первым направился к саням.

Дорога до тракта заняла полдня — или три вечности, если мерить не часами, а ударами сердца и хрустом наста под копытами. Снег был рыхлым, глубоким, и лошади выбивались из сил уже к полудню.

Лютобор ехал впереди. Михай правил лошаадьми, то и дело спрыгивая в сугроб, упираясь плечом в верхнюю часть саней, толкая, матерясь сквозь зубы, снова запрыгивая. Руки его покраснели до багрового, пальцы одеревенели.

Алиса сидела, прижимая к груди Леву. Кот грелся под тулупом, тихонько мурлыкал в такт скрипу полозьев. Она смотрела, как лес по сторонам редет — сосны уступают место березняку, березняк — кустарнику, а потом и вовсе расступается, обнажая белые, выстуженные поля. Воздух стал другим: не хвойным, а открытым, пахнущим дымом и далекой цивилизацией.

К вечеру впереди, за линией пригорка, показались огни. Не костры, не пожар — ровные, желтые, упорядоченные. Предместья.

— Предместья, — сказал Лютобор, подъезжая ближе. Голос его осип от холода и молчания. — До столицы еще верст десять. Здесь можно заночевать. Или ехать дальше?

Алиса провела рукой по замерзшей щеке. Посмотрела на небо — тяжелое, готовое разразиться новой метелью. На сани, на измученных лошадей, на Михайло, уже вытирающего лицо рукавом.

— Едем, — сказала она. — Пока не замело.

Они поехали дальше. И столица возникла из темноты неожиданно.

Сначала — стена. Высокая, каменная, уходящая в сумрак по обе стороны, словно каменный хребет спящего зверя. Башни через каждые сто шагов, на зубцах мерцали факелы, их пламя трепетало на ветру, высекая из тьмы силуэты алебард и шлемов. У ворот стояла стража — не лесные дозорные в лохмотьях, а люди в одинаковых плащах, с четкими лицами и спокойными, оценивающими взглядами.

Лютобор подъехал, остановил коня. Сказал что-то низким, ровным голосом. Достал из-за пазухи сверток пергамента, подал. Стражник развернул, пробежал глазами строки, кивнул. Не спросил ничего лишнего. Махнул рукой — проезжайте.

Ворота открылись с тяжелым скрипом, и они въехали.

Алиса замерла. Смотрела во все глаза.

Дома здесь были не бревенчатые, а каменные — в два, а то и в три этажа, с острыми крышами и окнами, за которыми горел теплый свет. Улицы мощеные, хоть и под слоем снега, но уже протоптанные до брусчатки колеями и следами. Фонари — настоящие, чугунные, с толстыми стеклами и масляными лампами внутри — висели через каждые несколько шагов, отбрасывая длинные, дрожащие тени. Люди, даже в этот поздний час, не спали. Ходили толпами, кутаясь в меха и шерсть. Возницы покрикивали на лошадей, где-то смеялись, где-то резко переругивались. Запахи били в нос: жареное мясо, уголь, конский навоз, дешевые духи, сырость камня.

— Как в другом мире, — выдохнула Алиса. Голос прозвучал чужим в этом гуле.

— Так и есть, — отозвался Лютобор, не оборачиваясь. В его тоне не было иронии. Только констатация. — Добро пожаловать в столицу, баронесса.

Лева высунул нос из-под воротника тулупа. Огляделся. Чихнул — резко, недовольно. И снова спрятался, прижав уши.

— Ему не нравится, — заметил Михай, поправляя вожжи.

— Мне тоже, — призналась Алиса. Холод пробирает до костей, но дело не в нем. В воздухе висело что-то плотное, невидимое, как напряжение перед грозой. — Но делать нечего.

Лютобор свернул с главной улицы в переулок. Потом в другой. Гул позади стал глуше, фонари реже, снег — чище, нетронутый сапогами и колесами. Наконец они остановились у высокого дома. Трехэтажный особняк, темный, молчаливый, с коваными воротами, покры-

тыми инеем. Окна на первом этаже были затемнены. На втором — в одном горел слабый, ровно горящий свет.

— Мое городское жилье, — сказал Лютобор, останавливая коня перед кованными воротами. Голос прозвучал ровно, без гордости и без извинений. — Скромно по столичным меркам. Но безопасно.

Михай спрыгнул в снег, отряхнул полы, подошел к воротам. Постучал — трижды, четко, как требовал негласный городской обычай.

Тишина. Потом — тяжелый, размеренный шаг из глубины двора. Металлический лязг засова. Дверь отворилась.

На пороге стоял слуга. Высокий, прямой, в темной ливрее с едва заметной вышивкой на воротнике. Лицо — как вырезанное из дерева: ни любопытства, ни удивления, только готовность.

— Подготовь комнаты для гостей, — сказал Лютобор, не слезая с седла. — И ужин. Нагрей воды. Все, как обычно.

— Слушаю, господин, — голос слуги был тихим, ровным, без единой лишней интонации. Он шагнул в сторону, пропуская их внутрь.

Они вошли. Дверь за спиной захлопнулась, отрезая ветер, холод, гул улицы. Внутри сразу ударило тепло — сухое, живое, пахнущее дровами, воском и чем-то пряным, мясным, тягучим. У Алисы перехватило дыхание. Желудок, молчавший последние сутки, внезапно напомнил о себе резким, болезненным спазмом. Она даже не успела осознать, как сильно устала.

— Прошу, — Лютобор указал на широкую лестницу с перилами из темного дерева. — Комнаты на втором этаже. Располагайтесь. Ужин через час.

Он не добавил «отдыхайте». Не спросил «как самочувствие». Просто развернулся и пошел по коридору, его шаги тонули в толстом ковре, а плащ скользнул по стене, оставив на ней легкий шорох.

Алиса поднялась. Доски не скрипели. Дверь в отведенную ей комнату открылась легко.

Внутри было... правильно. Кровать — настоящая, высокая, с пышной периной и тяжелым одеялом. Массивный стол, резной стул, умывальник с медным кувшином и тазом. На полке — стопка чистых полотенец, сложенных углом. На стене — зеркало в серебряной раме. И ни одной картины. Ни портретов. Ни гербов. Стены были чисты, как в гостинице для тех, кто не любит оставлять следов. Свечи в подсвечниках уже горели, отбрасывая мягкий, ровный свет.

Она медленно сняла тулуп, повесила его на крюк. Пальцы дрожали — не от холода, от внезапной, почти физической разрядки.

— Лева, — она посадила кота на покрывало, — мы в раю.

Кот обошел кровать по краю, принялся к ножкам, покрутился три раза и улегся, свернувшись в плотный ком. Глаза прикрыл, но уши остались повернуты к двери. Хвост лежал неподвижно, как прижатый клинок.

Алиса опустилась на край кровати. Пружина не скрипнула. Пух не зашуршал. Только ее собственное дыхание.

— Или в западне, — добавила она тихо, почти одними губами.

Лева не ответил. Только ноздри чуть расширились, ловя воздух.

За окном, за толстыми стеклами и двойными рамами, столица гудела, жила, дышала. Где-то далеко крикнул возница, прогудел колокол, засмеялись прохожие. Но здесь, в этой комнате, в этом доме, было тихо.

Слишком тихо.

Как в помещении, где воздух давно отстоялся. Как в ловушке, захлопнувшейся без звука.

Глава 24: Столица

Алиса проснулась не от света, а от тяжести. Кто-то методично, с хозяйской уверенностью топтался у нее на груди. Когти пока не выпускал, но вес был ощутимым. Наглым таким.

— Лева, убью, — прохрипела она, не открывая глаз. Голос сел от сна и сухого, перетопленного воздуха.

Кот в ответ ткнулся мокрым, ледяным носом прямо в подбородок, потом прошелся лапой по щеке — мягко, но неумолимо. Заурчал. Густо, раскатисто. Мол, просыпайся, хозяйка. Город не ждет, а ты дрыхнешь.

Она села. Простыни с шуршанием соскользнули с плеч. За окном лился серый, разбавленный утренний свет, но в комнате стояла духота — кафельная печь в углу все еще дышала ночным жаром, отдавая его вперемешку с запахом сушеных трав, воска и чистого льна. Перина, высокая подушка, хрустящее постельное белье... После недель в промерзшей избе Михая, где вода в кувшине покрывалась коркой, а пальцы не слушались до обеда, это казалось не просто роскошью. Это казалось чужим. Непозволительным. Как будто ее еще раз временно поселили в чужой шкуре.

Она встала. Босые ступни коснулись теплого пола. Подошла к окну, отодвинула тяжелую штору.

Внизу просыпалась столица. Не торопясь, но неумолимо. Редкие прохожие, кутающиеся в плащи и шарфы. Торговка у каменного забора, бережно перекладывающая в корзине что-то, прикрытое грубой мешковиной. Мальчишка в заплатанном полушубке, уныло ковыряющий слежавшийся снег деревянной лопатой у ворот. Дома напротив — добротные, каменные, с черепичными крышами, покрытыми инеем, и резными ставнями, плотно закрытыми на ночь. Чисто. Богато. Выстроено по линейке.

И абсолютно чуждо.

— Не наш это мир, Лева, — сказала она тихо. Пар не шел изо рта, но внутри все равно холодило.

Кот, уже устроившийся на широком подоконнике, согласно мявкнул. Коротко. Без эмоций. Уши чуть повернуты к двери. Хвост лежит неподвижно, как прижатый клинок.

Тишина.

Потом — стук в дверь.

Не громкий. Не торопливый. Три удара. Ровные, выверенные. Как отмеренные.

Алиса замерла. Рука невольно дернулась к поясу, где должен был быть нож, но его не было. Только тулуп висел на крюке, тяжелый, пахнущий дымом и дорогой.

— Войдите, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Барыня, — голос Михая за дверью прозвучал приглушенно, но четко. Так говорят люди, привыкшие докладывать быстро, по делу и без лишних вздохов. — Вставайте. Там это... гость. Инквизитор. Владислав фон Торн. Внизу ждет.

Алиса замерла. Слово «инквизитор» упало в тишину комнаты, как свинец в воду. Звонко. Тяжело. Откуда он узнал, что она в доме Лютобора? Вопросы роились, ледяные, острые, но времени на них не было. В столице время принадлежало тем, кто умел его забирать.

Она шагнула к вешалке. Платье — то самое, дорожное, измятое в пути, пахнущее костровым дымом, конским потом и мокрой шерстью. Другого не было. Надела, застегнула крючки дрожащими пальцами, пригладила волосы ладонями, сколько хватало терпения. В зеркале отразилась уставшая женщина в чужой, слишком теплой комнате. Гостя. Или заложница.

Лева спрыгнул с подоконника. Прошел мимо ног, хвост трубой, шаги — ни звука. То ли щит, то ли разведчик. Алиса не гадала. Пошла следом.

В коридоре Михай стоял, как вкопанный. Хмурый, сжатый, словно пружина, загнанная под самое основание механизма. Руки висели вдоль тела, но плечи были приподняты, взгляд — скользящий, цепкий. До меча — полсекунды. Не больше.

— Давно он? — спросила Алиса, стараясь, чтобы голос не выдал дрожи.

— С полчаса. — Михай сглотнул. Адамово яблоко дернулось. — Вошел, как к себе домой. Стражу у ворот не остановил, в калитку не ломился. Просто... оказался внутри. Я его встретил уже в гостиной. Стоял у камина. Грелся. Как будто ждал, когда проснемся.

Алиса кивнула. Ответ был в самой паузе, в том, как Михай произнес «оказался внутри». Инквизиция в столице не стучалась. Она входила. И двери открывались сами.

Она шагнула на лестницу. Дерево глухо скрипнуло под ее весом. Лева шел следом, пружинисто, бесшумно, оставляя на ступенях лишь едва заметные вмятины на ковре. На площадке Михай остался. Не сказал ни слова. Просто замер, вписавшись в тень перил, готовый рвануть вниз при первом неверном звуке.

Внизу, в гостиной, трещал огонь. Воздух был сухим, прогретым, пахнувшим дубовыми поленьями, воском и еще чем-то. Чем-то острым, металлическим. Как перед грозой.

Влад стоял у камина. Спиной к лестнице.

Высокий. Руки заложены за спину. Плечи расслаблены. Он не обернулся. Не поприветствовал. Просто стоял, глядя в огонь, и ждал, пока она сделает первый шаг в его игру.

Огонь плясал в камине, бросал тени на стены, и в этом свете фигура инквизитора казалась вырезанной из темного дерева — резкая, угловатая, живая. Плащ снят, небрежно брошен на спинку кресла. Меч при поясе — не парадный, не церемониальный, а настоящий, боевой, с потертой рукоятью, которую сжимала не одна рука в бою.

Спутник его — старший, со шрамом через все лицо — замер у двери. Он не двигался, смотрел в одну точку на стене, но Алиса кожей чувствовала: этот человек видит все. Каждое ее движение, каждое дыхание, каждый взгляд. Такие люди не спят, не моргают, не отвлекаются. Они — стена.

— Баронесса, — Влад обернулся на звук шагов, поклонился — ровно настолько, чтобы соблюсти приличия, но не уронить достоинства. — Рад видеть вас в добром здравии. Учитывая обстоятельства.

Голос у него был низкий, спокойный, чуть с хрипотцой — голос человека, который привык, что его слушают.

— Взаимно, — Алиса спустилась, села в кресло у камина, жестом указала на соседнее. Лева тут же запрыгнул к ней на колени, уставился на инквизитора с выражением «ну, давай, рассказывай, я слушаю».

Влад сел. Руки положил на стол — открыто, без угрозы. Но глаза его — темные, глубокие, с каким-то странным блеском в глубине — смотрели изучающе, пронзительно.

— Вы здесь по делу или так, поведать? — спросила Алиса, беря быка за рога.

— И по делу, и поведать. — Он чуть наклонил голову, будто оценивая ее прямооту. — Слышал, вы приехали с Лютобором.

Не спросил — утвердил.

— Столица маленькая, баронесса. — Влад усмехнулся одними уголками губ. — Здесь все узнают быстрее, чем вы успеете снять плащ. Кто с кем приехал, кто кому должен, кто на кого смотрит косо. Мой вам совет: привыкайте.

Алиса промолчала. Ждала.

— Вы ему верите? — спросил Влад прямо, без предисловий. — Лютобору?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый, как камни в подвале башни.

— Это допрос?

— Это предупреждение. — Влад подался вперед, и свет камина упал на его лицо, выхватил резкие скулы, тонкий шрам у виска, тени под глазами человека, который мало спит и много думает. — Я пришел не враждовать. Пришел предупредить. Лютобор не тот, кем кажется.

Алиса ждала продолжения.

— У него свои интересы в этой игре. — Влад говорил тихо, но каждое слово падало, как капля воды в тишине. — И они не во всем совпадают с вашими. Он может быть полезен. Может быть опасен. Но он никогда не будет до конца вашим человеком. Потому что у него есть цель, о которой он вам не рассказал.

— Сейчас наши интересы совпадают. — Алиса ответила твердо, хотя внутри шевельнулся холодок. — Рутгер.

— А после?

— После видно будет.

Влад смотрел на нее долго. Очень долго. Потом вдруг встал, прошелся по комнате — несколько шагов туда-обратно, будто мерил клетку, в которой сидел хищник.

— Я могу помочь, — сказал он, остановившись у окна. — У меня есть связи, есть люди. Есть информация, которой нет ни у кого. Если Лютобор вас подведет...

— То вы подведете вместо него? — перебила Алиса, не дав договорить.

Он обернулся резко, будто его ударили. В глазах мелькнуло что-то — боль? удивление? злость? — но тут же исчезло, спряталось за маской спокойствия.

— Я не подведу.

Слишком твердо. Слишком лично. Слишком похоже на обещание, которое дают не по долгу службы, а по велению сердца.

Алиса поднялась, подошла к окну. Встала рядом с ним, глядя на серое утро, на заснеженный двор, на фигурку стражника у ворот, который грел руки дыханием.

— Знаете, Владислав, — сказала она негромко, не оборачиваясь. — Есть поговорка: доверяй, но проверяй. Я проверяю всех. Вас — тоже.

Она чувствовала его взгляд на затылке — тяжелый, почти осязаемый, как ладонь, прижатая к коже. Воздух между ними сгустился, пахнувший воском, дымом и чем-то металлическим. Как перед ударом.

— Поэтому я выслушаю ваше предупреждение, — сказала Алиса. Голос не дрогнул. — Приму помощь, если понадобится. — Она выдержала паузу, ровно дыша. — Но выбирать между вами и Лютобором не буду. Пока. Выберу, когда пойму, чья правда тяжелей лжи. А до тех пор — вы оба мне нужны.

Тишина в комнате стала такой плотной, что, казалось, даже огонь в камине притих, прижал языки пламени к поленьям.

И тогда Лева прыгнул с кресла.

Не торопясь. Не шипя. Прошел три шага по ковру — бесшумно, как тень — и сел перед Владом. Хвост обвил лапы. Уши — прямо. Взгляд — немигающий, тяжелый, древний.

Влад не дрогнул. Не отвел глаз. Не сделал резкого движения. Просто встретился с котом взглядом. Секунда растянулась, стала вязкой, как смола.

Потом Влад сказал тихо. Не Алисе — себе, или тому, что стояло за глазами кота:

— Он смотрит не на меня. Он смотрит на то, что я несу. Умен.

Алиса замерла. Поняла: Влад не суверен. Не гадает. Он *знает*. Знает старые договоры, которые не записаны в указах. Знает, что в столице есть силы, не подчиняющиеся ни приказам, ни титулам, ни даже Инквизиции. И Лева — одна из них.

Влад медленно, не отрывая взгляда от кота, полез во внутренний карман плаща. Достал небольшой предмет, завернутый в потертый шелк цвета запекшейся крови. Развернул ткань.

На ладони лежал жетон. Плоский, из темного металла, с выгравированным знаком весов — не тех, что для торговли, а тех, что для суда. Края были стерты, будто его долго носили, не показывая.

Влад не протянул жетон Алисе. Положил на край каминной полки, рядом с подсвечником. Оставил. Как выбор.

— Это не пропуск, — сказал он, наконец отводя взгляд от Левы. Кот моргнул, но не сдвинулся. — Это метка. Если вам понадобится тишина — покажите его страже храма. Если понадобится гром — сожгите. Инквизиция не требует отчета. Она требует ясности.

Алиса смотрела на жетон. Не брала. Понимала: взять = принять долг. Оставить = объявить нейтралитет, который в столице читают как слабость.

Лева поднялся. Подошел к полке. Сел рядом с жетоном. Посмотрел на Алису. Не мявкнул. Не подтолкнул. Просто был рядом.

Она взяла жетон двумя пальцами. Металл оказался холодным, тяжелее, чем выглядел. Будто впитал чужие решения, чужие границы, чужие молчаливые сделки. Положила в карман платья. Ткань сразу потяжелела. Стала чужой.

Влад поклонился. Медленно. Без суеты, без подобострастия — жест человека, привыкшего склонять голову только перед необходимостью.

— Я буду рядом, баронесса. Если понадобится — пошлите весточку в храм. Меня найдут.

Он шагнул к двери. Остановился на пороге. Овернулся. В глазах его больше не было льда — только усталость и то, что Алиса теперь узнала: предостережение человека, который видел слишком много границ, перейденных слишком поздно.

— И еще. Канцлер Северного Приказа — старый лис. Ему нельзя верить ни в чем. Никогда. Но с ним можно иметь дело, если знать, где у него болит. Лютобор вас к нему поведет? — Голос стал тише, но четче. — Не сомневайтесь ни в чем, что там увидите. Там все — игра. Каждое слово. Каждый взгляд. Каждое движение. Даже дыхание.

Он сделал паузу. Посмотрел на Леву, все еще сидящего у камина.

— И помните: Канцлер не боится Инквизиции. Он боится того, что не может учесть. Того, что не вписывается в его книги. — Тонкий намек, острый, как игла. — У вас теперь есть и то, и другое. Используйте с умом.

Он вышел. Дверь закрылась без звука. Странно. Неестественно. Для такой массивной дубовой створки тишина должна была прозвучать как удар. Но ее не было. Только мягкий щелчок засова. И сразу — отзвук копыт по мостовой за окном. Уезжал. Не торопясь. Уверенно.

Лева поднялся. Подошел к Алисе. Терся о ногу, мурлыкал — низко, вибрирующе, будто настраивая внутренний камертон обратно на ее ритм.

Она опустила в кресло. Рука невольно сжала карман. Жетон холодел, тяжелел, напоминал.

Минуту спустя по лестнице спустился Михай. Сапоги ступали тяжело, намеренно громко, будто проверяя: не изменилось ли пространство после визита.

— Ну что? — спросил он, останавливаясь в трех шагах. Голос ровный, но в висках пульсировала жилка.

— Ничего, — Алиса провела ладонью по шершавой спинке кота. — Просто очередная партия в шахматы.

— И кто кем ходит?

— Пока неясно. — Она почувствовала, как жетон в кармане слегка повернулся, будто ища свое место. — Но кажется, я здесь единственная, кто еще не выбрал сторону.

Михай фыркнул. Снял перчатки, бросил их на стол.

— Или единственная, кто видит, что сторон на самом деле не две. А больше.

Алиса посмотрела на него. Впервые за все время — с настоящим, не скрытым за усталостью уважением.

— Умнеее, Михай.

— С вами поневоле умнеешь, барыня, — он усмехнулся, но в улыбке не было легкости. — Скажу, что правда у каждого своя. А выбирать вам. Я мужик простой, — пожал плечами, — но вижу: оба на вас смотрят Как на ту, которую не хочется терять. Завтракать будете?

— Буду. Но сначала — думать.

Он кивнул, развернулся и вышел, оставив ее наедине с огнем.

Алиса сидела неподвижно. Лева на коленях мурлыкал, согревая, но ее пальцы оставались холодными. В кармане жетон лежал тяжелый, чужой, немой.

За окном столица жила своей размеренной, безжалостной жизнью. А внутри, в тишине гостиной, мысли метались, сплетались в узлы, искали зацепку.

Лютобор. Влад. Канцлер. Рутгер. Инквизиция. Северный Приказ.

Кто враг? Кто друг? Кто просто пешка, уверенная, что она — игрок?

И главное — кому верить, когда доверие стало самой дорогой валютой, а расплачиваться за него приходится кровью?

Она закрыла глаза. Дышала ровно. Ждала.

Шахматы только начались. И она еще не знала, чьими руками будут двигать фигуры.

Но теперь у нее был жетон. И кот. И тишина, которая весила больше слов.

Глава 25: Канцлер

Утренний стук в дверь разбудил ее раньше, чем успел рассеяться сон. Резкий, но сдержанный. Не слуга.

— Баронесса, — голос Лютобора за порогом звучал натянуто, как струна, готовая лопнуть. — Через час едем к канцлеру. Оденьтесь... ну, как сможете. У меня остались вещи жены. Подберем. Там еще всякое: кремы, ленты, шпильки. Все на месте.

Шаги удалились. Не дожидаясь ответа.

Алиса села. Простыни соскользнули с плеч. На столике у стены стояло небольшое овальное зеркало в потускневшей раме. Она наклонилась. Лицо — обветренное, с тонкой сеткой морозных трещинок на скулах. Под глазами — темные, провалившиеся тени. Волосы спутались в тяжелые, пыльные пряди, требующие воды, мыла, доброй половины дня на расчесывание. Кожа пахла дымом и дорогой.

— Лева, — сказала она, не отводя взгляда от отражения, — я похожа на пугало.

Кот, дремавший на подушке, открыл один глаз. Мявкнул коротко. Одобрительно.

Через час она стояла перед высоким зеркалом в гостиной и не сразу поняла, на кого смотрит.

Платье оказалось темно-синим, плотным, из добротной шерсти. Ворот и манжеты оттеняла серебряная вышивка — строгая, без излишеств, но дорогая. Оно село почти идеально. Покойная жена Лютобора, судя по всему, была ее сложения, и ткань послушно легла по плечам, талии, бедрам, не стесняя движений, но и не прощая небрежности. Пахло старой лавандой, кедром и чем-то неуловимо личным, что уже не принадлежало никому. Туфли на низком, устойчивом каблуке тоже пришлись впору. Волосы, вымытые, высушенные и убранные в тугую, аккуратный узел на затылке, открыли шею и лицо, придав ему ту самую строгую ясность, которую она разучилась видеть в себе.

В стекле стояла не измученная странница, промерзшая до костей. Стояла баронесса. Или то, что от нее требовали.

— Красиво, — раздался голос от двери.

Она обернулась. Михай стоял, прислонившись плечом к косяку. Руки скрещены на груди, взгляд — тяжелый, не отрывающийся. Не оценивающий. Скорее... запоминающий. Будто пытался удержать этот образ на случай, если он больше не повторится.

— Был бы ты барином — засватала бы, — усмехнулась она, чтобы разрядить воздух. Голос прозвучал легче, чем она чувствовала.

— Я б и так, — ответил он тихо. Без улыбки. Без вызова. Просто констатация. И вышел, не дожидаясь ответа.

Дверь щелкнула. Алиса замерла. Воздух в комнате стал плотнее, будто кто-то невидимый прикрыл форточку. На подоконнике Лева, до этого спокойно наблюдавший за суетой, фыркнул. Потом издал сухой, многозначительный звук, подозрительно похожий на кашель.

— Молчи, — сказала она коту. Не глядя на него.

А в зеркале отражение баронессы смотрело на нее чужими, внимательными глазами. И Алиса поняла: одежда не скрывает. Она обнажает. И теперь, когда она выглядела так, как должна выглядеть женщина ее положения, отступить было некуда.

Они вышли на улицу. Дверь за спиной захлопнулась, отрезая тепло и запах лаванды. Холод ударил в лицо — не лесной, влажный, а сухой, каменный, пахнущий углем, морозом и чужими жизнями.

Столица при свете дня оказалась не местом, а механизмом.

Люди не просто шли — они двигались по невидимым колеям. Торговцы раскладывали товар строго параллельно бордюру. Стража проходила через перекресток с математической точностью, шаг в шаг, взгляды — вперед, ни на кого не фокусируясь. Прохожие обменивались кивками, короткими, отточенными, как штампы. Никто не смотрел в глаза. Никто не задерживался. У каждого на лице была маска: не для сокрытия, а для функционирования. Удобная, обтекаемая, без острых углов.

Алиса шла, чувствуя, как тяжелеет спина. Темно-синее платье казалось чужим. Не тканью — кожей. Оно диктовало осанку, ширину шага, угол подбородка. Она не была в нем собой. Она была *в нем*, как в форме, выданной на время.

У кованых ворот старого дома, в тени арки, сидел старик. Не протягивал руки. Не бормотал молитв. Просто сидел, укрыв ноги рогожей. У ног — медная миска, наполовину занесенная снегом.

Когда они поравнялись, он поднял глаза. Не на Лютобора — на нее. Взгляд скользнул по воротнику, по серебряной вышивке, по тому, как она держит спину. Не узнал. Не мог. Но *прочитал*.

Алиса инстинктивно замедлила шаг. Рука дернулась к кошельку.

— Не останавливайтесь, — голос Лютобора прозвучал тихо, но твердо. Он не смотрел на старика. Шел ровно, оставляя за собой пространство. — Он не просит. Он отмечает. Город записывает, кто притормозит перед «невидимыми», а кто пройдет мимо. Оба варианта — ответы.

Алиса опустила руку.

Под плащом Лева лежал тихо. Не мурлыкал. Не шевелился. Только теплый бок прижимался к ее ладони, отсчитывая ритм чужого города.

— Здесь все имеет цену, — сказала Алиса, глядя на мостовую. — Даже тишина.

— Особенно тишина, — ответил Лютобор. — Громкие слова здесь считают ошибкой. А ошибки исправляют без шума.

Канцлер Северного Приказа жил в центре столицы, в трехэтажном особняке с белыми колоннами и гербом над воротами — двуглавый хорек, вцепившийся в молнии. Герб был старый, потертый, но от этого казался только значительнее: такие не меняют, такие передают по наследству вместе с властью.

Лютобор помог Алисе выйти из кареты, подал руку. Пальцы его были теплыми, но Алиса чувствовала, как напряжены мышцы — он тоже нервничал, хоть и не показывал вида. Михай остался снаружи, прислонившись к карете. По этикету ему нельзя было в приемную, да и места там мало — для таких, как он, двери особняков не открываются.

Внутри пахло воском, старой бумагой и властью. Этот запах Алиса узнала бы из тысячи — так пахнут кабинеты, где решаются судьбы, где люди приходят с надеждой, а уходят с долгами. Стены обиты темным деревом, пол мраморный, черно-белая шахматная клетка, по которой слуги в ливреях скользили бесшумно, будто тени. При виде гостей они замирали, опускали глаза, но Алиса чувствовала: их взгляды все равно здесь, оценивают, запоминают, докладывают.

— Доложите, — бросил Лютобор одному из них тоном человека, который привык, что его слушаются. — Барон фон Эйден и вдовствующая баронесса фон Эйден к его превосходительству.

Слуга исчез — буквально растворился в полумраке коридора. Через минуту вернулся, поклонился:

— Прошу.

Они вошли в кабинет, и Алиса сразу поняла: здесь не врут только бумаги. И то не все.

Канцлер оказался не стариком, как она ожидала, а мужчиной лет пятидесяти, с острым, хищным лицом и живыми, цепкими глазами, которые, казалось, видели все сразу — и ее платье, и его цену, и мысли, и тайны, и то, что она скрывала даже от себя. Одет богато, но не вычурно: темный камзол, серебряная цепь на груди, на пальце перстень с печаткой — не для красоты, для скрепления бумаг, от которых зависят жизни.

На столе — горы свитков, папок, конвертов. На стенах — карты земель, портреты предков, которые смотрели с таким же хищным прищуром, как и живой хозяин кабинета.

— Барон, — кивнул он Лютобору, даже не вставая. — Давно не виделись. — Голос у него был сухой, как пергамент, но в нем чувствовалась сила. — А это, стало быть, та самая вдова?

Алиса присела в реверансе — не столько из уважения, сколько проверяя, как он отреагирует. Канцлер усмехнулся.

— Реверанс у вас деревенский, баронесса, — сказал он беззлобно, скорее констатируя факт. — Но взгляд... взгляд столичный. Садитесь.

Они сели. Алиса выбрала кресло так, чтобы свет из окна падал ей на лицо, а канцлер оставался в тени. Мелочь, но в таких разговорах мелочи решают все.

— Документы привезли? — спросил канцлер без предисловий. Деловой подход, никаких «как доехали», «не желаете ли чаю».

Лютобор выложил на стол свитки — те самые, что собирали по крупичкам, за которые заплатили кровью и серебром.

Канцлер развернул один, второй, третий. Читал быстро, но внимательно, глаза его бегали по строкам, как счетчик у ростовщика. Лицо не менялось — ни удивления, ни гнева, ни сочувствия. Только профессиональный интерес.

— Хорошо, — сказал он наконец, откладывая последний свиток. — Хорошо и подробно. Повитуха созналась перед смертью, имена назвала, даты, суммы. — Он помолчал, глядя на Алису поверх сложенных пальцев. — Этого достаточно, чтобы начать дело.

— И вы начнете? — спросила Алиса прямо. Без реверансов, без придыхания. Вопрос в лоб.

Канцлер поднял на нее глаза. В них мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Я, баронесса, начну, если мне это выгодно. — Он откинулся в кресле, которое даже не скрипнуло — хорошая работа, дорогая. — А выгодно мне будет, если вы скажете, что готовы дать показания лично. Перед судом. И подтвердить все, что здесь написано. Своим именем. Своей кровью, если потребуется.

— Потребуется? — Алиса приподняла бровь.

— Всякое бывает. — Канцлер усмехнулся, но усмешка вышла невеселой. — Рутгер не один в поле воин. У него друзья, у него связи, у него деньги. Судьи тоже люди. Им надо объяснить, почему они должны решать в вашу пользу.

— А вы объясните?

— Я объясню, если... — он сделал паузу, поиграл перстнем на пальце, — ...если после решения суда земли Рутгера отойдут тем, кто помогал следствию.

Тишина повисла в кабинете такая, что слышно было, как за стеной скребется мышь.

— То есть вам? — спросила Алиса спокойно. Без возмущения, без удивления. Как о погоде.

Канцлер посмотрел на нее с новым интересом.

— Мне или моим людям, — поправил он. — Не мне же самому, я человек государственный. — Он усмехнулся собственной шутке. — Но люди должны быть благодарны. Так устроен мир, баронесса.

— А мы? — Алиса кивнула на себя и Лютобора. — Что получим мы?

— Вы получите свои земли обратно. Каменный Лог и все, что к нему прилагается. — Канцлер развел руками, будто делал одолжение. — И еще — мое покровительство. В столице это дорогого стоит. Поверьте, многие готовы продать душу за такую малость.

Алиса молчала. Секунды тянулись, как резиновые. Она чувствовала на себе взгляд Лютобора — напряженный, ждущий. И взгляд канцлера — оценивающий, холодный, просчитывающий варианты.

Внутри нее вдруг шевельнулось то самое — тепло, которое она почувствовала в подвале башни, когда камень отозвался на ее прикосновение. Оно поднялось откуда-то из глубины, разлилось по груди, и Алиса вдруг поняла: сейчас она может чуть-чуть больше, чем просто говорить.

Она посмотрела канцлеру прямо в глаза и чуть наклонила голову — не в поклоне, а так, будто прислушивалась к чему-то.

— Ваше превосходительство, — сказала она тихо, и в голосе ее появилась новая, странная вибрация, от которой у Лютобора мурашки побежали по спине. — А вы уверены, что Рутгер не предлагал вам больше?

Канцлер дернулся. Едва заметно, но Алиса увидела. Зрачки его расширились на долю секунды — и сжались обратно.

— Что вы имеете в виду?

— То и имею. — Алиса улыбнулась — той самой улыбкой, которой когда-то встречала недобросовестных поставщиков в своем ресторане. — Вы сидите здесь, в этом кабинете, и торгуетесь со мной за земли, которые еще не ваши. А Рутгер, наверное, уже прислал человека. С предложением. С большими деньгами. С долей в будущих прибылях.

Она помолчала, давая словам улечься.

— Я не знаю, сколько он предложил. Но я знаю, что я предлагаю вам нечто большее, чем деньги.

— И что же? — Голос канцлера сел на полтона.

— Правду. — Алиса подалась вперед, и камень на груди вдруг стал теплым, почти горячим. — Чистую, документально подтвержденную правду, с которой вы сможете делать что угодно. Рутгер — убийца. И если вы поможете мне его убрать, вы получите не просто часть земель. Вы получите рычаг. Над ним. Над его людьми. Над теми, кто с ним дружил. Вы будете знать то, что никто другой не знает. А это, — она понизила голос до шепота, — дороже золота.

В кабинете стало тихо. Не просто молчание — плотное, выстоянное, как вода в глубоком колодце. Часы на стене не тикали. Пепел в камине оседал беззвучно. Даже пылинки в луче, пробившемся сквозь тяжелую штору, замерли, боясь нарушить равновесие.

Канцлер смотрел на нее долго. Очень долго. Его пальцы медленно перебирали край бархатного сукна на столе, будто считая нити, из которых соткана ее решимость. Потом плечи его дрогнули. Он рассмеялся — сухо, каркаяще, без радости, но и без насмешки. Звук вырвался, как пар из треснувшего котла. Вытер глаза краем рукава. Слезы были не от смеха. От признания.

— А вы опасная женщина, баронесса, — сказал он, возвращая голосу привычную ровность. — Опасная и умная. Редкое сочетание. Обычно одно вытесняет другое.

— Так договорились? — спросила Алиса, не давая ему уйти в философию. Голос четкий. Без дрожи. Как клинок, вложенный в ножны.

— Договорились, — кивнул он. — Через три дня — суд Высокой Палаты. Готовьтесь выступать не как мать, требующая крови. Как свидетель, предъявляющий. Им нужна точность, не страсть. Страсть они спишут на безумие. Точность — на закон.

Алиса кивнула. Поднялась. Лютобор встал следом, бесшумный, как тень.

У двери она обернулась. Не резко. Медленно, давая вес каждому слову.

— Ваше превосходительство. А вы знали? — спросила она, будто речь шла о погоде. — О том, что Рутгер убивает детей. Не моего. Вообще. Тех, у кого нет имени в ваших книгах.

Канцлер замер. Рука, тянувшаяся к перу, зависла в воздухе. Маска чиновника треснула. На мгновение под ней проступило другое лицо — старое, изможденное, с тяжелым грузом молчаливого соучастия.

— Знал, — выдохнул он. Тихо. Без оправданий. — Знал. Но доказательств не было. А без доказательств... это просто слухи. Сплетни. Вы понимаете? В этом городе правда весит только тогда, когда ее можно положить на весы.

— Понимаю, — кивнула Алиса. — Теперь есть.

Она вышла. Не прощаясь. Не оглядываясь.

В приемной воздух изменился. Слуги, раньше провожавшие их ровными, оценивающими взглядами, теперь опустили глаза. Один уронил поднос с бумагами. Не поднял. Другой отступил к стене, вжался в тень, будто боялся, что ее платье заденет его и оставит ожог. Сработало. Не страх перед титулом. Страх перед тем, кто только что сдвинул невидимую плиту в фундаменте их мира.

В карете Лютобор долго молчал. Окна запотели изнутри, за ними столица плыла размытыми полосами света и тени. Лева, дремавший на сиденье, открыл один глаз. Проверил. Закрыв.

— Вы ему не верите? — спросила Алиса, когда молчание стало тяжелее свинца.

— Верю, — ответил Лютобор, не отрывая взгляда от улицы. — В том смысле, что он сделает, как обещал. Потому что сейчас ему это выгодно. Но после... — Он покачал головой. Мех на воротнике хрустнул. — После он будет искать, как вас использовать дальше. Канцлеры не умеют иначе. Это у них в крови. Как у волков — охотиться, как у нас — дышать.

— Я знаю, — сказала Алиса, глядя на свое отражение в темном стекле. Платье сидело безупречно. Лицо было спокойным. Но в глазах стояла та самая усталость, что она видела у Канцлера. — Мне нужно, чтобы он сделал свою работу сейчас. А потом... потом я как-нибудь разберусь.

Лева на коленях довольно муркнул. Глубоко. Не как зверь. Как судья, поставивший точку.

Карета катилась по булыжной мостовой. Цокот копыт отбивал ровный, гипнотический ритм, отдаваясь в висках. За окнами столица текла размытыми полосами света и тени, но Алиса больше не видела в ней хаос. Теперь она видела систему. И видела, как та система смотрит на нее.

Утром прохожие не замечали. Теперь отводили взгляды. Торговец у лавки, застывший с гирькой в руке, слегка склонил голову. Стража у перекрестка не стала требовать документы. Кто-то в толпе шепнул: «Баронесса» — не с почтением, с осторожностью. Платье на плечах казалось тяжелее. Не ткань давила. Ожидания. Чужие страхи. Немые договоры, которые она еще не читала, но уже обязана исполнять.

Карета свернула на широкую улицу. Впереди, в конце проулка, встал силуэт храма Инквизиции. Высокий, без креста, с узкими окнами, похожими на прищуренные глаза. У дверей, в тени арки, стоял человек. Влад. Не в плаще, в простом сюртуке. В руке — четки. Не перебирал. Держал неподвижно, как оружие.

Алиса невольно сжала карман. Жетон внутри отозвался холодом. Не ледяным, а глубоким, как вода в колоде. Будто напомнил: «Я здесь. Я вижу. Я считаю.»

Лютобор заметил ее движение.

— Не для демонстрации, — сказал он тихо, глядя на улицу. — Для ясности. Когда слова станут слишком громкими, а правда — слишком неудобной, он будет ждать знака. Не торопись.

Влад поднял голову. Через запотевшее стекло его взгляд встретился с ее. Ни угрозы. Ни улыбки. Только подтверждение: «Я помню.» Карета свернула за угол. Храм ушел в сумрак.

Внутри стало тесно от молчания. Лютобор нарушил его первым.

— Канцлер сделает, что обещал. Но после суда он потребует плату. Не знаю какую, но потребует. Канцлеры не дают ничего даром. Они ссужают. Под проценты.

Алиса провела пальцем по краю подушки. Ткань была шершавой, настоящей. В отличие от всего, что ее окружало.

— Я готова.

Лютобор наконец повернулся к ней. Взгляд тяжелый, без жалости.

— Ты не понимаешь. Плата — не деньги. Не услуги. Часть тебя. То, что ты не сможешь вернуть. Твоя наивность, уже ушла. Уйдет что-то еще.

Лева на коленях заворчал. Не утешая. Констатируя.

— У меня есть жетон, — сказала Алиса, не глядя на него.

— Жетон Влада? — Лютобор усмехнулся без звука. — Он не щит. Он напоминание. Что Инквизиция тоже ведет учет. Ты думаешь, что играешь против Рутгера. На самом деле ты играешь против системы. Рутгер — лишь симптом.

— Я знаю, ты повторяешься — ответила она. Голос ровный. Без дрожи. — Мне не нужна его вечная дружба.

Карета замедлила ход. Знакомые ворота особняка Лютобора показались впереди, покрытые инеем. Лева поднялся, потянулся, запрыгнул ей на грудь. Теплый, тяжелый, живой. Уткнулся носом в запястье. Проверил.

Алиса выдохнула. В кармане жетон лежал тяжелый, как обкатанный временем камень. Он не обещал защиты. Он был границей. Линией, которую она пересекла, и отступить за которую было поздно.

— Приехали, — сказал кучер.

Дверца отворилась. Морозный воздух ударил в лицо, но Алиса не дрогнула. Она ступила на мостовую, поправила полы платья — чужой кожи, теперь ее брони — и посмотрела на темные окна дома.

Сегодня она сделала шаг. Не к мести. К справедливости. Или к тому, что в этом мире считалось справедливостью: к процедуре, к весам, к холодному расчету, где детские слезы можно монетизировать в закон.

Камень на груди был холодным.

Но Алиса знала: он просто ждет. Как и она.

Глава 26: Ночные гости

В особняк Лютобора они вернулись затемно. Ворота сомкнулись за спиной, отрезая улицу, фонари, чужие взгляды. Внутри было тихо, но не уютно — тихо, как в зале после выстрела.

Алиса ступила на первую ступень крыльца, и каждая кость ныла. Не от дороги. От слов. От взглядов. От тяжести молчания, которое в столице весило больше крика. Внутри все осело тяжелым, непрозрачным илом. В ушах все еще звучал его голос: ровный, без дрожи. *«Знал. Но доказательств не было.»* Не оправдание. Констатация. Как если бы речь шла о погоде, а не о детях, у которых не было имени в его книгах. Холод его глаз не был жестокостью. Был пустотой системы, которая давно перестала удивляться злу, научившись его учитывать.

Лютобор шел рядом, не говоря ни слова. Только у калитки его рука на ее локте задержалась на долю секунды дольше, чем требовал этикет. Сжал крепче. Не для опоры. Как якорь. Потом отпустил, будто спохватившись, что переступил невидимую черту.

— Отдыхайте, баронесса, — голос прозвучал глухо, без привычной отточенности. — Завтра будет трудный день.

Она кивнула. Не потому, что поверила в отдых. Потому что другого выхода не было.

Подъем по лестнице дался с трудом, но дверь в комнату открылась легко. Внутри горела одна свеча, оставленная слугой. Лева уже был там. Сидел на широком подоконнике, спиной к теплу, лицом к стеклу. За окном город не спал — гудел, дышал, строил свои невидимые стены. Кот не оборачивался. Только уши слегка повернуты в ее сторону. Слушал. Ждал.

Она сняла платье — медленно, крючок за крючком, будто снимала доспехи. Ткань упала на пол глухим шлепком. Жетон она не отложила. Переложила в карман ночной рубашки, прижала к груди. Металл, остывший на улице, теперь забирал ее тепло, но не холодел — будто привыкал. Или привыкала она.

Алиса забралась под тяжелое одеяло. Камень на груди приятно грел, успокаивал. Мысли, острые весь день, начали тупеть, путаться, опадать, как снег с веток. Веки тяжелели. За окном столица шептала свои правила. Внутри комнаты дышал кот. И где-то глубоко, под кожей, под титулом, под чужой тканью, она наконец почувствовала: она жива.

Сон накатывал не как отдых. Как передышка.

Завтра будут судьи. Завтра будут весы. А сегодня — только тепло камня, тихое мурлыканье в углу кровати, и тьма за стеклом, которая еще не решила, будет ли она другом или врагом.

Этот сон пришел не так, как другие.

Алиса моргнула, и вот она уже стоит в лесу. Но лес этот был не просто лесом — он был началом всего.

Деревья здесь уходили корнями в небо, а кронами — в землю. Или наоборот? Алиса не могла понять, где верх, где низ, где реальность, где сон. Стволы были толщиной с дом, кора на них переливалась серебром, а в глубине древесины пульсировал слабый, голубоватый свет — будто сами деревья дышали, думали, ждали.

Корни переплетались так, что между ними не было земли — только тьма, глубокая, бесконечная, и в этой тьме иногда вспыхивали искры — золотые, синие, зеленые. Воздух был плотным, как вода, и каждый вдох давался с усилием, но дышать хотелось — здесь пахло мокрой землей, грозой, чем-то первозданным, что было здесь задолго до людей.

И еще чем-то сладким. Тревожным. Тем, от чего сердце начинало биться чаще, а в груди разгорался жар.

— Ты пришла.

Голос Велены раздался отовсюду — из стволов, из корней, из самой земли под ногами. Он был старым, как этот лес, и молодым, как первый росток.

— Где вы? — Алиса завертелась, взглядываясь в серебристую кору, в провалы между корней, в сияющую тьму. Старухи не было видно. Только лес, только свет, только пульсация древней жизни.

— Я там, где всегда. Внутри тебя.

Алиса опустила взгляд на свои руки. Они светились. Слабо, едва заметно, но светились — тем самым голубоватым светом, что пульсировал в деревьях.

— Камень выбрал тебя, — продолжал голос. — Теперь ты — хранитель. Хочешь ты того или нет.

— Я не просила, — выдохнула Алиса.

— Разве просят дождь? Разве просят солнце? Разве просят жизнь? — Голос Велены стал строже, но не злее. — Они просто приходят. Так и это. Дар. И проклятие. Одно без другого не бывает.

Алиса хотела возразить. Хотела сказать, что она устала, что она чужая здесь, что она не просила ни камня, ни силы, ни этой войны с теми, кто убивает детей. Но слова застряли в горле, потому что вдруг она почувствовала...

Чужое присутствие.

Кто-то стоял за ее спиной.

Большой. Теплый. Родной. Такой родной, что у Алисы защипало в глазах еще до того, как она обернулась.

Она повернулась медленно, боясь спугнуть, боясь, что видение исчезнет.

Волк.

Огромный, серый, с белой грудью, с густой шерстью, в которой запутались искры того самого света. Он был выше ее пояса, лапы — как бревна, пасть — такая, что могла бы перекусить человека пополам. Но глаза...

Глаза горели зеленым огнем. Тем самым, что иногда мелькал в темноте, когда Лева провожал ее до башины. Тем самым, в котором читалось все: преданность, защита, любовь и древняя, звериная сила.

Он смотрел на нее спокойно. Без агрессии. Без вызова. Просто смотрел, и в этом взгляде было столько тепла, что Алиса забыла, где находится.

— Лева? — выдохнула она.

Голос прозвучал хрипло, неверяще.

Волк склонил голову набок. Одно ухо прижалось, другое насторожилось — точно так делал ее кот, когда хотел есть или когда подлизывался после того, как стащил со стола кусок мяса.

— Не может быть...

— Может, — голос Велены стал тише, почти шепотом, но в этом шепоте слышалась улыбка. — Он всегда был тем, кто охраняет. Просто теперь ты видишь его суть. Не тело — душу.

Алиса шагнула к волку. Ноги почти не слушались, но она шла — через свет, через тьму, через пульсацию древнего леса. Протянула руку.

Волк лизнул ее ладонь.

Шершавый, горячий язык прошелся по коже, и от этого прикосновения по телу разлилось тепло — такое сильное, что Алиса покачнулась. В этом тепле не было магии — или была, но совсем другая. Та, что живет между человеком и зверем, когда они понимают друг друга без слов.

— Я с тобой, — сказал волк.

Человеческим голосом. Левиным.

Тем самым, которым он говорил только во сне, только здесь, в этом лесу за гранью реальности.

Алиса хотела ответить, хотела обнять его, зарыться лицом в эту серую шерсть, пахнущую лесом и грозой, но вдруг мир вокруг взорвался светом.

Она проснулась.

Рывком села на постели, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, на лбу выступил пот.

В комнате было темно. Только луна светила в окно, затянутое бычьим пузырем, бросала мутные пятна на пол, на стены, на кровать.

Рядом, свернувшись клубком, спал Лева.

Обычный кот. Серый, пушистый, с белой грудкой. Он приоткрыл один глаз, посмотрел на нее сонно, муркнул вопросительно: чего вскочила, спать же надо?

Алиса протянула руку, погладила его по голове. Лева зажмурился, заурчал, ткнулся носом в ладонь.

Теплый. Живой. Родной.

— Я с тобой, — шепнула она его же слова.

Лева муркнул согласно. Мол, конечно, а ты думала, я куда денусь.

Алиса легла обратно, прижала кота к себе. В груди все еще пульсировало тепло — то самое, из сна. Камень под рубашкой был горячим.

Она закрыла глаза и улыбнулась в темноту.

Теперь она знала точно: она не одна. И Лева — не просто кот. Он — хранитель. Ее хранитель.

И пусть только кто-то попробует встать у них на пути.

Лева спрыгнул с кровати первым. Еще до того, как Алиса успела открыть глаза, он уже стоял у двери — напряженный, как струна, шерсть на загривке встала дыбом, из горла вырвалось тихое, вибрирующее рычание, которого она никогда от него не слышала.

И тогда она тоже услышала.

Шаги. Не в доме — снаружи, на улице, под окнами. Много шагов. Крадущихся, осторожных, но слишком много для случайных прохожих. Снег скрипел под десятками ног, и в этом скрипе слышалась смерть.

Алиса вскочила в одно мгновение. Платье натянула через голову, пальцы дрожали, но она заставила их слушаться. Нож — тот самый, что всегда лежал под подушкой, — схватила, выдернула из ножен. Лезвие блеснуло в лунном свете.

В коридоре грохнули шаги — не беспорядочный топот, а тяжелый, отточенный бег, от которого вибрировали половицы и дрожали свечи в нишах. Михай уже был на ногах. Алиса слышала, как он на ходу натягивает сапог, как скрипит кожа, как пальцы, привыкшие к оружию, дрожат, но движения остаются выверенными, экономными.

— Барыня! — крикнул он из-за двери, и голос его резанул тишину, как меч по стеклу. — Не выходите! Запритесь!

Но дверь уже была приоткрыта.

Снизу ударил звук — короткий, сухой треск, за которым последовал гулкий, сотрясающий стены удар. Третий. Дубовая, окованная железом дверь, которую все считали неприступной, подалась с визгом вырванных петель и обрушилась внутрь, подняв облако древесной щепы и ледяного ночного воздуха. Таран. Значит, не воры. Не случайность. Готовились. Изучали. Знакомились с планом дома до последнего гвоздя.

И тут же — хаос, рожденный из холодной дисциплины.

Крики. Лязг стали о сталь, от которого ныли зубы. Топот сапог по мраморному полу холла — скользящий, быстрый, как по льду. Кто-то заорал — высоко, срывающееся, по-человечески страшно — и звук оборвался, захлебнувшись в мокром, булькающем хрипе.

Алиса не думала. Тело рвануло вперед раньше разума. Коридор сузился, стены поплыли в периферийном зрении. Она обогнала Михая на повороте, чувствуя, как его ладонь в последний миг попыталась ухватить край ее платья, но пальцы лишь сорвались с ткани.

То, что она увидела в холле, впечаталось в память навсегда.

Люди в темном. Человек десять, может двенадцать. Без гербов, без опознавательных знаков. Только плотная кожа, глухие сапоги, плащи, стеганные так, чтобы гасить удары. Они не кричали. Не улюлюкали. Работали. Как отлаженный механизм. Как мясники, которым не платят за эмоции. Наемники. Элита.

Четверо охраны Лютобора дрались, загнанные к колоннам, но их ярость была дикой, отчаянной. Они рубили, кололи, отступали на полшага, чтобы выиграть долю секунды для замаха. Но силы были неравны.

Один из охранников уже лежал у мраморной вазы. Руки судорожно сжимали распоротый живот, пальцы скользили по мокрому, дыхание вырывалось короткими, свистящими толчками. Второй отбивался от двоих одновременно. Его меч ходил тяжелее, лезвие садилось в воздух, будто вязло в смоле. Он пропустил удар по щиту, оступился на разбитой плитке, упал на колено, но все еще держал клинок перед собой, дыша часто, неровно, глаза широко раскрыты от боли и усталости.

У лестницы бился Лютобор. Он занял третью ступень — узкую, неудобную для атакующих, но дающую ему высоту и защиту флангов. Никто не мог зайти сбоку, не подставив шею под удар. Он рубился не как дворянин на турнире, а как человек, у которого за спиной больше нет земли. Меч пел в воздухе, оставляя бледные, смазанные дуги в полумраке, описывая жесткие, экономящие восьмерки. Двое нападавших уже лежали у его ног. Один — с рассеченным плечом и вывернутой кистью, второй — с пробитой грудью, где лезвие вошло по самую гарду. Лютобор не смотрел на них. Его взгляд был прикован к центру, дыхание ровное, но в висках пульсировала жила. Кровь на рукаве была чужой. Пока.

— Назад! — заорал Михай, оттесняя Алису обратно в коридор. Его ладонь легла на плечо, тяжелая, железная, не терпящая спора. — Не лезь, дура!

Он встал между ней и проломом в холл, меч уже в руке, клинок слегка дрожал — не от страха, от напряжения мышц, готовых сорваться в следующее мгновение. Спина его была прямой, ноги — широко, в стойке, которую не ломают с первого удара.

Но Лева уже прыгнул.

Он сорвался с места, как серая молния, пролетел мимо Михая, мимо Лютобора, врезался в первого нападающего — прямо в лицо. Когти вспороли щеку, зубы вцепились в нос, и мужик заорал дурным голосом, роняя меч, пытаясь содрать с себя это вопящее, рычащее, кусающееся нечто.

Второй замахнулся мечом, целя в кота, но Лева уже ушел — метнулся к следующему, вцепился в ногу, рванул сухожилие, и тот рухнул, подмяв под себя товарища.

— Черт! — вырвалось у нее, и тело сработало раньше мысли. Не думая. Вспомнило то, что мозг давно отложил в дальний ящик: жесткий толчок локтем в солнечное сплетение, резкий подкат каблуком по подъему стопы, короткий удар ребром ладони в запястье. Приемы из спортзала, отработанные до мышечной памяти, сработали как спусковой крючок. Михай охнул, пальцы разжались, и она рванулась вниз по лестнице, не оглядываясь.

Нож в руке. Холодная рукоять, но на груди — жжет. Не просто греет, а пульсирует, отдает в кости тяжелыми, ритмичными толчками, будто второе сердце проснулось под тканью. Время замедлилось. Сгустилось, как вода перед прыжком. Звуки боя распались на отдельные фрагменты: лязг клинка, хрип, скользящий шаг, тяжелое дыхание. Тот же самый фокус, что был

тогда, на дороге, когда тетива врезалась в пальцы, а мир сузился до одной точки. Только сейчас вместо стрелы — нож. И вместо мишени — люди.

Она врезалась в схватку сбоку, из тени колонны, откуда ее не ждали. Первый попался под руку — разворачивался, не заметив ее. Нож вошел в мягкое место под челюстью, туда, где кожаный нагрудник не защищал, где артерия бьется в миллиметре от кожи. Брызнуло теплым. Мужик захрипел, глаза полезли на лоб, тело рухнуло на нее всем весом. Она уперлась плечом в каменный пол, толкнула его в грудь, освободила руку. Клинок выскользнул, оставив в ране красную щель.

Второй уже развернулся. Широкий замах, меч свистнул в воздухе, рассекая пыль и дым. Она не стала блокировать — ушла вниз, нырнула под траекторию удара, почувствовала, как ветер от клинка обжег волосы. И ткнула. В спину, ниже лопатки, туда, где заканчивается броня и начинаются почки. Раз. Два. Три. Не удары — толчки. Короткие, вбитые в мышцы, до самого корня. Мужик дернулся, выдохнул что-то невнятное, колени подломились, и он осел на мрамор, оставив на полу темную, быстро расплывающуюся лужу.

Шаги. Тень накрыла ее сзади. Ручища, как тиски, сомкнулись на шее. Пальцы врезались в горло, пережимая сонные артерии. Воздух кончился. В ушах зазвенело, пятна поплыли перед глазами. Она пыталась ударить локтем назад, царапала ногти по коже, но хватка была мертвой, каменной. Мир сузился до точки. До пульсации жетона на груди. До собственного сердца, бьющегося в горле.

Выстрел.

Сухой, оглушительный треск тетивы в замкнутом пространстве. Удар — как по мясному мешку. Хватка мгновенно ослабла. Пальцы разжались. Алиса обернулась, жадно хватая ртом воздух. Нападавший стоял на одном колене, запрокинув голову. Из глаза торчал короткий, оперенный болт. Кровь стекала по щеке тонкой струйкой. Он не упал сразу. Просто замер. Потом рухнул.

Лютобор уже двигался к ней. Арбалет в левой руке, правая тянулась к колчану за спиной. Движения — четкие, механические, без единого лишнего жеста. Он перезаряжал на ходу, щелкая рычагом, вставляя болт, не сводя глаз с прохода.

— За мной! — крикнул он, перекрывая шум боя.

Они отступали к черному ходу. Михай прикрывал, размахивая мечом, не давая нападающим приблизиться. Лева метался между ног, путал, кусал, рвал — адская машина в серой шкуре.

Один из нападающих попытался преградить путь, но Алиса ткнула ножом ему в бедро, попала в артерию — кровь хлынула фонтаном, и он отвлекся на рану, чего хватило, чтобы Михай добил его ударом в затылок.

Черный ход. Тяжелая дверь поддалась с рыком ржавого замка, и холод ударил в лицо — не просто мороз, а ледяная, стерильная пустота, мгновенно выжигающая из легких дым, пот и запах крови. Снег захрустел под сапогами, ломаясь, как сухая кость. Во дворе было темно, хоть глаз выколи. Только луна, просвечивая сквозь разорванные тучи, серебрила сугробы, превращая их в безжизненные надгробия.

— Коней! — заорал Лютобор в темноту. Голос сорвался на хрип, но в нем не было паники. Только команда.

Из тени конюшни уже выходил старик-конюх. Не бежал. Не оглядывался. Вел трех лошадей под уздцы. Седла наспех, подпруги затянуты на один узел, но стремяна на месте, вожжи не перекручены. Старый, выдавший виды, он не задал ни одного вопроса. Только кивнул, передавая поводья. Его руки были сухими, узловатыми, уверенными. Люди его возраста давно научились не спрашивать, когда в городе пахнет железом. Просто работали. Как часть механизма, который еще не сломался.

— Куда? — спросила Алиса, взмахивая ногой, цепляясь за лук. Пальцы дрожали, не слушались. Нож все еще был зажат в зубах — медный привкус на языке, смешанный с солью и гарью. Она выхватила его, сунула в ножны на поясе, не глядя. Клинок вошел в кожу с глухим шелчком. Как затвор.

— В храм! — крикнул Лютобор, уже в седле. Конь шарахнулся от запаха дыма, но он удержал его коленями. — Только там юрисдикция Инквизиции. Там нас не тронут. Влад прикроет. Священное право сильнее ножа наемника.

Они понеслись.

Копыта забили по булыжной мостовой, выбивая искры и снежную пыль. Ветер бил в лицо ледяными иглами, вырывая слезы, забивая дыхание. Алиса пригнулась к гриве, вцепилась в кожаные поводья до побеления костяшек. Грудь горела. Не от бега. От камня на груди. Он пульсировал под тканью, тяжелый, раскаленный, будто впитывал ее адреналин и отдавал обратно — ровно, безжалостно. Якорь. Граница. Напоминание: ты еще жива. Пока.

Лева сидел у нее за пазухой. Теплый, тяжелый, урчал прямо в грудину, вибрируя в такт сердцу. Родной. Но когда она на секунду оторвала руку от поводьев, чтобы поправить плащ, пальцы наткнулись на его морду. Мокрое. Теплое. Кровь. Чужая. Не его. Он не дрожал. Не лизал лапы. Просто лежал, дышал, был. Алиса сглотнула. Горло сжалось. Не плакать. Не сейчас. Выжить — уже преступление. Остаться человеком — роскошь, которую она еще не могла себе позволить.

Позади, за поворотом, особняк Лютобора тонул в ночи. Но она знала: там еще догорают свечи. И догорают жизни. Четверо. Лица мелькнули в памяти: шрам на щеке у старшего, короткий кивок у ворот, смех, который она слышала только сегодня утром. Они остались. Не потому, что не могли уйти. Потому что их долг был тяжелее страха. Их молчание купило ей эти триста метров улицы. Этот воздух. Этот пульс в груди.

— Почему они пришли? — крикнула Алиса Лютобору, когда особняк скрылся за поворотом.

— Предали! — крикнул он в ответ, не оборачиваясь. — Кто-то из своих продал нас Рутгеру! Знал, где мы, знал, сколько охраны, знал, когда нападать!

— Кто?

— Потом! Сначала — выжить!

Они неслись дальше, а впереди уже виднелись шпили храма Двуединого — темные на фоне звездного неба. Там, за этими стенами, была безопасность. Там был Влад.

Там можно было перевести дух и понять, кому можно верить, а кому — никогда больше. Копыта били. Ветер рвал. Камень жег.

Алиса ехала вперед, не оглядываясь. Потому что оглянуться — значит признать, что она уехала. А она еще не знала, уехала ли она от смерти. Или только к ней.

Глава 27: Храм

Они мчались по ночным улицам, и столица проносилась мимо черно-белыми пятнами — снег, стены, редкие фонари, тени. Алиса плохо держалась в седле. Лошадь под ней была чужой, упрямой, норовила сбросить — чувствовала неуверенность всадницы и пользовалась этим. Лева вцепился когтями в круп коня позади нее, каким-то чудом удерживаясь на скользкой крупе, и тихо, но очень выразительно рычал — то ли на лошадь, то ли на весь белый свет.

— Левее! — крикнул Лютобор, вырываясь вперед. — За мной!

Они свернули в переулок — такой узкий, что каменные стены, казалось, вот-вот сомкнутся над головами. Алиса пригнулась к гриве, но каменный выступ все равно содрал кожу на колене. Холод обжег рану мгновенно, кровь выступила темной каплей на штанине. Она не остановилась. Еще поворот. Еще. Петляя меж слепых фасадов и глухих заборов, они замечали следы, оставляя за собой лишь снег, вздыбленный копытами, и тяжелое дыхание лошадей, вырывающееся белым паром в морозном воздухе.

И вдруг улица расширилась.

Брусчатка сменила булыжник. Воздух стал иным — плотным, пропитанным ладаном, старым воском и чем-то острым, металлическим. Пахло старой силой, которая не кричит, а просто существует. Перед ними вырос храм.

Огромный. Темный. Две башни уходили в небо, словно каменные пальцы, упирающиеся в самую ткань ночи. Луна светила ровно между ними, и казалось, что храм держит на своих шпильях серебряный диск — не как свет, а как печать. Как знак юрисдикции, старше корон, старше приказов, старше крови.

— Сюда!

Лютобор не сбавлял хода. Лошади пронеслись под тяжелой каменной аркой. Цокот копыт ударил о мостовую, заметался под сводами, разлетелся эхом — не гулким, а четким, многократно отраженным, будто сам камень запоминал каждый шаг. В полумраке двора стояла тишина. Не пустая. Выдержанная. Как в зале суда перед оглашением приговора.

Тяжелые ворота за спиной начали закрываться.

Не с треском. Не с грохотом. С низким, непрерывным скрежетом вековых петель, с шуршанием песка и снега, скользящего по бронзовым листам. Медленно. Неумолимо. Как закрывается книга, в которую больше не впишут ни строчки. Как опускается гильотина. Как сама судьба, не торопясь, но не оставляя выбора.

Последний из преследователей влетел во двор, когда створки уже почти сомкнулись. Он успел проскочить в узкую щель, лошадь под ним споткнулась, но он удержался в седле. И тут понял: внутри. Дверь за ним сомкнулась с глухим, окончательным лязгом. Отрезала его от улицы, от своих, от ночного хаоса.

Он остался один.

В тишине, которая была громче криков. В пространстве, где воздух казался густым, как вода.

Факелы вспыхнули по периметру двора — не по команде, а будто сами. Огонь выхватил его лицо: искаженное, не столько страхом, сколько осознанием. Он понял, где оказался. Рванул меч из ножен — движение отчаянное, привычное, бесполезное.

Сделать ничего не успел.

Из теней колонн, из-под арок, из-за каменных скамей шагнули фигуры. В черных, до пят, одеждах. Без доспехов. Без криков. Их шаги не стучали по камню. Они поглощали звук.

Через мгновение он уже лежал лицом в снегу. Меч выбили одним точным ударом древка. Плечи прижали коленями. Руки вывернули с сухой, костяной треску. Он захрипел, но слова не вырвались — только снег, забившийся в рот, и тяжелый, давящий вес сапог на спине.

Никаких допросов. Никаких угроз. Только тишина. И ощущение, что храм не охраняют. Храм просто учитывает. А тот, кто переступил его границу, уже стал частью его реестра.

— Слезайте, — Лютобор уже спешил, подбежал к Алисе, помог спуститься. Руки его дрожали — от напряжения, от боя, от выплеснутого адреналина. — Живы?

— Жива, — выдохнула Алиса, чувствуя, как ноги подкашиваются.

Лева спрыгнул сам, отряхнулся от снега и сел у ее ног, оглядывая двор с видом хозяина, вернувшегося в свои владения после долгой отлучки. Только дрожащий кончик хвоста выдавал, что ему тоже досталось.

Из темноты колонн и арок выступили фигуры. Люди в черных рясах — не монахи, нет. Крой иной, ткань плотнее, скроена так, чтобы не стеснять движений, но гасить отблески и звук. Движения их были точными, синхронными, лишенными суеты. Факелы в руках горели ровно, без копоти и треска, будто пламя знало свое место и не смело дымить на священный камень. Бойцы. Стражи. Те, кто охраняет не стены, а порядок. Их шаги не звенели по мостовой — они поглощали эхо, как мох поглощает воду.

Впереди, где свет ложился на плиты шире, возник знакомый силуэт. Высокий. Прямой. Меч у пояса висел не как украшение и не как угроза — он был частью него, как кость под кожей, как привычный инструмент, который не вынимают без нужды, но и не снимают никогда.

Влад вышел из тени на свет факелов.

Лицо его было спокойно. Даже слишком спокойно для человека, которого подняли посреди ночи, разбуженного конским топотом, скрипом вековых петель и криком за воротами. Но глаза были холодны, как лед на зимней реке под толщей снега. В них не было удивления. Не было спешки. Читалось другое: знание. Ожидание. Расчет. Будто он стоял здесь не пять минут, а пять часов. Будто ждал не ее — а момента, когда она сама поймет, куда бежать.

— Баронесса, — он поклонился. Коротко. Без излишеств, но с тем весомым уважением, которое дарят не титулу, а выжившему. — Ждал вас. Хотя не думал, что так скоро.

Голос прозвучал ровно, без напряжения, без попытки сгладить углы. Он просто констатировал факт.

Алиса смотрела на него, и внутри, под слоем адреналина и ледяной усталости, закипала злость. Горькая, острая. Слишком спокоен. Слишком готов. Слишком идеально он оказался здесь, в сердце храма, посреди ночи, когда город еще спал, а ее особняк горел. Это не совпадение. Это архитектура. Система, которая уже учитывала ее ход. Она сжала поводья, чувствуя, как жетон в кармане отзывается тяжелой, ровной пульсацией. Не предупреждает. Напоминает о границе, которую она только что пересекла.

— Вы знали? — выдохнула она. Голос сорвался, но не от слабости. От напряжения, натянутого, как тетива. В нем звенел металл, тот самый, что остался на губах после боя.

Влад встретил ее взгляд прямо. Без тени смущения, без попытки оправдаться.

— Знал, что нападут, — сказал он просто. — Не знал когда. И не знал, где. Но что пытаются — это было очевидно.

— Очевидно? — Алиса шагнула к нему, сжимая кулаки. — Четверо людей погибли, Влад. Четверо. А вы тут... ждали?

— Я здесь — защищал, — голос его остался ровным, но в глазах мелькнуло что-то похожее на усталость. — Мой храм — единственное место в столице, куда наемники Рутгера не сунутся. Даже за те деньги, что он платит. Потому что за порогом этого храма — мои люди. Мои порядки. Моя сила.

Он перевел взгляд на Лютобора:

— Ты цел?

— Цел, — буркнул тот, отводя глаза. — Спасибо твоим людям.

— Мои люди здесь ни при чем. — Влад покачал головой. — Это храм. Тут свои порядки. И свои хозяева.

Он снова посмотрел на Алису. Взгляд его смягчился — чуть-чуть, самую малость, но она заметила.

— Идемте, баронесса. Вам нужно отдохнуть. И объясниться.

— Объясниться? — Она вскинула бровь. — С кем? С вами?

— Со мной. — Влад кивнул, и в этом кивке не было просьбы — было требование. Но не врага, не палача — того, кто имеет право знать правду, потому что от этой правды зависит жизнь.

— Здесь, в храме, я отвечаю за все. За каждую душу, что ищет защиты. Вы — теперь моя забота. Но чтобы я мог вас защищать, я должен понимать, что происходит. Все. Без утайки.

Алиса посмотрела на Лютобора. Тот молча кивнул: можно. Нужно.

Она перевела взгляд на Леву. Кот сидел у ее ног, смотрел на Влада желтыми глазами, и в этом взгляде читалось что-то странное — не враждебность, но оценка. Прикидывал, стоит ли доверять.

Потом Лева моргнул, зевнул и потерся о ногу Алисы.

Кот доверял.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Я расскажу.

Влад кивнул, повернулся и пошел вглубь двора. Черные фигуры расступились перед ним, как море перед носом корабля.

— Сюда. И, баронесса... — он обернулся на мгновение. — Добро пожаловать в единственное место в этой столице, где вам ничего не угрожает.

Алиса шагнула следом. Лева потрусил рядом, задрал хвост трубой. Лютобор замыкал шествие, то и дело оглядываясь на ворота, за которыми осталась ночь, полная врагов.

Ворота храма сомкнулись за ними, отсекая внешний мир.

Над головой, между двумя башнями, все так же висела луна — холодная, равнодушная, вечная.

Внутри храм оказался еще больше.

Высокие своды, колонны, уходящие в темноту, запах ладана и воска. Где-то в глубине пели — тихо, монотонно, как шум дождя.

Влад провел их в небольшую комнату с камином, лавками и столом. Здесь было тепло, горели свечи, на столе стоял хлеб и вино.

— Садитесь, — сказал он. — Здесь безопасно.

Алиса рухнула на лавку. Лева тут же запрыгнул на колени, заурчал, успокаивал.

— Кто это был? — спросила она.

— Люди Рутгера, — ответил Лютобор, садясь напротив. — Больше никому.

— Или те, кто хочет, чтобы вы так думали, — тихо добавил Влад.

Все посмотрели на него.

— Что вы имеете в виду? — спросил Михай, входя в комнату. Он оставался у двери — на страже, наготове.

— То, что в столице много охотников до чужого наследства. Рутгер — да, вероятнее всего. Но есть и другие. Канцлер, например.

— Канцлеру выгодно, чтобы я была жива, — возразила Алиса. — Я ему нужна как свидетель.

— Свидетель нужен живой до суда. А после — не очень.

Тишина упала в комнату, как снег.

— Вы предлагаете никому не верить? — усмехнулся Лютобор.

— Я предлагаю верить только тем, кто доказал, — спокойно ответил Влад. — А доказательства у нас разные.

Он посмотрел на Алису.

Влад сидел напротив, и пламя от свечей и камина играло на его лице, делая его то старше, то моложе, то чужим, то почти родным. В комнате было тихо — только потрескивал фитиль да где-то за стеной капала вода. Лева свернулся у ног Алисы, но не спал — следил желтыми глазами за каждым движением инквизитора.

— Я предлагаю вам убежище на время процесса, — сказал Влад, и голос его звучал глухо, будто он не просьбу говорил, а приговор зачитывал. — Здесь, в храме. Никто не посмеет тронуть вас под сводами Двуетидного. Даже Рутгер не настолько безумен, чтобы лезть в священное место. А я... — он запнулся на мгновение, — я буду рядом. Охранять. Лично.

Алиса смотрела на него, пытаясь понять, что скрывается за этим ровным, бесстрастным тоном. Красивое лицо — слишком правильное, слишком холодное, будто вырезанное из мрамора. Тени под глазами — глубокие, синие, как синяки. Такие бывают у людей, которые мало спят и много думают. Руки, сложенные на столе, — тонкие, с длинными пальцами, но в их спокойствии чувствовалась сила.

— И много женщин вы так охраняли? — спросила она, и вопрос прозвучал резче, чем хотелось. Защита. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Влад усмехнулся. Усмешка вышла кривой, горькой, почти болезненной.

— Ни одной, — сказал он тихо.

И в этом «ни одной» вдруг прозвучало столько всего, что Алиса на мгновение потеряла дар речи. Не просто ответ — признание. Что-то, что он не планировал говорить, но сказал.

Она смотрела на него, и внутри шевелилось странное чувство. Что-то, чему она не хотела давать названия. Красивое, холодное лицо, тени под глазами, тонкие руки — и в глазах... что-то, чего она не могла прочесть. Боль? Нежность? Тоска? Или все сразу?

— Я подумаю, — сказала она, чтобы не молчать.

— Думайте быстро. — Влад поднялся, и пламя свечи качнулось от его движения. — Суд через два дня. Послезавтра утром вам нужно быть в зале. А до тех пор... — он помолчал, — ...берегите себя.

Он поклонился — коротко, по-военному, без лишнего сгибания спины. Дверь за ним закрылась бесшумно. Тяжелый дуб не скрипнул, петли не вздохнули. Будто ее и не было. Будто человек просто растворился в коридоре, оставив после себя лишь холодный воздух и слабый запах ладана.

Алиса не двигалась. Свеча на столе догорала, фитиль трещал, выпуская тонкую, кривую струйку дыма. Лева терся о ее ногу, теплый, тяжелый, урчал низко, вибрируя в такт ее застывшему дыханию. Напоминание. Якорь.

Лютобор смотрел на нее. Долго. Тяжело. Взгляд не бегал, не прятался. Он просто держал ее в поле своего внимания, как держат натянутую тетиву — зная, что сорвется, если отпустить слишком рано.

— Ему можно верить, — сказал он наконец. Голос прозвучал глухо, будто каждое слово приходилось вытаскивать клещами из глубины, где оно давно прижилось ржавчиной. — В том смысле, что он не предаст.

— Почему ты так уверен?

Лютобор помрачнел. Отвернулся к окну. За стеклом чернела ночь, густая, непроглядная, без единого огонька. Его плечи напряглись под сюртуком.

— Потому что у него свои счеты с Рутгером, — выдохнул он. — Личные.

Алиса ждала. Не торопила. Знаком: иногда молчание заставляет говорить то, что язык сам не решается выдать.

— Сестру его сжег, — сказал Лютобор. Тихо. Будто боялся разбудить призрак. — По ложному доносу.

Тишина в комнате сгустилась. Стала вязкой, почти осязаемой, как воздух в зале после приговора. Фитиль свечи треснул, отбросив длинную, дрожащую тень на стену.

— Человек Рутгера подкинул улики, — продолжал Лютобор, не оборачиваясь. Пальцы легли на подоконник, сжались в кулак, потом разжались. — Кто-то из соседей позавидовал, кто-то из купцов хотел ее земли и т.д.

Он сглотнул. Звук прозвучал сухо, как треск сухой ветки.

Алиса молчала. Внутри все сжалось в тугую, болезненный узел. Не жалость. Узнавание. Она уже знала этот вкус — когда правда тонет в бумагах, когда кровь смывается водой, когда справедливость требует не суда, а терпения.

— Поэтому он здесь, — закончил Лютобор. Наконец обернулся. Лицо было каменным, но в глазах горело то самое, неугасимое. — Не из любви к закону. Не из веры в систему. Из мести. Чистой. Холодной. Как лед на дне колодца. Он несколько лет ждал возможности дотянуться до Рутгера. А теперь вы появились. И дверь открылась.

— А ты? — спросила Алиса. Тихо. Почти шепотом. — Ты из-за чего?

Лютобор медленно повернулся к ней полностью. Шагнул ближе. В его взгляде было что-то, от чего у Алисы перехватило дыхание. Не угроза. Не обещание. Признание.

— А я из чувства вины, баронесса, — сказал он. Просто. Без пафоса. Без надрыва. — За брата. Хоть он и был подлецом. За ребенка, который не заслужил смерти. За то, что стоял в стороне, когда мог вмешаться. За то, что позволил системе работать, пока она молола людей в муку.

Он помолчал. Воздух между ними стал тонким, острым.

— И за то, — добавил он еще тише, — что вы мне нравитесь больше, чем следовало бы.

И вышел. Не дожидаясь ответа. Не давая ей времени подобрать слова, которые могли бы все изменить или все разрушить.

Дверь закрылась. Бесшумно. Окончательно.

И комната осталась только с догорающей свечой, с теплым боком кота у ноги, и с тишиной, которая теперь знала слишком много.

Алиса осталась одна. Слевой. С мыслями, которые кружились в голове, как метель за окном — не упорядоченной, а рваной, бьющейся о стекла сознания, не находя выхода.

Она смотрела на свечу. Фитиль уже осел, выпуская тонкую, кривую струйку дыма. Воск застыл на подсвечнике неровными наростами, похожими на шрамы или застывшие слезы. Каждый слой — решение. Каждая капля — цена.

Влад. Его лицо, будто выточенное из льда, и глаза, в которых она на мгновение увидела не холод, а выжженное дотла поле. Сестра, обращенная в пепел по чужой прихоти.

Лютобор. Его вина — не абстрактная, а плотная, как камень на дне реки. Он нес ее не как крест, а как якорь. И теперь оба смотрели на нее. Не как на спасительницу. Как на инструмент. Или как на последнюю возможность выправить то, что система давно считала безнадежно кривым.

А она сама? Чужая в этом мире. С телом, которое еще не привыкло к тяжелым тканям и холодным взглядам. С болью, которая просачивалась сквозь поры, будто она впитала ее вместе с пылью столичных дорог. С врагами, чьи имена она выучила только вчера, но чьи тени уже ложились на ее пороги. Она не выбирала эту кожу. Но теперь придется в ней ходить.

— Ну что, Лева, — прошептала она, опуская руку. Пальцы коснулись теплой шерсти. Кот тут же заурчал, прижался боком к ладони, тяжелый, живой, непоколебимый. — Два дня. Два дня до суда. А там — либо пан, либо пропал.

Кот лизнул ее руку шершавым языком. Один раз. Уверенно. Не ласково — подтверждающе.

— Я с тобой, — сказали его глаза. — Куда ты, туда и я.

Она сжала пальцы. В кармане жетон отозвался глухой тяжестью. Не холодом уже — ровным, плотным теплом. Будто принял ее решение, еще не озвученное. Инквизиция не требо-

вала веры. Она требовала ясности. И сейчас, в этой полутьме, под глухое пение монахов где-то в каменных недрах храма, ясность наконец пришла. Не как озарение. Как неизбежность.

За окном завывал ветер, царапая стекло ледяными когтями. Где-то в глубине коридоров запели голоса — низкие, гортанные, перекликающиеся с эхом. Красиво. Отдаленно. Будто пели не для живых, а для тех, кто давно ушел, но еще не забыл, как дышать.

Алиса не отодвинулась. Напротив, плотнее прижала кота к груди, чувствуя, как его ритмичное мурлыканье постепенно вытесняет ее собственный, сбивчивый пульс. Она больше не ждала. Она принимала.

Рассвет не пришел внезапно. Он начался с серой полосы на горизонте, с постепенного осветления теней в углах, с того, как воск на столе перестал казаться черным и стал просто тусклым. Холод отступил, уступив место утренней сырости. Воздух в комнате стал легче. Не потому что исчезла тяжесть. Потому что она перестала давить извне и легла внутрь — как часть доспеха.

Глава 28: Канун

Утро в храме оказалось серым и тихим.

Свет просачивался сквозь узкие стрельчатые окна мутным, молочным потоком, в котором плавали пылинки, похожие на маленькие души. Где-то в глубине пели — тягуче, древне, на языке, которого Алиса не понимала, но который почему-то отзывался в груди щемящей, сладкой болью.

Она проснулась от прикосновения — осторожного, почти невесомого, будто бабочка села на плечо. Открыла глаза. Над ней стоял мальчик лет двенадцати в темной рясе, с большими испуганными глазами, в которых плескался отсвет вечности.

— Госпожа, — прошептал он, боясь нарушить тишину громким словом. — Вас зовут. Инквизитор ждет в молельне.

Алиса встала. Без спешки. Без дрожи. Лева, дремавший в ногах, недовольно зевнул, показав розовый язык и острые клыки, но с места не сдвинулся — только проводил хозяйку внимательным желтым взглядом.

Подошла к умывальнику, плеснула ледяной водой в лицо. Капли скатились по щекам, смывая остатки ночи, но не решение.

Она накинула плащ, пригладила волосы руками — зеркал здесь не водилось, да и нужды в них не было, — и пошла за мальчиком. Она вышла в коридор. Шаги гулко отдались от камня. Впереди была не свобода и не смерть. Была работа.

Коридоры храма вились, как змеи, петляли, уходили вниз и вверх, и Алиса быстро потеряла ориентацию. Где-то капала вода, где-то горели свечи, где-то пахло ладаном и еще чем-то — древним, сухим, похожим на запах старых костей.

Молельня оказалась маленькой комнатой без окон.

Тишина здесь была особенной — не пустой, а наполненной. Стоялой, как вода в глубоком колодце. Единственная свеча горела на алтаре — не каменном, а деревянном, темном, потертом тысячами ладоней, что прикасались к нему в молитве. Пламя ее не дрожало, не металось — горело ровно, будто время здесь остановилось.

Две скамьи стояли по бокам — простые, без резьбы, без украшений. На стене — Знак Двуетного. Два переплетенных круга на темном дереве, один светлый, другой темный, соединенные так, что невозможно понять, где кончается один и начинается другой. В свете свечи они казались живыми — пульсировали, дышали, смотрели.

Влад стоял перед «алтарем».

Он не молился вслух — просто стоял, опустив голову, и в этой неподвижности было столько силы, что Алиса замерла на пороге, боясь нарушить. Пламя свечи отражалось в его темных волосах, делало их похожими на вороново крыло.

Услышав шаги, он обернулся.

В полумраке его лицо казалось высеченным из камня — резкие скулы, глубокие тени под глазами, плотно сжатые губы. Но глаза... глаза смотрели на нее так, будто видели не тело, не одежду, не маску — а то, что внутри.

— Баронесса. — Голос его звучал глухо, но в этой глухоте не было холода — только усталость и что-то еще, чему Алиса боялась дать название. — Спасибо, что пришли.

— Вы звали.

— Звал, — кивнул он, не отводя взгляда. — Завтра суд. Вы готовы?

— Готова.

Слово упало в тишину, как камень в глубокий колодец.

Влад шагнул ближе. Теперь между ними было меньше шага — расстояние, на котором слышно дыхание, на котором видно, как расширяются зрачки.

— Вы понимаете, что будет завтра? — спросил он тихо. — Канцлер — лис, он будет задавать вопросы с подвохом. Рутгер — волк, он будет рвать глотку. Свидетели, купленные за серебро, будут клясться, что вы лжете. А судьи... судьи будут смотреть на вас и прикидывать, кто больше заплатит.

— Понимаю.

— И вы не боитесь?

Алиса встретила его взгляд. Внутри дрожало все, но голос прозвучал ровно:

— Боюсь. Очень. Но это не мешает.

Влад смотрел на нее долго. Очень долго. Так долго, что свеча, кажется, успела прогореть на целый палец.

— Вы необычная женщина, баронесса, — сказал он наконец. И в голосе его не было привычной инквизиторской отстраненности — было что-то другое. Теплое. Живое.

— Я слышала.

— Я не про то. — Он шагнул еще ближе, и Алиса почувствовала запах — сухой, пряный, чуть горьковатый. Так пахнет ладан. И еще — железо. И кожа. И он сам. — Я видел много людей. Виновных и невиновных. Слабых и сильных. Тех, кто ломался на первом вопросе, и тех, кто молчал под пытками.

Он помолчал, и в этом молчании было столько боли, что у Алисы перехватило дыхание.

— Но таких, как вы... не видел.

— Хороших или плохих?

— Других.

Слово повисло между ними, тяжелое, как камень. Влад смотрел на нее, и в глазах его Алиса вдруг увидела то, что он так тщательно прятал за маской спокойствия. Одиночество. Усталость. И что-то похожее на надежду.

— Вы другая, — сказал он тихо, почти шепотом. — Я не знаю, откуда вы. Но вы не отсюда. Я чувствую это кожей. И это... — он запнулся, подбирая слово, — это пугает и притягивает одновременно. Как бездна.

Алиса молчала. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Она знала, что должна что-то сказать, но слова застряли, рассыпались, не находили друг друга.

— Завтра, — выдохнула она наконец. — Завтра все решится.

— Завтра, — кивнул Влад. И добавил, не отводя взгляда: — Я буду там. Все время. Что бы ни случилось — я буду рядом. Обещаю.

В этом обещании не было пафоса. Не было громких слов. Была только тихая, твердая решимость человека, который привык отвечать за свои слова.

Алиса кивнула. Развернулась. Вышла.

Дверь за ней закрылась бесшумно.

В коридоре ждал Лева. Сидел, как каменное изваяние, и смотрел на дверь желтыми глазами. Увидел хозяйку — поднялся, потянулся, зевнул.

— Все нормально, — сказала Алиса, и голос ее сел от напряжения. — Пошли завтракать.

Кот подошел, ткнулся носом в ногу, потерся — мол, я здесь, я с тобой, никуда не уходил.

Они пошли по длинным коридорам храма, и где-то в глубине все так же пели монахи — тягуче, древне, на языке, которого Алиса не понимала. Но теперь ей казалось, что она начинает понимать.

Хотя бы немного. Хотя бы самую малость.

День тянулся бесконечно. В каменной трапезной храма часы не тикали. Только свет медленно полз по стенам, выхватывая из полутени резные колонны, дубовые столы, застывшие в напряжении фигуры. Воздух был густым, пропитанным ладаном, старой бумагой и тем самым ожиданием, которое не выветривается, а оседает на плечах, как мокрая шерсть.

Алиса сидела за дальним столом. Перед ней — стопка листов, выданных Лютобором. Печати, подписи, даты, списки свидетелей, копии доносов, финансовые выписки, которые стоили больше, чем весили. Она перебирала их медленно. Пальцы скользили по шершавой бумаге, ища зацепки, повторы, слабые места. Каждый лист — камень в стену, которую они завтра будут штурмовать. Или которой будут завалены сами.

В углу, на каменной скамье, сидел Михай. Нож в его руках ходил по оселку с ровным, монотонным шорохом. *Шурк. Шурк. Шурк.* Уже в сотый раз. Лезвие было острым до безумия, но он не останавливался. Это был не ритуал ухода за оружием. Это был способ удержать руки при деле, когда мозг метался между «если» и «когда».

Лютобор ходил по трапезной из угла в угол. Сапоги глухо стучали по каменным плитам. Шаг — поворот — шаг. Как зверь в клетке, чьи размеры он уже вымерил до последнего дюйма. Плечи напряжены, взгляд устремлен в пол, но не видит его. Видит завтрашний зал. Судей. Рутгера. Неизвестность.

— Перестань, — сказала Алиса, не поднимая глаз от бумаг. Голос прозвучал ровно, но в нем была сталь. — Сам нервничаешь и меня нервируешь.

— Я не нервничаю. Я думаю, — отозвался Лютобор не останавливаясь.

— Думай сидя.

Он замер. Повернулся. Усмешка тронула губы — кривая, нервная, но живая.

— Ладно.

Сел напротив. Дерево скрипнуло под его весом. Взял со стола кружку с остывшим травяным отваром, покрутил в пальцах, будто пытается прочесть в темной жидкости ответ.

— Знаете, баронесса, — начал он тихо. — Я ведь не думал, что дойдет до суда. Думал, Рутгер сдастся сам, когда увидит документы. Когда поймет, что пахнет жареным, и жарить будут его.

— А он не сдался.

— Не сдался. — Лютобор поставил кружку. Стукнул дном о стол, слишком резко. — Значит, у него есть козырь.

— Какой?

— Не знаю. — Взгляд поднялся к ней. В глазах — тень, которую не рассеять словами. — Но есть. Рутгер не рискует, если не держит в рукаве то, что перекроет стол. Иначе он не сидел бы так спокойно, пока мы готовим обвинение.

Алиса отложила бумаги. Листы легли ровно, один на другой, как кладка. Она провела ладонью по внутреннему карману платья. Жетон отозвался привычной тяжестью. Не холодел. Не грел. Просто был. Якорь. Напоминание о границе, которую она уже пересекла.

— Мы справимся, — сказала она. — У нас правда.

— В столице правда ничего не стоит, — горько усмехнулся Лютобор. Усмешка не коснулась глаз. — Здесь ценятся деньги и связи. Правда — это просто чернила на бумаге, пока ее не оплатят тем, кто сидит выше.

— У нас есть и то, и другое, — Алиса не отводила взгляда. — Деньги — ваши. Связи — канцлера и Влада.

Лева, до этого дремавший на широком подоконнике, открыл один глаз. Посмотрел на них. Не мякнул. Просто переложил голову на лапы. Наблюдал. Слушал. Считывал.

Лютобор посмотрел на нее. Долго. Изучающе. Будто впервые видел не баронессу в чужом платье, а женщину, которая стоит на краю, но не дрожит.

— Вы всегда такая уверенная?

— Я всегда такая, — ответила она. Сухая улыбка тронула губы. — Жить, оглядываясь, надоело. Проще смотреть вперед. Даже если там темно.

Он рассмеялся. Впервые за долгое время. Звук вырвался неожиданно — не громкий, но живой, сбивший тяжесть в комнате, как первый луч солнца сбивает иней с камня.

— С вами не соскучишься, баронесса.

За окнами храма гудела столица. Где-то вдали били колокола. Отмеряли время. Но внутри, за каменными стенами, время будто остановилось, уступая место тишине. Той самой, что не пугает. А готовит.

Алиса снова взяла бумаги. Михай продолжил точить нож. Лютобор закрыл глаза, откинувшись на спинку стула, и впервые за весь день его дыхание стало ровным.

Завтра будет суд. Сегодня — только подготовка.

Вечер опустился на каменные своды храма тяжелой, выстоянной тьмой. Дверь отворилась без стука. Влад вошел — не в парадной рясе, а в потертом дорожном плаще, от которого еще пахло морозом и улицей. Не сел. Не тратил время на приветствия.

— Все готово, — сказал он коротко. Ровно, как зачитывают приговор, который уже подписан. — Заседание завтра в полдень. Я буду рядом. Мои люди проследят, чтобы не было никаких «случайностей».

Его взгляд скользнул по комнате, остановился на ней. Не искал слабости. Проверял готовность.

— Спасибо, — кивнула Алиса. Слово прозвучало тихо, но не робко.

— Не за что. — Он помолчал. В полумраке резкие черты лица казались чуть мягче. Или просто усталыми. — Удачи. Хотя она вам не нужна. — Пауза затянулась на удар сердца. — Потому что вы сами себе удача.

Это не было комплиментом. Был расчет. Признание того, что черту она уже пересекла, и обратно дороги нет.

Он развернулся. Вышел. Дверь за ним сомкнулась с той самой бесшумной точностью, какая бывает только у тех, кто умеет исчезать, не оставляя эха.

Алиса осталась в дверях. Смотрела в пустоту коридора, где еще секунду назад стоял человек, чья жизнь была выжжена дотла, но не сломана.

Лева тронулся с места, терся о голени, теплый, тяжелый, урчал ровно, как настроенный камертон.

Она наклонилась, пальцы утонули в густой шерсти.

— Пошли спать, — сказала она. — Завтра тяжелый день.

Закрыла дверь. Задула большую свечу. Оставила лишь малый огонек у окна.

Ночь легла на храм тихая. Не темная — ясная. Иней плел серебряные узоры на стеклах. Сквозь редкие облака пробивались звезды, холодные, далекие, безжалостно точные. Город внизу затаил дыхание. Даже ветер притих, будто знал: рассвет принесет не гром, а весы.

Алиса легла. Не сразу закрыла глаза. Почувствовала камень на груди. Сначала холодный. Потом отдающий ровное, сухое тепло. Потом — просто часть тела. Как граница. Как договор, который она сама с собой заключила.

Завтра все решится.

Не криком. Не слезами. Не чудом.

Бумагами. Паузами. Молчанием, которое весит больше слов.

Она выдохнула. Прислушалась к дыханию кота. К тишине камня. К собственному сердцу, бьющемуся ровно, без срывов.

Готова.

Дорогие читательницы!

Новая книга «Искра. Ледяное пламя» уже на подходе!

Глава 29: Сон

Ночь опустилась на храм тяжелая, глухая. Не просто темнота — плотная, выстоянная, как вода в глубоком колодце. Каменные стены дышали холодом, впитывая дневное напряжение, отдавая его обратно в виде тишины, от которой звенело в ушах.

Алиса лежала на узкой лавке в отведенной ей келье. Тонкий матрац, жесткое одеяло, запах старого дерева и ладана, въевшийся в ткань и кожу. Смотрела в низкий, пересекаемый тенями потолок. Сон не приходил. Не потому что боялась завтрашнего дня. Потому что тело еще не верило, что все, что накопилось за эти недели — документы, взгляды, шрамы, обещания — уляжется в одно заседание, в одну фразу, в один удар молотка.

Лева, как обычно, устроился в ногах. Но сегодня не спал. Ворочался, вздыхал, то и дело поднимал голову. Уши дергались, ловя то, чего она не слышала: скрип древних балок, дыхание спящего города, или, может быть, что-то старее самого храма. Его хвост бил по одеялу неровно, как метроном, сбивший ритм.

Камень на груди впитавший ее тепло и страхи грел сильнее обычного. Не просто теплый. Пульсировал. Ровно, глухо, в такт собственному сердцу, которое билось слишком быстро для лежащего положения.

Она приподнялась на локте, накрыла его ладонью. Камень отозвался мгновенно.

— Что тебе нужно? — шепнула она в полутьму. Голос прозвучал хрипло, но без страха. Скорее как вопрос к старому союзнику, чьи правила она еще не выучила до конца.

Камень ответил. Сначала — ровным, сухим теплом, расползающимся по ключицам, по ребрам, по кончикам пальцев. Потом — жаром. Сильным, обжигающим, но не больно. Будто внутри нее разжигали не огонь, а ясность. Все мысли, обрывки фраз, лица, цифры, страхи — все это вдруг улеглось в единую, неподвижную линию. Тело обмякло. Дыхание выровнялось. Тяжесть на груди превратилась в якорь.

Алиса провалилась в сон.

Она стояла в лесу.

Не в том, где охотилась с мужиками. И не в том, где на них напали. Другой. Древний, черный, дышащий сырой землей и старой смолой. Деревья толщиной в баини, их корни сплетались в живые арки, своды, стены — будто лес сам помнил, как быть храмом. Воздух был густым, неподвижным. Тишина здесь не отсутствовала. Она ждала.

— Иди, — голос Велены прозвучал не в ушах, а в костях. Тихий, без эха, будто шептал сам воздух.

— Куда?

— Туда, куда ведет камень.

Алиса открыла ладонь. Камень — тот самый, плоский, истертый краями — лежал на коже, но уже не как камень. Как живое сердце. Синеватое свечение исходило изнутри, ровное, пульсирующее в такт ее собственному дыханию. Оно не слепило. Оно показывало. Тянуло вглубь, сквозь переплетения корней, к холму, заросшему мхом и бледными лишайниками.

Она сделала шаг. Потом еще.

Лес не просто расступался. Он признавал. Ветви поднимались, будто склоняясь. Корни уходили глубже, освобождая тропу, усыпанную старой хвоей и пеплом. Луна пробилась сквозь кроны — не холодная, а ясная, выхватывающая каждую каплю росы, каждую жилку на листе, каждый шрам на коре. Свет не грел. Он обнажал.

Холм оказался не холмом.

Это был курган. Древний, осевший под веками дождей, обрамленный плитами, покрытыми знаками, стертыми временем. В центре зиял провал. Не яма. Горло. Черное, бездонное, дышащее сыростью и чем-то древним, чем пахнет только в подземельях.

— Спускайся, — голос Велены стал ближе. Уже не в воздухе. В груди. — Страшно всегда. Страх — это цена ясного зрения. Ты не одна.

Алиса не оглянулась. Не стала искать утешения в снах или воспоминаниях. Она знала: этот провал — не конец. Это зеркало. То самое, перед которым завтра встанет вся столица.

Она шагнула в темноту.

Воздух обжег легкие. Камень на груди вспыхнул — не жаром, а ровным, негасимым светом, пробившимся сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь страх. И где-то в глубине, за краем зрения, послышалось тихое, уверенное мурлыканье. Будто кто-то уже ждал ее внизу. Не чтобы спасти. Чтобы подтвердить: граница пройдена.

Лестница уходила глубоко вниз, в каменное чрево земли. Ступени, стертые не тысячами, а эпохами ног, пахли не просто сыростью — озоном, старой смолой, остывшим пеплом и чем-то металлическим, как кровь на лезвии. Стены дышали. Рисунки на них — люди с поднятыми руками, звери с лицами людей, две переплетенные спирали, символы, похожие на весы — не застыли. Они пульсировали в периферийном зрении, будто помнили, как быть живыми.

Камень на груди не просто горел. Он пел. Тихо, на грани слышимости, вибрировал в такт пульсу, тянул вниз, как магнит, как якорь, как обет, который она еще не дала, но уже несла.

Она вышла в зал.

Пространство развернулось, не имеющее дна и потолка. Колонны уходили в темноту, широкие, как стволы древних деревьев, покрытые трещинами, похожими на ирамы. В центре — алтарь. Не из золота, не из жертвенного камня. Из черного базальта, вросшего в пол. На нем горел огонь.

Синий. Холодный. Не дающий тепла. Он не колебался. Стоял ровно, как линейка на чертеже. И в этом была его магия.

У алтаря стояли двое.

Один — в белом, но не ослепительном, а выцветшем, как старое полотно. Седая борода, посох из темного дерева, оплетенный серебром. Лицо изрезанное временем, глаза уставшие, но острые.

Второй — в черном. Не плащ, а тень, принявшая форму. Капюшон скрывал лицо. От него веяло не злом, а неизбежностью. Как от зимы. Как от приговора.

— Ты пришла, — сказал белый. Голос не эхом, а вибрацией в грудной клетке.

— Мы ждали, — отозвался черный. Шепот, похожий на шуршание сухих листьев по камню.

Белый поднял посох. Кончик указал на ее грудь. На камень.

— Ты носишь знак. Древнее, чем кора. Он не выбрал тебя. Он признал. Значит, ты — хранитель границы.

— Я не просила, — выдохнула Алиса. Голос дрогнул, но не от страха. От тяжести.

— Никто не просит, — черный шагнул ближе. Его тень легла на ее сапоги, холодная, но не обжигающая. — Но отказ — тоже выбор. И цена его — тишина. Та, что остается, когда уходит все, за что ты цеплялась.

— Чья тишина?

— Тех, кого ты зовешь своими.

Алиса замерла. Камень на груди пульсировал, отвечая на каждое слово, будто считывая ее страх, взвешивая его.

— Что я должна делать?

— Выбирать, — сказал белый. — Порядок или Перемена. Щит или Клинок. Себя — или тех, за кого отвечаешь. Свет или Тьма. Жизнь или смерть. Себя или других.

— Я не понимаю, — прошептала она. И тут же поняла: понимает слишком хорошо.

— Поймешь, когда весы качнутся, — черный протянул руку. В ладони лежал меч. Не отражающий свет. Поглощающий его. Лезвие было темным, как вода на глубине. — Возьми. Если выберешь Тьму. Если примешь, что мир ломается, чтобы стать иным.

Белый поднял посох. С наконечника капнула вода. Чистая, тяжелая. — Возьми. Если выберешь Свет. Если захочешь удержать то, что есть, даже ценой крови.

Алиса смотрела на них. На меч. На посох. На синий огонь. Внутри все сжалось, потом расправилось.

— Я не выбираю между плахой и мечом, — сказала она. Тихо. — Я выбираю, чтобы мои люди были живы и здоровы. Чтобы те, кто остался в особняке, не умерли зря. Я не буду ни щитом, ни клинком. Я буду землей, на которой они стоят.

Двое переглянулись. Не с удивлением. С узнаванием.

— Тогда выбирай позже, — белый опустил посох. — Но знай: граница не терпит нейтралитета. Она требует цены.

— А пока — иди, — черный убрал меч. Тень отступила. — Твой путь еще не окончен. Он только набирает вес.

Они не растворились. Просто перестали быть отдельными. Стали частью колонн, частью тени, частью самого огня. Зал опустел. Остался только синий свет и дыхание камня.

Алиса шагнула к алтарю. Воздух стал тонким, острым, как лезвие бритвы. Она протянула руку. Не к огню. К тому, что под ним. К тому, что он скрывал.

Кончики пальцев коснулись синего пламени.

Не жгло. Замораживало. Проникало под кожу, в кости, в память. И там, в глубине, вспыхнуло не пламя — знание. Холодное, ясное, невыносимо тяжелое. Она увидела не будущее. Увидела связи. Нити, тянущиеся от нее к Лютобору, к Владу, к Михаю, к Рутгеру, к тем, кто еще не родился. Все они сплетались в один узел. И узел этот держался на ней.

Она не отдернула руку. Приняла.

Камень на груди вспыхнул в унисон. И где-то сверху, за толщей камня и сна, послышалось тихое, уверенное мурлыканье.

Будто кто-то сказал: «Пора просыпаться.»

— Барыня!

Алиса открыла глаза.

Над ней стоял Михай, бледный, встревоженный. Лева сидел на груди и смотрел в лицо немигающим взглядом.

— Вы кричали во сне, — сказал Михай. — Метались. Мы не могли вас добудиться.

— Кричала? — Алиса села тяжело дыша, вытерла пот со лба, шеи.

Камень на груди был горячим. Очень горячим.

— Приснилось, — тревожно сказала она. — Просто приснилось.

Михай смотрел на нее долгим взглядом, но ничего не спросил. Только кивнул:

— Спите. Я рядом.

Алиса легла на бок, прижала камень к груди.

— Ты меня слышишь? — шепнула она. — Я не выбираю. Не сейчас.

Камень пульсировал в ответ. Тепло. Спокойно.

Лева лизнул ее руку.

— Спасибо, что ты есть — сказала Алиса коту.

Глава 30: Под землей

Алиса не спала до рассвета. Сон не шел — перед глазами все еще плясали хранители, синий огонь лизал темноту, черный меч и белый посох тянулись к ней из сновидений. Камень на груди пульсировал ровно, успокаивающе, но внутри все дрожало от одного вопроса: что значит «выбирать»?

Когда за окном начало сереть, она села на постели.

Лева открыл глаза мгновенно — кот всегда чувствовал ее движение, даже сквозь самый крепкий сон.

— Пойдем, — шепнула Алиса. — Проверим кое-что.

Кот спрыгнул с лавки, потянулся, зевнул и потрусил к двери. Он знал, куда идти. Он всегда знал.

В коридорах храма было пусто и тихо. Служки еще спали, стража у ворот дремала, прислонившись к стене. Михай остался в келье — Алиса не стала его будить. Если там, внизу, ее действительно ждет то, что она видела во сне, лишние глаза не нужны.

— Куда? — спросила она у Левы.

Кот повел ухом — жест, который она выучила за месяцы совместной жизни, — и направился не к выходу, а вглубь храма. Туда, где кончались молельни с их тихим полумраком и начинались древние стены — грубые, циклопические, сложенные задолго до того, как здесь появились люди.

Они шли долго.

Лестницы уходили вниз, ступени вогнутые, стертые не сапогами, а поколениями подошв: босых и в коже, тяжелых и легких, спешащих и отступающих. Каждый шаг отдавался в камне глухим эхом, но звук не исчезал сразу. Он задерживался в переходах, возвращался через полминуты, будто стены запоминали и повторяли. Петляли коридорами, проходили под низкими арками, останавливались у дверей из темного дуба с потертыми ручками. Лева шел впереди. Не оглядывался. Не мяукал. Просто подходил, упирался лбом в дерево, толкал носом. И дверь подавалась. Без скрипа. Без сопротивления. Будто замок уже был отперт, а механизм лишь ждал.

Воздух густел. Холод поднимался от пола, сырость липла к рукавам, к щекам, к волосам. Пахло не просто землей и камнем — озоном, старой смолой, остывшим пеплом и чем-то неуловимо живым. Пульсирующим. Не в ушах. В груди. Как второе сердце, бьющееся в такт ее собственному, но медленнее, глубже, древнее.

— Лева, — шепнула Алиса, чувствуя, как голос вязнет в тяжелом воздухе. — Ты уверен?

Кот даже не обернулся. Только хвост дрогнул, выпрямился, указывая путь. Не вопрос. Утверждение. Он шел туда, куда его звали. И она шла следом.

Они вышли в круглый зал.

Он был точь-в-точь как во сне. Не похож. *Тот же самый.* Колонны уходили вверх, теряясь в тени, широкие, как стволы, покрытые трещинами, похожими на шрамы или старые письмена. Сводов не видно. Только глубина. В центре — алтарь. Черный камень, не гранит, не базальт — что-то иное, отполированное временем и ладонями до зеркального, почти водяного блеска. Он не отражал свет. Он его впитывал.

И на нем горел огонь.

Синий. Холодный. Не пляшущий, не дышащий. Стоящий. Ровный, как линейка на чертеже. Без дров. Без масла. Без причины. Он лизал воздух, но не обжигал — пронизывал. Проходил сквозь ткань, сквозь кожу. Оставлял не жар, а ясность. И тяжесть. Ту самую, что легла ей на плечи еще в келье, но теперь стала осязаемой.

Хранителей не было.

Ни белого. Ни черного. Только тишина. Густая, выдержанная, как вода в колодце.
— Я сошла с ума? — сказала Алиса вслух. — Да, я сошла с ума. Какая досада.

Голос прозвучал не с отчаянием. С облегчением. Будто наконец позволила себе назвать то, что тело знало уже давно. Камень на груди не дрогнул. Не вспыхнул. Просто стал тяжелее. Ровнее. Как гири на весах.

Лева подошел к алтарю. Сел. Поднял морду к синему пламени. Не зажмурился. Не отшатнулся. Просто смотрел. И в его глазах, зеленых, немигающих, она увидела не отражение огня. Увидела себя. Не ту, что приехала в столицу в мятом платье. Ту, что уже сделала шаг в темноту.

Она сделала еще один шаг вперед.

И перестала бояться.

Лева перешел и сел у ее ног. Не свернулся. Сел прямо. Спина прямая, хвост обвил лапы, как прижатый клинок. Задрал голову.

Алиса посмотрела туда же.

В темноте над алтарем воздух сгустился. Не материализовался — проявился. Два силуэта. Не люди. Сгустки противоположностей, сотканые из самой ткани этого места. Белый мерцал, как первый иней на рассвете: холодный, чистый, неподвижный. Черный был глубже ночи, но в этой глубине тлели искры — не звезды, а тлеющие угли неизбежности. Они не парили. Они висели, как весы в состоянии покоя.

— Ты пришла.

Голос белого прозвучал не в ушах. Он отдался в ключицах, в ребрах, в каждом ударе пульса. Будто вибрация прошла сквозь кость.

— Мы знали, что придешь.

Голос черного был как эхо в колодце — далекий, но идущий изнутри черепа. Тихий. Без эха. Без пощады.

— Кто вы? — Алиса сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Боль помогла удержать дрожь в голосе. — И что вам от меня нужно?

— Равновесие нарушено. — Белый силуэт дрогнул, будто сквозняк прошел сквозь ткань. — Тот, кто выжигает магию, выжигает память мира.

— Рутгер? — выдохнула Алиса. Имя вырвалось само.

Тишина. Потом — звук. Не смех. Вдох. Усталый, древний, как скрип вековых ворот.

— Рутгер — щепка в реке, — сказал черный. — Фигура на доске. За ним стоит рука.

— Кто?

— Имя не имеет веса здесь. Важно то, что ты должна сделать. Сейчас.

Белый спустился ниже. Воздух вокруг него стал прозрачным, ломким. В руке возник посох — не дерево, не металл. Свет, застывший в форме ветви. На конце — бутон, готовый раскрыться. От него падала вода. Капля коснулась черного камня — и из микротрещины пробился бледный мох. Живой. Тихий.

— Возьми. Исцелять. Кормить. Давать начало. Быть тем, кто удерживает.

Черный шагнул с другой стороны. Холод ударил в лицо, но не ледяной — сухой, как в склепе. В его руке — меч. Клинок без отражений. Тьма, отлитая в форму лезвия. От него веяло не жестокостью. Финальностью.

— Возьми. Защищать. Карать. Отсекать лишнее. Быть тем, кто завершает.

Алиса смотрела. Сердце колотилось в горле, сбивая дыхание. Камень на груди вибрировал, раскаляясь, будто впитывал их голоса, переводил в жар, в давление, в вопрос.

— А если я возьму оба? — спросила она. Не вызов. Попытка. Третья дорога.

Мир дрогнул.

Синий огонь на алтаре взмыл вверх, лизнув своды. Воздух сжался, как в кулаке. Стены гулко отозвались.

— НЕЛЬЗЯ!

Голоса слились. Не в крик. В удар. Древний. Тяжелый. Раздавшийся в костях.

— Равновесие — в разделении. Ты либо даешь жизнь. Либо забираешь. Середины нет. Не может быть.

— Но вы же вместе! — Алиса сделала шаг вперед. Камень жег кожу, но она не отступила. — Вы — две стороны одного! Два дыхания!

— Мы — силы, — ответил белый. Мягче. Но в мягкости была непреклонность камня. — Мы можем сосуществовать. Потому что мы не кровь и не кость.

— Ты — человек, — эхом отозвался черный. И в эхе — не угроза. Приговор. — Ты должна выбрать, кем станешь.

Алиса молчала. В висках стучала кровь. В груди горел жар, выжигающий сомнения. Камень пульсировал так сильно, что, казалось, еще секунда — и он прожжет ткань, врежется в ребро, станет частью нее навсегда. Она смотрела на посох. На меч. На синий огонь. И понимала: это не выбор между добром и злом. Это выбор между тем, чтобы нести вес, и тем, чтобы сбросить его.

Лева не шевельнулся. Только зрачки расширились, впитывая синий свет. Будто ждал. Будто уже знал. Затем встал, ткнулся мокрым носом в ее ладонь. Резко. Требовательно.

Она опустила взгляд. Зеленые глаза смотрели прямо. Не как у питомца. Как у существа, которое помнит время до слов, до законов, до этой самой столицы. В них не было страха. Была тихая, упрямая верность. И что-то древнее, что она раньше называла просто «кошачьей независимостью», а теперь узнавала как обет.

— А он? — голос сорвался на хрип. — Кто он?

— Можно сказать твой личный Хранитель, — голос Черного прозвучал не в ушах, а в ключицах. Ровный, как удар молотка по твердому. — Межевой Печатник.

— Тот, кто пришел незадолго до тебя, — добавил черный. Голос шел из тени, ровный, без эха. — Из мира, где границы еще не очерчены.

— Печатник..., — Алиса замерла. Слово легло на язык тяжело, будто камень.

— Межевой, — продолжил Черный, — чертит черту. Где ступит — там кончается одно и начинается другое. Печатник — скрепляет. Где ляжет — там выбор становится весом. Не держит равновесие мира. Держит твою нить. Чтобы ты не растворилась в нем, когда станешь сильнее.

Он помолчал. Синий огонь дрогнул, отбросив ломкую тень на базальт.

— Без него Искра сожжет тебя. Или погаснет. С ним — она станет законом. А закон, баронесса, начинается не с приказа. С черты, которую никто не смеет переступить.

Белый кивнул, чуть слышно. Вода с посоха капнула на камень, и из микротрещины пробился бледный мох.

— Он выбрал тебя, — сказал белый мягче. — Не потому, что ты сильна. Потому что ты умеешь стоять на черте и не падать.

Алиса замерла. Воздух в легких стал тяжелым, будто вода.

— Он был человеком?

— Был сутью, сущностью, — голос белого дрогнул. Едва заметно. Будто слово давалось ему с трудом. — Теперь — нет. Сначала он выбрал форму. Затем выбрал тебя.

Тишина. Синий огонь потрескивал на алтаре, отбрасывая длинные, ломкие тени.

Алиса опустилась на колени. Камень был холодным, но она не чувствовала его. Смотрела в зеленые глаза.

— Ты умер из-за меня? — шепотом.

Лева моргнул. Медленно. Потом лизнул ее пальцы. Шершавым языком. Тепло. Живое. Настоящее.

— Он выбрал, — повторил черный. — Теперь выбирай ты.

Алиса поднялась. Ноги дрожали, но спина оставалась прямой. Посмотрела на посох. Вода капала, ритмично, отсчитывая время. Посмотрела на меч. Тьма в нем не манила. Она ждала.

— Я не знаю, кто я, — сказала тихо. Без самообмана. Без попытки казаться сильнее. — Честно. Я просто хотела выжить. Не сгинуть в этом чужом городе, под чужими законами.

Перевела взгляд на алтарь. На огонь. На колонны, уходящие в черноту.

— Но эти люди — голос окреп, обрел опору. — Они мои. Михай. Флора. Пахом. Спиридон. Лютобор. И Влад, каким бы странным он ни был. Они мои. И я их не отдам. Ни Рутгеру. Ни вашему игроку. Никому.

Протянула руку к мечу. Пальцы почти коснулись рукояти. Холод обжег кожу. Но в последний миг ладонь дрогнула. Не от страха. От понимания. Она не станет тем, кто забирает. Не сейчас. Она станет тем, кто держит.

Ладонь легла на посох.

Вода брызнула. Холодная, пронзительная. Обожгла, как снег в ладонь. И вдруг — внутри все сдвинулось. Не взрыв. Не грохот. Тихий, мощный сдвиг. Сила потекла не извне, а из самой земли, через камень, через посох, в нее. Теплая. Живая. Пульсирующая в такт сердцу, но медленнее, глубже. Заполнила вены, вытеснила страх, оставив только ясность. Она почувствовала корни под камнем, дыхание спящего города, нити, тянущиеся к тем, кого назвала своими. Не магия. Ответственность. В материальной форме.

— Ты выбрала, — сказал белый. Голос уходил, таял, будто растворялся в воздухе.

— Жизнь, — кивнул черный. И в тоне, впервые за все время, прозвучало что-то похожее на улыбку. Не радость. Принятие. — Но помни. Жизни без смерти не бывает. Ты еще возьмешь меч когда придет время.

Они не исчезли. Просто перестали быть отдельными. Стали частью тени, частью света, частью самого огня.

Эхо голосов затихло под сводами. Синий огонь горел чуть ровнее, чуть ярче.

Алиса стояла. Дерево посоха больше не казалось чужим материалом. Оно легло в ладонь, как родная кость, пульсируя в такт ее дыханию. Не как какая-то магия, как прямая связь.

Вода стекала с наконечника медленно, тяжелыми каплями. Там, где они касались векового камня, происходило чудо. Из микротрещин, десятилетиями державших только пыль и сажу, пробивались ростки. Тонкие, бледно-зеленые, упрямые. Они не вспыхивали мгновенным садом. Они тянулись, расправляли лепестки, цеплялись за неровности, и через минуту у ее сапог уже лежал ковер из белых, почти прозрачных цветов. Живых. Дышащих. Пахнущих сырой землей и озоном.

— Лева, — выдохнула она. Голос застрял в горле.

Кот подошел осторожно. Обнюхал стебли, чихнул от резкого запаха, лизнул ее пальцы шершавым языком. Потом поднял голову туда, где только что висели силуэты. Коротко, низко муркнул. Не восторг. Подтверждение. *Черта проведена. Договор вступил в силу.*

Посох в руках светился ровным, матовым светом. Не слепил. Успокаивал.

— Пойдем, — сказала она. Спрятала древко под плащ. Дерево отозвалось на ее мысль: не сжалось магически, а *свернулось*, стало плотнее, короче, превратившись в обычную на вид дорожную трость. Но вес никуда не делся. Он просто перешел внутрь. В позвоночник. В плечи. В то, что она теперь несла.

Они шли назад. По тем же коридорам, по тем же вогнутым ступеням. И там, куда ступала ее нога, из камня пробивался тот же бледный мох, те же белые бутоны. Алиса не замечала. Мысли были заняты другим: списками свидетелей, печатями, голосом судьи, взглядом Рутгера, ценой, которую она уже начала платить. Но Лева шел сзади, и его зеленые глаза отмечали каждый новый росток. Он урчал тихо, ровно. Будто вел невидимый учет. Поставил печать. Перешел к следующей.

Наверху их ждал новый день. Серый, холодный, обычный. Ветер бил в лицо, пахло угольным дымом и мокрой шерстью, но внутри Алисы горело не пламя — ясность и уверенность. Та самая, что она выбрала у алтаря.

Впереди был суд. Впереди — битва не клинками, а словами, процедурами и молчанием. Впереди — жизнь, которую придется отстаивать. И смерть, которая всегда идет рядом.

Глава 31: Суд

Алиса не ложилась. Просидела на лавке, сжимая в руках посох, который теперь не отпустила ни на минуту. Он изменился — там, в крипте, под сводами вечности, он был просто светящимся древком. Теперь же... теперь он жил.

Грубое дерево стало гладким, почти полированным, теплым на ощупь — будто впитало тепло ее рук и вернула его сторицей. По поверхности бежали узоры — тонкие, как паутина, переливающиеся под пальцами золотом и серебром. Они двигались, дышали, пульсировали в такт ее сердцу. Когда Алиса проводила по ним ладонью, в груди разливалось спокойствие — глубокое, древнее, надежное.

Она чувствовала посох. Не просто держала — чувствовала каждой клеткой. Он был продолжением ее руки, ее воли, ее силы. Где-то глубоко внутри, под ребрами, пульсировал тот же ритм, что и в дереве — ритм жизни, роста, цветения.

Лева дремал рядом, свернувшись клубком, но ухо его подрагивало даже во сне — кот контролировал пространство, слышал каждый шорох в коридоре, каждое движение мыши за стеной, каждый вздох спящего храма.

Алиса смотрела на посох и вспоминала. Синий огонь. Две тени над алтарем. И свой выбор — жизнь. Она выбрала жизнь.

Но черный меч все еще ждал. Она чувствовала это — где-то там, в глубине, в темноте, он ждал своего часа.

В дверь постучали — три коротких удара. Ровных. Уверенных. Не просьба. Напоминание.

— Баронесса, — голос Влада за дверью звучал глухо, но в этой глухости звенела натянутая струна. — Пора.

Алиса поднялась. Посох послушно скользнул в ладонь — будто сам нашел нужное положение. Будто ключ нашел замок. Она накинула плащ, провела ладонью по волосам. Зеркал в келье не было, да и не нужно. Главное отражалось теперь не в стекле, а в тяжести на груди и в ровном пульсе под кожей.

Лева спрыгнул с лавки, потянулся, зевнул — широко, по-кошачьи — и встал у ее ног. Не как питомец. Как свидетель. Готовый.

Влад ждал в коридоре.

Первые лучи рассвета, пробиваясь сквозь узкие стрельчатые окна, резали пространство на свет и тень. В этом свете он казался высеченным из камня: глубокие тени под глазами, острые скулы, плотно сжатые губы. Человек, привыкший держать лицо, когда мир горит.

Но увидев посох, он замер.

Не отшатнулся. Не напрягся. Просто остановился. Внутри сработала машина лет тренировок: *идентифицировать артефакт, оценить угрозу, зафиксировать ауру*. Но машина дала сбой. Артефакта не было. Было дерево. Вода. Свет, который не слепит, а обнажает. В голове мелькнули строки из закрытых реестров, шепоты старейших архивистов, легенды о том, что Двуетный оставил в крипте не печати, а корни. Он допрашивал ведьм, ломал колдунов, видел дешевые иллюзии и отчаянные порчи. Это было не магия. Это была *основа*. Место, куда даже он спускался только с тройными печатями и кровью на пергаменте. А она просто вышла оттуда. С его сердцем в руке.

— Что это? — голос дрогнул. Всего на полтона. Но Алиса услышала.

Она перевела взгляд с посоха на него.

— Подарок, — ответила коротко. — От старых друзей.

Влад шагнул ближе. Расстояние сократилось, но он не нарушил черту. В его глазах плескалось то, чему он давно разучился давать названия. Не страх. Не благоговение. Узнавание. То самое, когда догма сталкивается с живой правдой и трещит по швам.

— Вы были внизу? — голос сел до хрипоты. — В крипте?

— Была.

— Там же — Он запнулся. Пальцы невольно сжались в кулак, но он тут же разжал их. Профессионал не позволял себе дрожи. — Там не подвал, баронесса. Там место, где Двуетный впервые коснулся земли. Туда даже я не вхожу без особого разрешения Совета. Там воздух другой. Там

— Знаю, — перебила Алиса. Ровно, без вызова, без гордости. Просто как факт. — Я знаю, Влад.

Она смотрела ему прямо в глаза. В зрачках плясали отблески утра — или это посох отдавал свое свечение в отражение.

— И вы знаете, — добавила она тише, но с нажимом. — Давайте не будем делать вид, что это не так.

Повисла тишина. Густая. Выстоянная. Будто сам храм затаил дыхание, проверяя, выдержит ли этот разговор.

Влад смотрел на нее долго. Очень долго. Внутри шел тихий пересмотр: годы отчетов, сожженных досье, молчаливых сделок с Канцлером, привычка верить только бумаге и весам. И вот она — стоит. Не ломая систему. Не сжигая ее. Просто *принято*, что система давно считала мифом. В его глазах мелькнуло что-то — не страх, не злость. Облегчение. Будто он всю жизнь нес камень, а теперь кто-то другой встал рядом и тоже поднял плечом.

— Хорошо, — выдохнул он. — Не будем.

Он протянул руку к посоху. Не коснулся. Остановился в дюйме от древка. Ладонь зависла в воздухе, чувствуя, как вибрирует пространство вокруг дерева. Как пульсирует то, что не должно быть живым, но дышит.

— Он живой, — прошептал Влад. Голос стал почти невесомым. — Я чувствую. Он дышит.

— Он часть меня теперь, — сказала Алиса. — Я выбрала.

— Что выбрали?

— Жизнь.

Влад кивнул. Медленно. Тяжело. В этом кивке уместилось все: уважение к тому, кто перешагнул через страх; принятие того, что правила игры изменились; и древняя, усталая мудрость человека, который понял, что иногда справедливость начинается не с приговора, а с ростка в трещине камня.

— Тогда идемте, — сказал он, опуская руку. Тень на лице смягчилась, но не исчезла. — Жизнь ждет. И суд.

Лева не пошевелился. Только хвост плотно обвил лапы. Тихий шлепок подушечек по камню — невидимая печать на пороге. *Договор вступил в силу. Граница принята.*

Они вышли во двор.

Там уже ждали. Михай стоял у кареты, хмурый, сжатый, как пружина. Лютобор — верхом, с мечом на поясе, оглядывал окрестности с холодным спокойствием профессионала. И десяток людей Влада — вооруженных до зубов, хмурых, готовых к чему угодно.

Михай увидел посох. Открыл рот. Закрыл. Перевел взгляд на Леву, который сидел у ног Алисы с таким видом, будто все идет строго по плану.

— Барыня... — начал он.

— Потом, Михай, — улыбнулась Алиса. — Все потом.

Лютобор подъехал ближе, посмотрел на посох, на Алису, на Влада. В его взгляде читался вопрос — но он был слишком опытным, чтобы задавать его вслух.

Она подошла к карете, но перед тем, как сесть, задержалась. Посмотрела на посох в своей руке. Узоры на нем переливались особенно ярко — будто чувствовали приближение битвы.

— Ну что, дружище, — шепнула она ему. — Покажем им, что такое настоящая жизнь?

Посох дрогнул в ответ. Совсем чуть-чуть — но Алиса почувствовала. Он был с ней.

— Едем, — сказала она громко, обводя взглядом своих людей. — Время.

Карета тронулась. Люди Влада окружили ее плотным кольцом. Лютобор поскакал вперед, разведывая дорогу. Михай сел рядом с кучером, не спуская руки с короткого меча.

Лева устроился у ног Алисы, положил голову ей на колени и закрыл глаза. Но ухо его подрагивало.

Они ехали не на суд, а на битву за жизнь.

Здание суда стояло в самом сердце столицы. Не на площади, а в тесноте старых кварталов, будто город сам сжался вокруг него, боясь приблизиться. Огромное, серое, с колоннами, покрытыми копотью веков, и двумя статуями Двуетного у входа. Одна смотрела в небо, другая — в землю. Лица стерты дождями и ветрами, но позы говорили сами за себя: судить и хранить. Без эмоций. Без пощады.

У ступеней кипела толпа. Не просто зеваки — система в миниатюре. Стражники с пустыми, выверенными взглядами, писцы с чернильными пальцами и сторбленными спинами, торговцы, прикидывающие цены на чужую судьбу, и господа в бархатных плащах, чьи глаза оценивали не человека, а ее вес в будущих раскладах.

Путь расчистили люди Влада. Не силой, а своим присутствием. Черные плащи, ровные шаги, молчаливый кивок страже. Толпа расступилась не из страха. Из привычки: когда Инквизиция идет, воздух редеет, а любопытство отступает перед учетом.

Дверь отворилась. Холод ударил в лицо — не уличный, а казенный. Пахло старой бумагой, сургучом, влажным камнем и чем-то металлическим, как остывшая кровь на лезвии.

Зал оказался высоким. Своды уходили в полутьму, где гуляли сквозняки. Они не просто дули — они шептали, проносясь под арками, задевая края мантий и свитков, как неприкаянные голоса тех, кого уже осудили. Скамьи для зрителей были вырублены прямо в стенах, грубые, без спинок. Специально неудобные: правосудие не терпит расслабленных тел. Оно требует напряжения. Чтобы каждый чувствовал, как больно долго здесь находиться.

В центре возвышалась трибуна судей. Не алтарь, но геометрия та же. Вместо даров — свитки законов, тяжелые, в потертых кожаных переплетах, и молоток. Дерево почернело от сотен ударов, рукоять стерта до масляного блеска чужими ладонями. Инструмент, а не символ.

Свет падал сверху, из узких окон под потолком. В этих лучах кружилась пыль. Медленно. Торжественно. Она не хаотично металась, а оседала ровными слоями, будто время здесь не текло, а укладывалось в протоколы.

Алиса ступила на каменный пол. Шаги отдались глухо, но уверенно. Посох в руке отозвался легкой, почти неслышной вибрацией. Не магией. Резонансом. Камень под ногами, дерево в ладони, воздух в легких — все сложилось в единую частоту. Та самая ясность, что она выбрала в крипте, теперь стала весом.

Она чувствовала взгляды. Не любопытные. Взвешивающие. В столице все имеет цену, даже молчание свидетеля. Но она не отводила глаз. Не сжимала плащ. Шла ровно, как по черте, которую уже никто не смеет стереть.

Лева шел рядом. Не заглядывался на толпу. Не искал тепла. Подошел к невидимой границе между проходом для свидетелей и основным залом. Сел. Обвил хвостом лапы. Тихий, почти неслышный звук когтей по плите — не царапина, а отметка. Межевой Печатник зафиксировал черту. Дальше — территория закона.

Алиса перевела дыхание. Внутри не было дрожи. Только холодный, собранный фокус. Она не шла оправдываться. Не шла обвинять. Она шла сама ставить печать.

Судья еще не вошел. Молоток еще не поднялся. Но процесс уже начался.

Алиса вошла и сразу увидела его.

Рутгер сидел на скамье подсудимых — один. Охрана и адвокаты были поблизости. В его позе не было ни страха, ни сомнения. Он развалился на скамье, будто в собственном кресле, и смотрел на входящих с выражением сытого кота, который знает, что миска с молоком никуда не денется.

Алиса впервые видела его вживую.

И первое, что она почувствовала — не ненависть, не страх, а... безгливость.

Толстый. Очень толстый — не той основательной, мужской плотностью, которая бывает у сильных людей, а рыхлой, осевшей, будто его раздуло от жадности и злобы. Лицо красное, лоснящееся, с крупными порами и сеточкой лопнувших сосудов на носу и щеках — верный признак того, что он не пропускал ни одной попойки. Глаза маленькие, глубоко посаженные, злые — в них не было ни ума, ни хитрости, только животная, цепкая уверенность в своей безнаказанности.

Одет он был богато, но безвкусно. Дорогой камзол — алый, с золотым шитьем — сидел на нем мешком, пуговицы натянулись до предела, того гляди отлетят. Перстни на пальцах — крупные, тяжелые, но без изыска. Такие носят люди, для которых власть измеряется весом золота, а не его красотой.

Губы у него были тонкие, бледные, вечно кривились в ухмылке, которая не исчезала даже когда он молчал. Ухмылка человека, который привык, что ему все сходит с рук.

Увидев Алису, он оживился. Сел прямо, подался вперед, и ухмылка стала шире — масляной, гнусной, предвкушающей.

— Явилась, — сказал он громко, на весь зал. Голос у него оказался высоким, почти визгливым — странный контраст с тушей. — Ведьма деревенская.

В его голосе слышалось: «Я тебя не боюсь. Ты никто. Твои бумажки — пыль. Судьи мои. Город мой. Все мое».

Алиса почувствовала, как внутри закипает гнев — ровный, холодный, как сталь клинка. Но рядом, под плащом, дрогнул посох. И гнев сменился спокойствием. Глубоким, древним, незбылемым.

— Молчать! — рявкнул судья, и молоток с грохотом обрушился на стол.

Судья оказался тем самым канцлером Северного Приказа, что принимал их в своем кабинете. Сегодня он был в мантии и парике — огромном, белом, похожем на взбитые сливки, отчего его острое, хищное лицо казалось еще более опасным. Глаза его — холодные, расчетливые — скользнули по залу, по зрителям, по Рутгеру, по Алисе, и в них не было ни капли сочувствия.

Только интерес. Только расчет. Только игра.

— Здесь суд, а не базарная площадь, — сказал он ровно. — Еще одно слово без разрешения — и будете отвечать за неуважение к суду.

Рутгер усмехнулся, но замолчал. Он не боялся — он играл свою роль. Роль человека, который выше этого, который знает, чем кончится спектакль.

Алиса прошла на свое место. Лева, вопреки всем правилам, шел рядом — огромный серый кот, которого никто не решился прогнать. Он сел у ее ног, положил голову на лапы и уставился на Рутгера желтыми глазами. В этом взгляде было что-то такое, от чего у нескольких зрителей по коже побежали мурашки.

Рутгер перехватил этот взгляд. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то — страх? Беспокойство? — но тут же исчезло, задавленное привычной наглостью.

— Начинаем, — объявил канцлер и стукнул молотком. — Слушается дело по обвинению барона Рутгера фон Крюка в убийстве младенца, наследника барона Кречета фон Эйдена, а также в покушении на жизнь вдовствующей баронессы Искры фон Эйден.

Рутгер зевнул. Демонстративно, на весь зал.

Канцлер сделал вид, что не заметил.

— Слово предоставляется обвинителям.

Алиса поднялась. Посох под плащом дрогнул, передавая ей тепло и силу. Она вышла в центр зала, под свет из окон, и заговорила.

Голос ее звучал ровно, спокойно, но в нем слышалась сила — та самая, что текла в жилах земли, что горела в древнем огне под храмом, что пульсировала в камне на ее груди.

— Я расскажу вам, как умирал мой ребенок, — сказала она.

И в зале стало тихо.

Даже пыль, казалось, перестала кружиться.

Рутгер перестал ухмыляться.

Допрос длился три часа.

Три часа Алиса стояла под холодным светом, льющемся из стрельчатых окон, и рассказывала. Голос ее звучал ровно, но каждое слово падало в тишину зала, как камень в стоячую воду — расходясь кругами, заставляя зрителей замирать, сжиматься, забывать дышать.

Она рассказывала про нападение на Каменный Лог. Про людей, которых убили во сне — просто, потому что они были ее людьми. Про старика, которого зарубили прямо на пороге его избы. Про бабу с ребенком, что сгорела в сарае, куда их загнали наемники Рутгера. Имена, даты, лица — все, что собрали по крупицам.

Про документы, которые нашел Лютобор — пыльные свитки с печатями, подписанные рукой самого Рутгера. Приказы, распоряжения, платежные ведомости. Кровь, переведенная в цифры.

Про повитуху, которая созналась перед смертью. Как ее пытали люди Рутгера, чтобы молчала. Как она держалась до последнего, но перед смертью рассказала все. Про младенца, которого утопили в тазу, пока настоящая Искра истекала кровью на кровати.

Рутгер кричал.

Он вскакивал, размахивал руками, багровел так, что казалось, еще немного — и его хватит удар. Тыкал пальцем в Алису, в судью, в зрителей, орал, что все вранье, что она подслана врагами, что она ведьма, что ее надо сжечь на костре немедленно, не дожидаясь приговора.

— Ведьма! — визжал он, брызгая слюной. — Смотрите на нее! Она мужикам головы заморочила, она документы подделала, она все подстроила!

Судья — канцлер в парике и мантии — стучал молотком, призывал к порядку, но Рутгер не унимался. Пришлось вызвать стражу, чтобы усадить его обратно.

Свидетели приходили и уходили.

Люди Рутгера — холеные, сытые, с одинаково пустыми глазами — клялись на Знаке Двуетоного, что их господин невиновен, что он честнейший человек, что все обвинения — происки завистников.

Люди из деревень, которых привез Лютобор, — худые, обожженные, с глазами, в которых застыла такая боль, что на них невозможно было смотреть без содрогания — рассказывали, как их грабили, жгли, убивали. Как наемники Рутгера забирали последнее, насиловали женщин, угоняли скот. Как деревни превращались в пепел, а люди — в трупы.

Старуха с перевязанной рукой (ей отрубили пальцы, когда она пыталась защитить внуку) рассказывала так тихо, что в зале пришлось установить полную тишину. Ее голос дрожал, но слова падали, как приговор:

— Он сам приезжал смотреть, — шептала она, глядя на Рутгера. — Сидел в повозке и улыбался. Как люди горят — улыбался.

Рутгер снова вскочил, заорал, что старуха лжет, что она подкуплена, что ее надо пытать, чтобы созналась в клевете. Стражники едва удерживали его.

В какой-то момент Алиса перестала слушать.

Она просто смотрела на Рутгера — и вдруг увидела.

Не человека. Тень.

Черную, маслянистую, вонючую тень, которая колыхалась вокруг его тела, как болотный газ. В ней угадывались очертания — пасть, когти, красные глаза, горящие ненавистью и голодом. Тварь, которая приросла к этому человеку, питалась его злобой, его жестокостью, его безнаказанностью.

Рутгер почувствовал ее взгляд. Дернулся. Посмотрел на Алису — и в его глазах впервые мелькнул страх.

— Вы лжете! — заорал он, вскакивая в который раз. Голос его сорвался на визг. — Она все подстроила! Она ведьма! Смотрите на ее посох! Это же колдовство! Чистое колдовство!

Все уставились на Алису.

Посох светился.

Мягко, но явно. Белое сияние струилось по древку, перетекало в узоры, пульсировало в такт ее сердцу. От него шло тепло — такое ощутимое, что даже те, кто сидел в задних рядах, почувствовали, как по коже бегут мурашки.

В зале повисла тишина.

Мертвая, абсолютная, как в склепе. Даже пыль перестала кружиться в лучах света.

Канцлер медленно поднялся. Парик его съехал набок, но он не замечал — все его внимание было приковано к посоху, к этому сиянию, к Алисе.

— Баронесса, — сказал он медленно, и голос его, обычно ровный и циничный, дрогнул. — Объясните.

Алиса поднялась.

Посох в ее руках вспыхнул ярче — но не агрессивно, а торжественно, будто приветствуя момент истины.

— Это не колдовство, — сказала она спокойно, и голос ее прозвучал под сводами зала так чисто, что, казалось, сами камни отозвались эхом. — Это благословение.

Она обвела взглядом зал — зрителей, замерших в оцепенении, судей, побледневших под париками, стражников, которые непроизвольно опустили оружие.

— Я была в храме прошлой ночью. Не в молельне — в крипте. Там, где покоится древняя сила. Я говорила с хранителями. Они дали мне это, — она подняла посох выше, и свет залил все вокруг, — чтобы я защищала невиновных.

— Это чудо! — выдохнул кто-то из зрителей.

— Она святая! — вскрикнула женщина в заднем ряду.

— Ложь! — заорал Рутгер, но в его голосе уже не было прежней уверенности — только истерика, только животный страх. — Она отвергнутая! Она осквернила храм! Схватите ее! Сожгите!

— Тишина! — грохнул молоток канцлера, да так, что трещина побежала по столу.

Рутгер дернулся, но стражники уже стояли рядом — готовые скрутить его при первом движении.

Влад поднялся со своего места. В своей черной инквизиторской рясе он казался частью этого зала — тенью среди теней, но когда он заговорил, голос его перекрыл все шумы.

— Я могу подтвердить, — сказал он громко, четко, как на допросе. — Баронесса провела ночь в храме. Под моей личной охраной. Никаких обрядов, противоречащих вере Двуетного, она не совершала.

Он сделал паузу, давая словам улечься.

— Но она спускалась в крипту. Туда, куда даже я захожу лишь раз в год, с особым разрешением. И вернулась оттуда с этим.

Он указал на посох.

— Посох — древняя реликвия. Такие хранятся в криптах многих храмов. Их оставили нам хранители, чтобы мы помнили: сила существует. И если посох выбрал баронессу, значит... — он запнулся, подбирая слова, — значит, она угодна Двуетидному. Значит, ее дело — правое.

Зал ахнул.

Звук был похож на вздох огромного зверя — тысячи людей выдохнули одновременно, и в этом выдохе слышалось все: изумление, страх, восторг, благоговение.

Кто-то упал на колени. За ним — еще один, еще.

Рутгер побелел. Не побледнел — побелел, как мел, как снег, как смерть. Краска схлынула с его лица, оставив серую, нездоровую бледность. Глаза его заматались по залу — ища поддержки, ища спасения, ища кого-то, кто встанет на его сторону, — и не находили.

Люди, которых он подкупил, отводили глаза. Судьи, с которыми он пил, смотрели в стол. Даже его собственная охрана — и та попятилась, отодвинулась, будто боялась заразиться его проклятием.

А посох все светился.

Мягко, ровно, успокаивающе. И в этом свете Алиса вдруг увидела лица тех, кто погиб от руки Рутгера. Старуха с отрубленными пальцами. Ребенок, утопленный в тазу. Люди, сгоревшие в сараях, зарубленные в собственных домах, затоптанные конями на дорогах.

Они смотрели на нее и ждали.

— Суд удаляется на совещание, — объявил канцлер, и голос его звучал глухо, будто он сам был потрясен увиденным. — Решение будет оглашено через час.

Молоток стукнул в последний раз.

Судьи поднялись и ушли в боковую дверь. Зал взорвался шепотом — сотни голосов обсуждали, спорили, молились, проклинали.

Рутгер сидел на скамье, обмякший, сломленный. Тень вокруг него почернела, сжалась, заскулила — тварь чувствовала, что ее время кончается.

Алиса стояла в центре зала, сжимая посох, и смотрела на него.

Час. Один час до приговора.

Посох пульсировал теплом. Лева терся о ее ноги. А в груди горел тот самый огонь — синий, древний, нерушимый.

— Мы победим, — шепнула она.

И знала — это правда.

Час тянулся бесконечно.

Алиса сидела на холодной каменной скамье, сжимая посох, и считала удары сердца. Лева положил голову ей на колени и урчал — ровно, успокаивающе, будто говорил: «Все будет хорошо. Я здесь».

Зал гудел, как потревоженный улей. Зрители перешептывались, судьи, вернувшиеся с совещания, что-то писали, Рутгер метался по скамье подсудимых, как зверь в клетке. Он уже не кричал — только шевелил губами, шепча проклятия, и гладил перстни на пальцах, будто они могли его спасти.

А потом канцлер поднялся.

Молоток стукнул один раз — и тишина обрушилась на зал, как снежная лавина.

— Именем Двуетидного, именем закона, именем правды, — голос канцлера звучал торжественно, без обычной циничной нотки, — суд постановил...

Алиса замерла. Сердце, кажется, вообще остановилось.

— Барон Рутгер фон Крюк признан виновным по всем статьям обвинения. В убийстве младенца, наследника барона Кречета фон Эйдена. В организации нападения на Каменный Лог. В убийстве двадцати трех человек, чьи имена названы в обвинительном заключении. В попытке захвата чужих земель. В подкупе свидетелей. В лжесвидетельстве. В...

Он перечислял, и каждое слово падало в тишину, как удар молота по наковальне. Алиса перестала считать после десятого пункта. Слишком много. Слишком много смертей за одним человеком.

— ...приговаривается к смертной казни через повешение. Приговор привести в исполнение завтра на рассвете.

Тишина. Секунда. Две. Три.

И зал взорвался.

Кто-то закричал от восторга, кто-то зарыдал, кто-то упал на колени и начал молиться. Женщина в заднем ряду — та самая, с перевязанной рукой — закрыла лицо руками и затряслась в беззвучных рыданиях. Мужик рядом с ней, огромный, бородатый, вдруг всхлипнул и уткнулся в кулак.

— НЕТ! — заорал Рутгер.

Он вскочил, багровый, страшный, с выпученными глазами. Брызги слюны летели во все стороны, руки тряслись, лицо перекосилось в гримасе такой ненависти, что, казалось, сейчас лопнут сосуды.

— НЕТ! Я НЕ ВИНОВАТ! ЭТО ЗАГОВОР! ВЫ ВСЕ КУПЛЕНЫ! ВЫ ВСЕ...

Стражники навалились на него с двух сторон. Он брыкался, кусался, пытался вырваться — но силы были неравны. Трое здоровенных мужиков поволокли его к выходу, а он все орал, проклинал всех — судью, свидетелей, Алису, Двуетоного, весь белый свет.

— ВЕДЬМА! — заорал он в последний раз, когда его уже вытаскивали за дверь. — ОНА ВСЕ ПОДСТРОИЛА! ОНА МЕНЯ УБИЛА! ОНА...

Дверь захлопнулась, обрубив крик.

И стало тихо.

Так тихо, что Алиса слышала, как стучит ее собственное сердце. И как урчит Лева. И как кто-то плачет на задних рядах.

Она стояла посреди зала, сжимая посох, и чувствовала, как силы покидают ее. Ноги стали ватными, руки дрожали, в глазах защипало. Она моргнула — и по щеке покатилась слеза.

Одна. Вторая. Третья.

Она не плакала — слезы просто текли сами, без спросу, без разрешения, смывая напряжение трех часов допроса, трех месяцев борьбы, трех жизней, которые она прожила в этом мире.

— Все, — сказал Михай, подходя. Голос его звучал хрипло, но в этой хрипотце слышалось такое облегчение, будто он сам избежал казни. — Все кончилось, барыня.

Алиса подняла на него глаза. Мокрые, красные, но в них уже разгорался новый свет.

— Нет, — сказала она тихо. — Только начинается.

Михай посмотрел на нее — и вдруг улыбнулся. Редкая улыбка для этого вечно хмурого человека. Но сейчас он улыбался.

— Ну, значит, начинается, — сказал он. — Вместе и начнем.

Они вышли из здания суда.

Холодный воздух ударил в лицо, обжег легкие, вымел остатки душного зала. Но солнце — солнце светило! Настоящее, яркое, февральское, слепящее, отражающееся в снегу тысячами искр.

Лева ждал у входа. Сидел на ступеньках, как статуя, и смотрел на дверь желтыми глазами. Увидел Алису — вскочил, подбежал, потерся о ноги, заурчал, замяукал, запрыгал — позабыв все свое кошачье достоинство.

— Все, Левушка, все, — Алиса присела, обняла его, зарылась лицом в теплую шерсть.
— Мы победили.

Кот лизнул ее в щеку. Соленую от слез.

Алиса поднялась. Посох в ее руке мягко светился — будто тоже радовался.

— Поедем домой, — сказала она. — В Каменный Лог.

Слово «дом» прозвучало неожиданно правильно. Не «поместье», не «развалины», не «место, где надо выживать». Дом.

Лютотор стоял чуть поодаль, прислонившись к колонне. Молчал, смотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. В его глазах было что-то — усталость? грусть? надежда?

— Ты с нами? — спросила Алиса, подходя.

Он помолчал. Потом медленно кивнул.

— На время, — сказал он. — Провожу до Лога. А там... видно будет.

— Видно будет, — согласилась Алиса. — Ты всегда можешь остаться. Места много.

Лютотор усмехнулся — криво, но тепло.

— Поживем — увидим.

Из дверей суда вышел Влад.

Он остановился на верхней ступеньке, глядя на них сверху вниз. Солнце играло в его темных волосах, делало их похожими на вороново крыло. Лицо было спокойным — слишком спокойным для человека, который только что выиграл битву.

— Я заеду как-нибудь, — сказал он. — Проведать.

Алиса смотрела на него. На этого странного человека, инквизитора, который мог бы быть врагом, а стал... кем? Союзником? Другом? Чем-то большим?

Она не знала.

Но между ними было что-то. Что-то, что нельзя назвать словами, что живет не в разговорах, а в паузах между ними, в том, как он смотрел на нее в молельне, как дрогнул его голос, когда он подтверждал ее правоту.

— Заезжайте, — сказала она тихо. — Буду ждать.

Влад кивнул. Развернулся и пошел.

Черная фигура на белом снегу — контрастный, резкий, запоминающийся. Он уходил, не оглядываясь, но Алиса знала: он вернется.

— Поехали, — сказал Лютотор, подводя лошадей. — Дорога дальняя, нужно подготовиться. Завтра на рассвете в дорогу.

Алиса забралась в седло. Лева устроился впереди, на луке седла, как заправский путешественник. Посох она пристроила вдоль ноги — он грел даже сквозь толстую ткань штанов.

— В Каменный Лог! — крикнула она, и голос ее прозвучал звонко, молодо, счастливо.

Процессия тронулась.

Михай ехал рядом, хмурый, но счастливый. Лютотор — чуть позади, охраняя тыл. Люди Влада, которые все это время охраняли их, отсалютовали на прощание и остались у храма — их миссия была окончена.

Город провожал их взглядами. Кто-то крестился, кто-то кланялся, кто-то просто смотрел — на женщину с посохом, на кота на лошади, на воинов, которые ее охраняли.

Слухи разнесутся быстрее ветра. Через неделю вся столица будет знать историю вдовы, которая победила Рутгера. Через месяц — вся страна. Через год — легенды.

Но сейчас Алиса не думала о легендах.

Она думала о Каменном Логе. О башне, которую надо достроить. О людях, которые ждут ее дома.

— Лева, — сказала она, глядя кота по голове. — Мы едем домой.

Кот муркнул довольно и зажмурился на солнце.

Впереди была дорога.

Длинная, трудная, но своя.

Глава 32: Дорога домой

Столица осталась за спиной, когда солнце только встало.

Оно выползло из-за горизонта огромным оранжевым шаром, лениво потянулось лучами по заснеженным полям, раскрасило сугробы в розовый, голубой, золотой. Воздух был такой чистый и морозный, что, казалось, звенел от каждого вздоха.

Алиса сидела в санях, закутанная в тулуп до самого носа, и прижимала к себе Леву. Кот, недовольный утренней тряской, все же терпел — понимал, что хозяйке нужно тепло. Посох стоял рядом, прислоненный к борту — теплый, живой, пульсирующий в такт ее сердцу. Иногда Алисе казалось, что она слышит его тихое, глубокое дыхание, похожее на гул далекого леса.

Городские стены таяли в морозной дымке. Сначала исчезли зубцы, потом башни, потом и сам силуэт столицы стал просто серым пятном на горизонте. Алиса смотрела, как он растворяется, и чувствовала странное облегчение. Там, за этими стенами, остались суд, кровь, крики Рутгера и взгляд Влада в полумраке молельни. Все чужое, все не ее.

Впереди был лес. Дорога. Дом.

Лютотор правил лошадьми молча. Он сидел рядом, широкоплечий, спокойный, уверенный, и только изредка пошевеливал вожжами. Сани поскрипывали на морозе, полозья пели свою бесконечную песню, ветер свистел в оглоблях.

— Не жалеете? — спросил он вдруг, не оборачиваясь.

Голос его прозвучал глухо — то ли от мороза, то ли от чего-то другого, что он не хотел показывать.

— О чем?

— О столице. — Он чуть повернул голову, покосился на нее. — Там можно было остаться. Дом, деньги, влияние. Вас бы приняли. После суда, после чуда с посохом — вы теперь знаменитость. Люди бы к вам потянулись.

Алиса усмехнулась. Усмешка вышла невеселой, но честной.

— Приняли бы, — сказала она. — Как диковинного зверя. Смотреть, тыкать пальцем, ждать, когда я сделаю что-нибудь этакое. А как только надоест — забыть. Нет уж.

— А если бы Влад предложил остаться?

Вопрос повис в морозном воздухе, как маленькое облачко пара.

Алиса почувствовала, как Лева на коленях напрягся. Кот всегда чувствовал, когда речь заходила о важном.

— Влад — инквизитор, — сказала она после паузы. — У него работа. Долг. Служба. У меня — жизнь. Это разные вещи.

— Разные, — согласился Лютотор, но в голосе его проскользнуло что-то — недоверие? Сомнение? — И все же он на вас смотрит... не как на работу.

Алиса промолчала. Она тоже это видела. Тот взгляд в молельне, когда он сказал: «Вы другая». Дрожь в голосе, когда он подтверждал ее правоту в суде. То, как он вышел на крыльцо проводить их — и стоял, пока сани не скрылись из виду.

Но вслух она сказала другое:

— Мало ли, кто на кого как смотрит. Важно, кто рядом, когда припечет.

Лютотор хмыкнул. Дернул вожжу, правя лошадей чуть левее, объезжая сугроб.

— А ты? — спросила Алиса прямо. Повернулась к нему всем корпусом, заглянула в лицо. — Чего ты хочешь, Лютотор? Зачем с нами едешь?

Он молчал долго.

Так долго, что Алиса уже решила — не ответит. Лошади бежали ровно, сани поскрипывали, ветер свистел. Лева на коленях зевнул, показав розовый язык и острые клыки, и снова уткнулся носом в тулуп.

— Не знаю, — признался он наконец.

Голос его звучал глухо, но в этой глухоте не было защиты — была честность. Редкая, почти болезненная.

— Хотел бы сказать, что из чувства долга. Или вины. Или чтобы защищать. — Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Но врать себе — плохо кончишь. Я пробовал. Не помогает.

— А не врешь?

— А не вру — просто не знаю. — Он повернулся к ней, и Алиса увидела в его глазах что-то, чего раньше не замечала. Усталость? Тоску? Надежду? — Дома у меня нет. Жены нет. Детей нет. Дела... дела можно вести откуда угодно. Из столицы, из Лога, из леса — неважно.

Он помолчал, глядя на дорогу.

— А вы... — начал и запнулся. Поправился: — Ты первая за много лет, кто не смотрит на меня как на кошелёк с деньгами или как на врага.

— И как же я на тебя смотрю?

Он встретил ее взгляд. Прямо, открыто, без тени насмешки.

— Как на человека, — сказал он тихо. — Странно, да?

Алиса молчала.

Сердце ее стукнуло раз, другой — и забилось ровнее. Она смотрела на этого большого, сильного мужчину, который только что признался в самом страшном — в том, что он просто человек. Со своей болью, со своей пустотой, со своей надеждой.

— Не странно, — сказала она наконец. — Нормально. По-человечески.

Лютотор усмехнулся. На этот раз усмешка вышла теплее.

— Ну, значит, буду учиться быть человеком. В Каменном Логе. Годится?

— Годится, — кивнула Алиса.

Лева на коленях вдруг поднял голову, посмотрел на Лютобора, потом на Алису, потом снова на Лютобора — и коротко, одобрительно муркнул. Мол, принимается кандидатура.

Лютотор рассмеялся — впервые за все время, что Алиса его знала. Смех у него оказался хороший, теплый, заразительный.

— Ну, раз кот благословил, значит, судьба, — сказал он, все еще улыбаясь.

— Судьба, — согласилась Алиса. И улыбнулась в ответ.

Солнце поднималось выше. Снег искрился так, что глазам было больно. Лес по сторонам дороги расступался, открывая далекие холмы, на которых уже угадывались очертания Каменного Лога.

Дом был близко.

А рядом были те, кто стал домом.

Лева, урчащий на коленях. Лютотор, правящий лошаадьми с новой, непривычной улыбкой на лице. И посох, теплый и живой, напоминающий, что чудеса случаются.

— Эй, — вдруг сказал Лютотор. — А что там Влад? Не жалеешь, что не попрощалась как следует?

Алиса посмотрела назад, туда, где уже ничего не было видно, кроме бесконечной снежной равнины.

— Прощалась, — сказала она. — И он знает. Если надо будет — найдет.

— Найдёт, — согласился Лютотор. — Такие, как он, всегда находят.

— Такие, как он?

— Которые смотрят не на тело, а на душу.

Алиса промолчала. Но внутри шевельнулось что-то теплое — не от посоха, от другого. От понимания, что в этом мире у нее есть не только враги, но и те, кто готов идти за ней. И те, кто будет ждать.

Лева зевнул, потянулся и снова уткнулся носом в тулуп.

Тот самый трактир.

— Опять? — спросил Михай, разминая затекшие плечи.

— Дальше не доедем, темно, — отозвался Лютобор. — Заночуем, утром дальше.

Они вошли внутрь.

В трактире былолюдно. За длинными столами сидели мужики, пили, ели, громко разговаривали. У печи грелся тот самый старик с собакой. Хозяин — красномордый, с хитрыми глазами — узнал их, замер.

— Господа! — всплеснул он руками. — Снова к нам? Рады, рады! Проходите, лучшие места!

— Пиво, ужин, две комнаты, — коротко бросил Лютобор. — И чтоб тихо было.

— Все сделаем!

Они сели за стол в углу. Лева прыгнул с рук и сразу направился к соседнему столу, где сидели трое — те самые, что в прошлый раз.

— О, кошка вернулся! — заржал здоровяк. — Иди сюда, жрать будешь?

Лева величественно принял кусок мяса, уселся рядом с мужиками и принялся трапезничать, как будто так и надо.

— А кот у вас, госпожа, — сказал здоровяк, поднимая кружку, — уважаемый. Мы его помним. Он нас тогда напугал до усрачки. Думали, бес вселился.

— Может, и вселился, — усмехнулась Алиса.

Мужики переглянулись, потом заржали.

— Хорошая госпожа! — объявил здоровяк. — С юмором! Уважаем!

— У вас сегодня многолюдно, — заметил Лютобор, оглядывая зал.

— А, — хозяин махнул тряпкой. — Купцы с севера приехали, обозом. Завтра дальше пойдут.

Она пила пиво, слушала гул голосов, смотрела на Леву, который уже переселился на лавку к здоровяку и довольно шурился. Лева вдруг перестал жевать. Кот замер с куском мяса в пасти, уставившись куда-то в сторону входа. Глаза его — желтые, немигающие — стали похожи на два маленьких солнца, в которых не было ни тепла, ни спокойствия. Только настороженность. Только ожидание.

Алиса проследила за его взглядом.

Дверь трактира открылась, впустив клуб морозного пара и троих мужиков в промерзших тулупах. Обычные, на первый взгляд, лица — красные с холода, глаза слезятся, руки тянутся к печи. Затопали, отряхиваясь, заказали пива, сели у двери, грели ладони о кружки.

Слишком обычные.

Лева не сводил с них глаз.

— Что? — шепнула Алиса, склонившись к коту.

Кот медленно повернул голову. В его взгляде читалось то, что она уже научилась понимать без слов: опасность. Рядом. Близко.

— Валим, — сказал Михай, отставляя кружку. Голос его звучал ровно, но рука уже легла на рукоять ножа. — Сейчас.

— А ужин? — Лютобор еще не понял.

— Лева сказал.

Лютобор посмотрел на кота. На мужиков у двери. На Алису, побелевшую, но спокойную. Кивнул. Спорить с котом, который спас им жизнь уже дважды, было глупо.

— Хозяин! — крикнул он через зал, поднимаясь. — Мы в комнаты. Ужин туда принеси. И погорячее.

— Как скажете, господин! — отозвался трактирщик, даже не обернувшись — он привык, что господа предпочитают есть отдельно.

Они поднялись неторопливо, стараясь не выдать спешки. Михай прикрывал Алису сзади, Лютобор шел первым, готовый в любой момент выхватить меч. Лева скользнул следом, бесшумный, как тень.

Уже на лестнице, когда нога коснулась первой ступени, Алиса услышала.

Голос. Тихий, но в звенящей тишине трактира разносящийся отчетливо:

— Это она?

— Похоже.

— Дорого дадут?

— Очень.

Она не обернулась. Не замерла. Только пальцы сильнее сжали посох, и тот отозвался теплом — успокаивающим, но и предупреждающим тоже.

В комнате Михай задвинул тяжелый засов. Лютобор проверил окно — узкое, но человек пролезет. Прикинул высоту — второй этаж, внизу сугроб. Вариант.

— Кто это? — спросила Алиса, когда дверь была закрыта, а засов проверен трижды.

Лютобор стоял у стены, прислушиваясь к шагам в коридоре.

— Не знаю, — голос его звучал мрачно. — Но явно не за пивом пришли.

— Рутгер? — Алиса нахмурилась. — Но он же в тюрьме. Приговорен. Сегодня казнь.

— У Рутгера могли остаться люди, — вмешался Михай. — Которые не хотят, чтобы он болтал лишнего перед смертью.

— Или те, кто хотел его освободить, — добавил Лютобор. — Или те, кто просто хочет убрать свидетелей, чтобы замести следы.

Алиса сжала посох. Тот отозвался теплом — сильнее, чем обычно. Будто тоже готовился.

— И что делать?

— Сидеть тихо, — Лютобор опустил на лавку у двери, положив арбалет на колени. — До утра. А утром — рванем так, что только снег засвистит.

— А если они полезут ночью?

Лютобор усмехнулся. Усмешка вышла невеселой, но твердой.

— Пусть попробуют.

Лева сидел у двери, не отрывая взгляда от щели между досками. Из его горла вырывалось тихое, вибрирующее рычание — такое низкое, что, казалось, оно звучало не в ушах, а где-то в груди, в самых глубинах.

Ночь обещала быть долгой.

За окном завывал ветер. В коридоре изредка скрипели половицы — кто-то ходил, останавливался, снова ходил. Алиса считала шаги. Десять туда, десять обратно. Караулили.

Посох в ее руках пульсировал ровно, успокаивающе. Но где-то глубоко внутри, в самой сердцевине, росло странное чувство — не страх, не злость, а предвкушение.

Они думали, что она жертва. Они думали, что она слабая. Они думали, что ночь и темнота — их союзники.

Они ошибались.

— Лева, — шепнула Алиса. — Если что — ты знаешь, что делать.

Кот повернул голову, посмотрел на нее своими желтыми глазами и коротко, одобительно муркнул.

Он знал.

Глава 33: Возвращение

Утро выдалось морозное, ясное.

Из трактира они выскользнули затемно, пока троица подозрительных мужиков дрыхла в общем зале, раскинувшись на лавках и храпя на все лады. Лютобор сунул хозяину монету, чтоб молчал, и они выехали.

Лева всю дорогу спал на коленях у Алисы, изредка подергивая ухом, но не просыпаясь. Видно, чуял — опасность отстала.

К полудню показались знакомые места.

Алиса смотрела на лес, на поля, на повороты дороги и чувствовала, как внутри разливается странное тепло. Дом. Она едет домой. В Каменный Лог. В эту дыру, в эти развалины, в эту грязь. И улыбалась как дура.

— Что? — спросил Михай, заметив ее лицо.

— Ничего. Хорошо просто.

Он кивнул, понимая.

Лютобор ехал молча, но видно было, что он напряжен. Для него это было возвращение в места, где прошло детство. С братом, которого убили. С воспоминаниями, которые лучше бы забыть.

— Держись, — сказала ему Алиса. — Там теперь по-другому.

— Надеюсь, — ответил он.

За поворотом показался Каменный Лог.

Алиса ахнула.

Она ожидала увидеть то же, что оставила недели назад — покосившийся частокол, который держался на честном слове, унылые крыши, серые от времени, баб в обносках у колодца, тощих коз, обгладывающих кору с единственной выжившей яблони. Она готовилась к этому зрелищу, настраивала себя на привычную картину запустения, с которым еще предстоит бороться.

Но то, что открылось глазам, заставило ее замереть, забыв, как дышать.

Частокол стоял новый.

Высокий, из свежих, еще золотистых бревен, с острыми верхушками, которые, казалось, царапали низкое зимнее небо. По углам — башенки, маленькие, аккуратные, с бойницами, из которых, Алиса не сомневалась, торчат стволы самострелов. Ворота — массивные, окованные железом, с тяжелым засовом, который сейчас был отодвинут.

За частоколом виднелись крыши. Новые. Четыре, пять — нет, шесть! Шесть свежих срубов, сложенных из пахучей сосны, с аккуратными трубами, из которых валил густой, уютный дым. Людей у ворот толпилось столько, сколько Алиса никогда здесь не видела — казалось, вся деревня высыпала встречать.

— Ни хрена себе, — выдохнул Михай.

Он стоял рядом, открыв рот, и в глазах его, всегда хмурых и настороженных, плескалось такое изумление, что Алиса невольно рассмеялась.

— Флора постаралась, — сказала она, и в голосе ее звенела гордость. — И Спиридон. И Пахом. И все они.

Лютобор присвистнул:

— Да вы тут целое княжество отгрохали, баронесса. Пока мы по столицам мотались.

— Не я, — поправила Алиса. — Они. Без меня.

И это было правдой. Она уехала, оставив им только веру — в то, что можно жить иначе. И они сделали. Сами.

Ворота распахнулись настежь.

И народ хлынул наружу.

Флора бежала впереди всех — растрепанная, раскрасневшаяся, в новом, чистом платке, который она, видимо, надела специально для встречи. Руки ее были раскинуты, как у птицы, готовой взлететь, а по щекам текли слезы — крупные, частые, счастливые.

— Барыня! — заорала она так, что, казалось, в лесу птицы с перепугу попадали с веток.
— Барыня! Живая! Вернулась!

Она повисла на Алисе, обхватила за шею, прижалась мокрой щекой, трясаясь в рыданиях.

— А мы тут... а мы... ой, не могу! Думали, убьют вас там! Думали, не свидимся больше!

— Тише, тише, — Алиса обнимала ее, гладила по спине, чувствуя, как сама готова разреваться. — Все хорошо. Вернулась. Живая. Все хорошо.

Флора оторвалась от нее, шмыгнула носом, утерлась рукавом и вдруг улыбнулась — широко, счастливо, по-детски.

— А мы тут... вы посмотрите только! Вы посмотрите, что мы сделали!

Пахом подошел следом — важный, бородатый, в новом полушубке. Остановился в двух шагах, снял шапку и поклонился в пояс. Низко, по-старинному, от души.

— Барыня, — сказал он, и голос его, обычно грубый и насмешливый, дрожал. — Мы это... все сделали, как вы велели. Частокол новый, дома поставили, запасы... — Он махнул рукой в сторону деревни. — Вон, Спиридон наковал столько, что девать некуда. Всю зиму теперь с инструментом.

Спиридон стоял чуть поодаль — хмурый, как всегда, с дикой бородицей и глазами, которые еще недавно были пустыми. Но сейчас в них горел огонь. Живой, теплый, настоящий. Губы его кривились в улыбке — кривой, смущенной, но счастливой.

— Барыня, — буркнул он, пряча глаза. — Посох у вас... того... красивый.

Алиса рассмеялась. Подошла к нему, взяла за руку — огромную, в мозолях, в саже.

— Спасибо тебе, Спиридон. За все.

Он смутился еще больше, засопел, но руку не отнял.

А народ все подходил. Бабы в новых платках, мужики в подшитых тулупах, дети — чистые, румяные, с любопытством глазающие на барыню с посохом и на огромного кота, который вылез из саней и теперь важно вышагивал по снегу, принимая восхищенные взгляды как должное.

— Лева-то! — закричал кто-то. — Лева вернулся! Здоровый какой!

Кот величественно повел ухом — мол, да, я вернулся, можете радоваться.

Алиса оглядела деревню.

Новые дома. Крепкий частокол. Дым из труб. Люди в чистой одежде. И на всех лицах — не прежняя, затравленная обреченность, а гордость. Они сделали это. Сами.

За поворотом, за новыми постройками, виднелась башня. Старая, почерневшая, но — Алиса пригляделась — в ней что-то изменилось. Окна? Да, окна! В башне появились новые рамы, а кое-где даже стекла — настоящие, мутные, пузырчатые, но стекла! И крыша — крыша была залатана.

— Вы и до башни добрались? — спросила она изумленно.

— А как же! — Флора всплеснула руками. — Спиридон леса наставил, мужики лазали, чинили. Крышу перекрыли, окна вставили, печь... печь пока не сложили, ждали вас. Спиридон говорит: «Барыня сама должна печь закладывать, она теперь хранительница».

Алиса посмотрела на кузнеца. Тот засопел еще громче и отвернулся.

— Спасибо, — сказала она тихо, но так, чтобы он услышал. — За все спасибо.

Лютобор, который все это время молча наблюдал за сценой, вдруг хмыкнул:

— А вы тут, баронесса, не просто барыня. Вы тут — мать родная.

— Они меня такой сделали, — ответила Алиса. — Я просто поверила в них. А они — в себя.

Михай, стоявший рядом, вдруг кашлянул в кулак. Алиса покосилась — у хмурого воина, кажется, глаза были на мокром месте. Но он быстро взял себя в руки.

— Ну что, барыня, — сказал он, пряча улыбку. — Пойдемте домой? Замерзли небось.

Алиса шла по новой, расчищенной улице, мимо новых домов, мимо улыбающихся лиц, и чувствовала, как внутри разливается тепло. Не от посоха — от другого. От того, что здесь, в этом холодном, суровом мире, у нее появился дом. Настоящий. Свой.

— Лева, — сказала она, глядя на кота, который вышагивал рядом с важным видом. — Мы дома.

Кот муркнул согласно.

И добавил что-то на своем кошачьем — мол, конечно, дома, а ты думала? Я же говорил, здесь хорошо.

У башни Алиса остановилась. Подняла глаза.

Старая, черная, но с новыми окнами и новой крышей, она смотрела на нее не враждебно, как в первый раз, а приветливо. Ждала.

— Ну что, — сказала Алиса, сжимая посох. — Пора закладывать печь.

— Завтра, — решительно заявила Флора. — А сегодня — пир! У нас столы накрыты! Вы только гляньте!

И правда — в центре деревни, под навесом, стояли длинные столы, ломившиеся от еды. Кастрюли с дымящейся похлебкой, пироги, мясо, соленья, даже брага в больших жбанах.

— Это все... — Алиса не договорила.

— Спиридон еще лося завалил, — затараторила Флора. — А Пахом кабана подстрелил. А бабы наши напекли, насолили, наварили — заходите, барыня, заходите, гости дорогие!

— Мы не гости, — усмехнулась Алиса. — Мы свои.

И села за стол.

Лева тут же запрыгнул на лавку рядом, положил голову ей на колени и заурчал — довольно, сыто, счастливо.

Алиса смотрела на людей, которые стали ей семьей, на нового друга Лютобора, на хмурого, но довольного Михая, на улыбающихся Флору, Пахома, Спиридона, и думала о том, что все было не зря.

Суд, битва, кровь, слезы — все не зря.

— За будущее, — подняла она кружку с брагой.

— За будущее! — грянуло в ответ.

Лева одобрительно муркнул.

Впереди была зима. Но впереди была и весна. И печь, которую надо сложить. И дети, которые родятся в этих новых домах. И жизнь, которая продолжалась.

Алиса улыбнулась и отпила из кружки.

Спиридон сидел во главе стола рядом с Алисой, хмуро поглядывал на Лютобора, который устроился напротив.

— Ты на него не зыркай, — шепнула Алиса. — Он свой.

— Свой? — Спиридон скептически поднял бровь. — Брат того уroda, что ребенка вашего угробил?

— Брат, но не урод. Он нам помог. Документы дал, свидетелей нашел. Без него бы Рутгер гулял на свободе.

Спиридон помолчал, потом тяжело вздохнул.

— Ладно. Если вы говорите...

Лютобор словно почувствовал их разговор, поднял кружку, кивнул Спиридону. Тот нехотя ответил.

Мужики пили, ели, громко разговаривали. Бабы смеялись, дети бегали между столами. Лева сидел на почетном месте — на коленях у Алисы — и принимал подношения от всех, кто проходил мимо.

— А что привезли? — спросила Флора, подсаживаясь. — Из столицы-то? Поди, диковинки всякие?

Алиса хлопнула себя по лбу.

— Лютобор! Там же в санях...

Он уже тащил мешки.

— Это вам, — сказал он, вываливая на стол богатство. — Соль, перец, пряности. Ткани — шерсть, лен, шелк даже есть. Инструменты — пилы, молотки, гвозди. И это... — он вытащил маленький мешочек, — семена. Новые, южные. Говорят, овощи дают крупные, сочные. Посадите весной — заживете.

Алиса смотрела на это все и чувствовала, как внутри разливается тепло. Не от посоха — от людей.

— Барыня, — Флора подсела ближе, заглянула в глаза. — А вы это... вы теперь надолго? Или опять уедете?

— Надолго, — твердо сказала Алиса. — Домой вернулась.

Флора всплакнула снова, уткнулась в плечо.

— Ну хватит, — сказала Алиса. — Давай лучше пировать. За нас. За Каменный Лог. За то, что выстояли.

Мужики подхватили, заорали, застучали кружками.

Лютобор сидел в стороне, смотрел на это веселье, и в глазах его было что-то новое. То ли зависть, то ли надежда.

— Привыкай, — сказал ему Михай, протягивая кружку. — У нас тут так.

— Вижу, — усмехнулся Лютобор. — Шумно.

— Это хорошо. Живые значит.

Они чокнулись.

Алиса подняла свою кружку, оглядела всех — своих, чужих, новых, старых. Лева на коленях урчал, как трактор.

— За нас! — сказала она.

— За нас! — заорали все.

Пир продолжался до утра.

Глава 34: Болезнь

Утро после пира выдалось тяжелым.

Алиса открыла глаза и поняла, что голова ее находится где-то отдельно от тела и категорически не желает с ним дружить. Во рту было такое ощущение, будто там переночевала кошка и забыла убрать за собой.

— Больше никогда, — прохрипела она.

Лева, дремавший в ногах, открыл один глаз и посмотрел на нее с выражением глубокого скептицизма. Мол, ты это говоришь каждое утро после каждого пира.

— Врешь, — сказала Алиса. Положив голову на подушку и закрыв глаза.

Кот согласно моргнул.

За дверью послышались крики.

Алиса вздрогнула, выныривая из полудремы. Лева рядом поднял голову, уши его насторожились, в желтых глазах мелькнуло беспокойство. Кричала Фекла — громко, надрывно, не своим голосом. Так кричат только тогда, когда случается непоправимое.

— Барыня! Барыня, беда!

Сердце пропустило удар, потом забилося где-то в горле. Алиса вскочила, натягивая тулуп прямо на рубаху — некогда застегиваться, некогда думать. Посох сам прыгнул в руку, будто ждал этого момента. Теплый, живой, пульсирующий тревогой в такт ее сердцу.

Она выбежала во двор.

Холодный воздух обжег легкие, снег захрустел под ногами. Уже светало, но небо висело низкое, серое, давящее. Во дворе собралась толпа — человек двадцать, все смотрели в одну сторону, туда, где стоял один из новых домов.

Женщина стояла на коленях в снегу.

Прямо посреди двора, не чувствуя холода, не чувствуя ничего, кроме своего горя. Она выла — тонко, страшно, по-звериному. Рядом топтался мужик, бледный как полотно, губы его тряслись, руки болтались плетью. Он пытался что-то сказать, поднять жену, но та не слушала — только выла и раскачивалась, зарывая пальцы в снег.

Спиридон стоял у дверей дома, хмурый, сжатый, как пружина. На лице его застыло выражение, которое Алиса видела однажды — когда он рассказывал о жене и сыне. Смерть. Он узнал ее запах.

— Что случилось? — Алиса подбежала, хватая ртом воздух. Сердце колотилось так, что, казалось, сейчас выпрыгнет.

Фекла обернулась. Лицо ее было залито слезами, глаза красные, опухшие.

— Детки, барыня... — голос ее срывался, она хватала воздух, как рыба на берегу. — У новых, у переселенцев... трое деток слегли.

Она схватила Алису за руку, вцепилась мертвой хваткой.

— Горят, мечутся, дышат тяжело. Мать ревет, отец сам не свой. Велену искали — нету. Ушла куда-то в лес, еще вчера. А без нее мы... мы не знаем, что делать. Барыня, помогите! Вы же... вы же теперь с посохом, вы же в храме были, вы же...

Алиса замерла.

Посох в руках нагрелся. Сильнее, чем обычно — так сильно, что стало горячо даже сквозь рукавицу. Белые узоры на древке вспыхнули, задвигались, заплясали, и в груди Алисы что-то отозвалось — глубоко, древне, неотвратимо.

Страх. Предвкушение. Ужас перед тем, что придется делать. И где-то под всем этим — тихий, уверенный голос, похожий на шум леса: «Ты выбрала жизнь. Теперь живи. И давай жизнь другим».

— Веди, — сказала Алиса.

Голос ее прозвучал ровно, хотя внутри все дрожало.

Фекла рванула к дому, распихивая толпу. Люди расступались, глядя на барыню с посохом — кто с надеждой, кто с сомнением, кто с суеверным страхом.

Алиса шагнула за ней.

У порога она остановилась на мгновение. Посмотрела на Спиридона. Тот встретил ее взгляд — и вдруг кивнул. Коротко, по-мужски. Мол, справишься. Я знаю.

Лева проскользнул следом, бесшумный, как тень. Он не остался снаружи — пошел с ней.

Дверь открылась.

Внутри было темно, душно и пахло потом, страхом и чем-то еще — сладковатым, тошнотворным, от чего у Алисы свело скулы. В углу, на широкой лавке, лежали трое детей. Самому старшему было лет пять, младший — еще младенец, завернутый в тряпье. Алиса смотрела на детей. Обычная простуда, перешедшая в воспаление легких? Или что-то заразное? Здесь, без лекарств, без антибиотиков, без врачей — смертный приговор.

Мать сидела рядом на полу. Не плакала — просто сидела, глядя перед собой остановившимися глазами. Она уже перестала бороться. Она уже сдалась.

Отец стоял у стены, вцепившись руками в косяк так, что костяшки побелели. Он смотрел на детей и молчал. Но в этом молчании было столько бол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.